А 19/485

М. Ольденъ-Уардъ

(May Alden-Ward: „The Prophets of the XIX Century“)

801-18
1286

Три біографіи

Томасъ Карлейль
Джонъ Рескинъ
Левъ Толстой

§ 1 нсм 147 Д°

Переводъ съ англійскаго

И. С. ДУРНОВО

Изданіе книгопродавца М. В. КЛЮКИНА
Москва, Моховая, домъ Бенкендорфъ.

Дозволено цензурою. Москва, 20 Декабря, 1900 года.

13105-0

2013041579

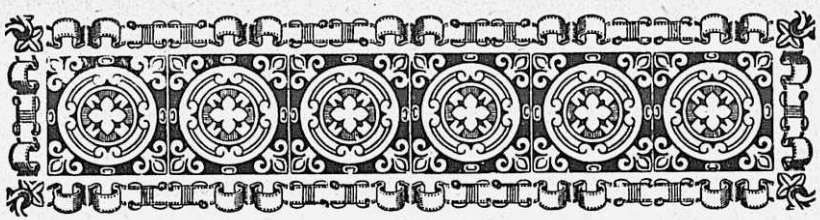
Первая женская типографія Е. К. Гербекъ, Москва 2-я Мѣщанская, № 26.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	Отъ переводчика	3.
II.	Предисловіе къ англійскому подлиннику	6.
III.	Томасъ Карлейль и его „Евангеліе Труда“	9.
IV.	Джонъ Рёскинъ, какъ реформаторъ общества	60.
V.	Графъ Л. Н. Толстой	94.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страницы:			Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
36,	13-я	строка сверху...	„пустъ“	„пусть“
„ 46,	10-я	„ „	„Божествен*ной*“	„Божествен*но*“
„ 48,	13-я	„ „	„хроник*и*“	„хроник*у*“
„ 55,	10-я	„ „	„котор*ой*“	„котор*ую*“
„ „	11-я	„ „	„	“
„ „	11-я	„ снизу	„долг*а*“	„долг*ъ*“
„ „	12-я	„ „	„мо*его*“	„мо*й*“
„ 120	10-я	„ сверху	„истин*ы*“	„истин*у*“



ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагая русской публикѣ этотъ переводъ небольшой, но весьма содержательной, книги M. Alden Ward'a, считаю нелишнимъ объяснить, почему, вмѣсто англійскаго заглавія: „The Prophets of the XIX Century“, т. е. „Пророки XIX-го столѣтія“, я поставилъ въ русскомъ переводѣ просто: „Три Біографіи“.

Я не буду касаться здѣсь, въ этихъ немногихъ строкахъ, насколько, и въ чемъ именно, сложившееся у насъ, въ текущей литературѣ и въ общественномъ быту, представленіе о „пророкѣ“ уклонилось отъ первоначальнаго библейскаго понятія. Для насъ, въ общепринятомъ значеніи, это представленіе, несомнѣнно, рисуетъ образъ духовнаго вождя и проповѣдника, имѣющаго, при огромной нравственной высотѣ личнаго характера, еще и даръ и мощь, въ исполненіе завѣтовъ Божіихъ, „глаголомъ жечь сердца людей“. Русская лирика оставила намъ, устами не одного, а нѣсколькихъ нашихъ поэтовъ, дивныя по внутренней силѣ и красотѣ изображенія такихъ духовныхъ вселенскихъ учителей.

Несомнѣнно также, что всѣ три человѣка, біографіи которыхъ входятъ въ настоящую книгу, имѣютъ, хотя и въ разной степени, право на названіе такихъ духовныхъ вождей своего народа, а черезъ него и всего человѣчества. Но я не могъ не остановиться на томъ, что, въ теченіи XIX-го столѣтія, и другія имена, кромѣ Карлейля, Рёскина и Толстого, могли бы быть, не безъ основанія, приведены въ качествѣ такихъ духовныхъ наставниковъ своей эпохи. Не говоря уже о Гёте, на котораго указываетъ и самъ англійскій авторъ (стр. 100 и 155 русскаго перевода), врядъ ли такое значеніе можно, въ истекшемъ столѣтіи, оспаривать—и это несмотря на изъяны и грѣховность ихъ личныхъ характера и жизни—хотя бы у Байрона, котораго Пушкинъ называетъ „властителемъ нашихъ думъ“,—или у Шопенгауэра, философію жизни котораго, наравнѣ съ философіей Сократа, Будды и Соломона, такъ тщательно разсматриваетъ и взвѣшиваетъ самъ Толстой.

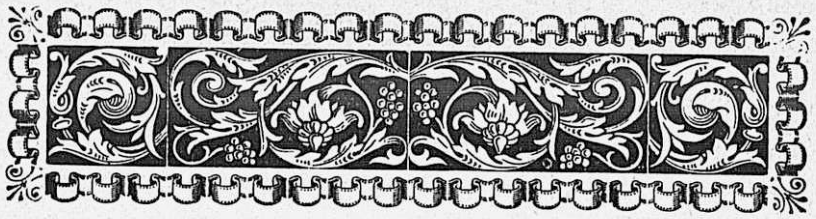
Такимъ образомъ, данное англійскимъ авторомъ своему сочиненію названіе казалось мнѣ и слишкомъ общимъ, и недостаточно опредѣлительнымъ.

Затѣмъ, для меня, какъ русскаго, ярче сказывалась и рельефнѣе, нежели для англійскаго автора, выступала несоизмѣримость выводимыхъ имъ шотландскаго, хотя бы и геніальнаго, историка—Карлейля и первокласснаго художественнаго критика и утописта Рёскина—тоже шотландца—съ могучимъ славянскимъ писателемъ, великаномъ творчества и мысли, къ чьимъ грознымъ обличеніямъ трепетно и напряженно прислушивается цѣлый міръ. Ибо Толстой—какъ бы ни относиться къ его

ученію во всей цѣлости онаго—есть прежде всего обличитель, безсмертный свѣточъ и будильникъ совѣсти, величайшій изъ бывшихъ доселѣ во всемірной литературѣ. Русскій читатель предлагаемаго сочиненія самъ скоро, и помимо сдѣланныхъ англійскимъ авторомъ въ его предисловіи указаній,—найдетъ тѣ родственныя связующія черты, которыя соединяютъ британскихъ моралистовъ съ великимъ русскимъ проповѣдникомъ, но—какъ бы тепло и увлекательно ни были написаны англійскимъ авторомъ біографіи родныхъ ему дѣятелей—для русскаго читателя, конечно, сразу станутъ ясны—и сравнительная разница ихъ духовнаго горизонта съ великимъ русскимъ геніемъ, и все, отдѣляющее ихъ отъ всеобъемлющаго захвата послѣдняго, разстояніе.

Имѣющіяся въ біографіи гр. Л. Н. Толстого выписки изъ его сочиненій напечатаны мною по тщательной свѣркѣ съ совершенно *достовѣрнымъ ихъ спискомъ*.

И. С. Дурново.



ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ АНГЛІЙСКОМУ ПОДЛИННИКУ.

Карлейль передъ смертью сказалъ, что Джонъ Рёскинъ — единственный человѣкъ въ Англіи, несущій въ будущность его собственныя, Карлейля, идеи; а Рёскинъ не такъ давно говорилъ, что графъ Толстой—единственный человѣкъ во всемъ мірѣ, дѣйствительно стоящій на почвѣ того же движенія, которое попытался возбудить онъ самъ—Рёскинъ. Невольно возникаетъ вопросъ, существуетъ ли преемственная связь между этими тремя людьми, столь различными по ихъ внѣшней обстановкѣ. Что касается двухъ первыхъ—связь эта не подлежитъ сомнѣнію,—она была и непосредственная и органическая. Карлейлю было уже 24 года въ моментъ рожденія Рёскина, и значеніе перваго достигло уже своего апогея, когда Рёскинъ еще только выпустилъ свои первые, создавшіе ему репутацію, труды объ искусствѣ. За весь этотъ періодъ времени, вліяніе Карлейля постепенно и не-

удержимо захватывало Рёскина и, къ сорокалѣтнему его возрасту, достигло такой силы, что онъ призналъ за лучшее отказаться отъ своихъ прежнихъ твореній и выступить на новую дорогу. Онъ прекратилъ дальнѣйшія изданія своихъ сочиненій по искусству, несмотря на то, что въ нихъ ничто не возбуждало въ немъ раскаянія, но лишь потому, что они стояли въ противорѣчіи съ ученіемъ Карлейля. Оба—какъ тотъ, такъ и другой, они работали въ одномъ направленіи, хотя и по различному способу. Рёскинъ лишь убѣдился, что способъ Карлейля вѣрнѣе и ближе ведетъ къ цѣли, и весь отдался затѣмъ своимъ опытамъ совершенствованія людей на экономической почвѣ, путемъ улучшенія ихъ обстановки. Этой цѣли онъ радостно посвятилъ свое частное, довольно крупное, состояніе, достигавшее до милліона долларовъ, полученное имъ по наслѣдству отъ отца. Въ этихъ поступкахъ Рёскина мы видимъ близкую аналогію съ жизнью и ученіемъ Толстого, хотя связь послѣдняго съ западными учителями и не столь непосредственная, какъ ихъ между собою. Она, повидимому, не необходима органически, но тѣмъ не менѣе, несомнѣнна, ибо духовное единеніе, на почвѣ общности мыслей, само по себѣ порождаетъ почти неразрывный союзъ.

Въ такомъ-то союзѣ объединены эти три чело-

вѣка,—три реформатора общества, влекущіе его къ высшей жизни, и—несмотря на различіе въ мѣстахъ ихъ дѣйствія—почти къ одной и той же цѣли. Исторія ихъ жизни раскроетъ современемъ, путемъ какой духовной борьбы пришли они къ своимъ ученіямъ, но уже и нынѣ не можетъ быть сомнѣнія, что ученія эти были для нихъ откровеніемъ, которое они провозглашали со всей искренностью, на которую только способенъ человѣкъ...

Томасъ Карлейль.

Томасъ Карлейль
и его „евангеліе труда“.

Не безъ нѣкотораго удивленія приходится вспомнить, что Англія уже отпраздновала столѣтнюю годовщину со дня рожденія Карлейля. Какъ-то трудно себѣ представить, что съ тѣхъ поръ прошло цѣлое столѣтіе,—до такой степени живъ еще въ текущей современности родившійся тогда человѣкъ. И, тѣмъ не менѣе, фактически вѣрно, что, когда онъ увидѣлъ свѣтъ, другой великій Шотландецъ,—жизнь котораго Карлейль разсказалъ такъ, какъ только онъ одинъ умѣлъ это дѣлать—Робертъ Бёрнсъ—былъ еще живъ, — во Франціи еще не наступало то царство террора, которое Карлейль изобразилъ намъ съ такой страшной реальностью,—надъ Европой еще не поднималась рука Наполеона, этого „рокового смѣшенія шарлатанства и героизма". Люди, родившіеся одновременно съ Карлейлемъ, несомнѣнно принадлежатъ уже къ другому вѣку. Китсъ родился годомъ позже Карлейля,—Шелли на три года,—Байронъ на шесть лѣтъ раньше его. И всѣ эти трое—и Байронъ, и Шелли, и Китсъ уже исполнили все, что суждено было имъ исполнить на свѣтѣ, и уже

сошли въ могилу, когда Карлейль еще даже не опредѣлилъ себѣ своей жизненной задачи. Проживи онъ не долѣе, нежели всѣ эти его современники,—имя его, по всей вѣроятности, никогда и не было бы извѣстно. Къ тому времени, когда геній этихъ людей былъ въ полномъ расцвѣтѣ, Карлейль былъ еще простымъ школьнымъ учителемъ въ глухой деревушкѣ Шотландіи. Онъ созрѣлъ поздно, и то обстоятельство, что онъ молчалъ до тѣхъ поръ, пока не почувствовалъ, что имѣетъ сказать нѣчто значительное,—характеристично для Карлейля. Ему не сразу открылось его призваніе, какъ другимъ писателямъ, и заговорилъ онъ лишь тогда, когда вполнѣ созналъ его.

Въ чемъ же заключалось это призваніе? Зачѣмъ онъ былъ посланъ въ міръ? Его ученіемъ было то, что мы по справедливости можемъ назвать „евангеліемъ труда“. „Если у васъ есть какое либо дѣло въ этомъ свѣтѣ—*исполняйте его*“. Вотъ призывъ, который постоянно, немолчно, раздавался изъ устъ Карлейля въ теченіе болѣе полувѣка. Онъ утверждалъ и настаивалъ, что мы посланы—каждый изъ насъ—въ міръ съ извѣстнымъ назначеніемъ, съ опредѣленной цѣлью быть въ немъ полезнымъ,—и что, если мы не исполняемъ своего дѣла, то мы—не болѣе, какъ мусоръ, обременяющій землю. Необходимою частью ученья Карлейля была рьяная ненависть ко всякому притворству и лицемѣрію и утвержденіе значительности и цѣнности человѣческой жизни. Въ такой проповѣди въ особенности нуждался легкомысленный, сентиментальный и лѣнивый вѣкъ, среди котораго жилъ Карлейль—и вліяніе его было неисчислимое. Можно съ увѣренностью сказать, что, въ теперешнемъ и предшествовавшемъ поколѣніяхъ, нѣтъ ни одного сколько нибудь выдающагося литературнаго дѣятеля въ Англіи и Сѣверной Америкѣ, на которомъ, такъ или иначе,—но всегда благотворно,—не отразилось бы вліяніе Карлейля. Каждый изъ нихъ черпалъ у него и нравственную поддержку, и вдохновеніе. А какъ исчислить то великое множество мужчинъ и женщинъ, не причастныхъ къ литературѣ, но чьи воззрѣнія на жизнь стали глубже, шире, подъ вліяніемъ его проповѣди,—которые выучились у него, что жизнь не просто „проживаніе“,—что единственная дѣйствительность въ жизни и ея полнота—это дѣло и подвигъ,—что деньги, слава, все, что свѣтъ называетъ успѣхомъ,—ничтожно и пошло, сравнительно съ дѣйствительнымъ значеніемъ жизни, лежащимъ въ трудѣ—и въ правдѣ—и въ долгѣ?

Великою задачею Карлейля было воззвать людей къ сознанію истинной дѣйствительности жизни, показать имъ высшій нравственный уровень человѣческаго существованія, и выяснить, до какой степени,—безусловно и всецѣло,—уклонилась отъ него наша европейская современность. И, каково бы ни было, въ конечномъ выводѣ, сужденіе о сочиненіяхъ Карлейля, онъ оставилъ неизгладимый слѣдъ на всей духовной жизни XIX столѣтія. Нельзя достаточно высоко оцѣнить живительное и укрѣпляющее дѣйствіе этого писателя, возбудившаго, среди сбившагося съ пути и ис-

кавшаго выхода поколѣнія, стремленіе къ великимъ жизненнымъ цѣлямъ. Это дѣло—достойное пророка.....

***

Томасъ Карлейль родился 4 декабря 1795 года, въ маленькой шотландской деревушкѣ Икклифичанъ (Ecclefechan)—состоявшей изъ одной единственной улицы, съ ручьемъ посрединѣ.

Его отецъ былъ каменьщикъ и собственными руками построилъ тотъ домъ, въ которомъ родился его сынъ. Оба родителя Карлейля были честные шотландскіе крестьяне, строгіе кальвинисты. Что они были бѣдняки—это разумѣется само собою. Глава семейства, оставивъ ремесло каменьщика, занялся фермерствомъ и былъ въ состояніи, въ исключительно благопріятные годы,—сколотить до 500 долларовъ въ годъ на семью въ девять человѣкъ дѣтей. Но, такъ какъ въ Шотландіи всякій бѣднякъ понимаетъ значеніе образованія, то Карлейли всетаки рѣшили дать Томасу достаточное воспитаніе. Покончивъ съ сельскою школою, онъ перешелъ, десяти лѣтъ отъ роду, въ среднее учебное заведеніе (Academy) въ Эннендэлѣ (Annandale), на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ родной деревни.

Въ „Sartor Resartus'ѣ“ есть автобіографическое изображеніе маленькаго десяти-лѣтняго мальчика, идущаго объ руку съ отцомъ въ новую школу, съ сердцемъ исполненнымъ радости и надеждъ — надеждъ, которымъ не суждено было сбыться, такъ какъ эта новая школа оказалась для

Томаса истинной школою бѣдствій. Школьные мальчики были жестокими тиранами для всякаго новичка. Отправляя сына въ „академію“, мать Карлейля взяла съ него обѣщаніе не драться вообще,—и даже не наносить ударовъ ради своей защиты; и весьма можетъ быть, что это обѣщаніе отозвалось горечью на всю послѣдующую жизнь Карлейля. Мальчишки очень скоро открыли секретъ его беззащитности,—а потому притѣсняли и мучили его безпощаднѣйшимъ образомъ. Карлейль переносилъ ихъ обращеніе въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока наконецъ, выйдя изъ себя, не бросился въ бѣшенствѣ на самаго сильнаго изъ своихъ мучителей, и не сталъ его колотить изо всей мочи. Послѣ этого его оставили въ покоѣ, но товарищеская связь со своими сверстниками у него вообще не установилась. Этотъ опытъ сдѣлалъ его одинокимъ, мизантропически настроеннымъ ребенкомъ уже съ этихъ малыхъ лѣтъ. На пятнадцатомъ году Карлейль поступилъ въ Эдинбургскій университетъ. Жизнь учащихся въ шотландскихъ университетахъ того времени далеко была не похожа на теперешнюю. Большинство студентовъ были крайне бѣдны, и многіе изъ нихъ пробивались собственнымъ тяжелымъ трудомъ, жили по дешевымъ угламъ и питались овсянкою да картофелемъ, высылаемыми имъ еженедѣльно изъ дома. Карлейль существовалъ такъ же, какъ и остальные.

Родители его желали, чтобы, по окончаніи университетскаго курса, онъ вступилъ въ ряды духовенства шотландской церкви,—и молодой

Карлейль вошелъ въ эти планы. Каковы были его собственныя тайныя желанія—мы увидимъ изъ слѣдующей замѣтки, написанной имъ на старомъ греческомъ учебникѣ, случайно найденномъ, долгіе годы спустя, однимъ изъ поклонниковъ Карлейля:

„О фортуна!“—пишетъ онъ—„ты—счастіе, размѣряющее въ жизни каждому его долю наслажденій и страданій,—ведущее одного къ тому, чтобъ ему жирно ѣсть и нестись сквозь жизнь въ каретѣ шестерикомъ,—а другого къ тому, чтобъ питаться селедкой и тянуть свою вѣчную лямку,—даруй, если хочешь,—короны, царства, княжества, полные кошельки и плум-пуддинги всѣмъ сильнымъ, и гордымъ, и сытымъ земли. Но мнѣ даруй—чтобы, независимый сердцемъ, недоступный соблазну улыбокъ свѣта и стойкій передъ его враждою—я достигъ литературной славы. И тогда пусть голодъ будетъ моимъ удѣломъ—я лишь посмѣюсь тому, что родился не въ королевской семьѣ“...

Литературной славы онъ точно добился, но уже послѣ того, какъ научился искать въ жизни другой, гораздо болѣе высокой, цѣли.

Шестьдесятъ лѣтъ спустя, когда эта слава его была громче, нежели когда либо онъ самъ о томъ смѣлъ мечтать,—Карлейль говорилъ студентамъ того же университета, гдѣ онъ учился:

„человѣкъ рожденъ для того, чтобы приложить къ дѣлу каждую самомалѣйшую частицу той силы, которою надѣлилъ его Всемогущій Богъ для того, чтобы человѣкъ

исполнилъ свое дѣло на землѣ,—чтобы отдался этому дѣлу до послѣдняго дыханія своего, до крайняго старанія исполнить свой долгъ какъ можно лучше. Мы призваны, мы назначены къ тому, чтобы поступать такъ,—и наградою намъ, наградою, въ которой мы можемъ быть увѣрены, если только ее заслужимъ—будетъ именно то, что мы это свое дѣло исполнили, или по крайней мѣрѣ старались исполнить. Въ этомъ уже одномъ лежитъ блаженство,—и я скажу пожалуй даже, что кромѣ этого-то немного на свѣтѣ есть истинныхъ наградъ. Если человѣкъ имѣетъ ѣду и платье—что̀ въ томъ, будетъ ли онъ удовлетворять этимъ жизненнымъ необходимымъ потребностямъ цѣною семи тысячъ, или даже семи милліоновъ—если бы это было возможно—или семидесяти фунтовъ стерлинговъ въ годъ? Вѣдь за послѣднюю сумму онъ фактически можетъ имѣть ѣду и платье,—а затѣмъ—если только это человѣкъ мудрый—онъ не усмотритъ никакъ внутренней разницы“...

И Карлейль, не въ примѣръ многимъ другимъ проповѣдникамъ и моралистамъ, и въ жизни самъ слѣдовалъ своимъ высокимъ нравственнымъ идеаламъ. Но, ранѣе нежели онъ достигъ такого уровня практической философіи, и безусловно убѣдился, что все *значеніе жизни* лежитъ только въ томъ или другомъ *добросовѣстно-исполненномъ трудѣ* — Карлейль, въ эту эпоху его жизни, былъ всетаки лишь девятнадца-

ти-лѣтнимъ юношею, которому тогда высшею цѣлью казалась литературная слава, и никто, конечно, не станетъ отрицать, что и это уже было само по себѣ яснымъ и возвышеннымъ взглядомъ на жизнь. Онъ намѣчалъ себѣ путь истиннаго достоинства и тяжелаго труда, хотя бы этотъ путь не принесъ ему ничего, кромѣ „питанія селедкою“ и голодовки,—предпочитая такое существованіе поверхностному и сытому диллетантизму, блещущему на жизненномъ пути „въ каретѣ шестерикомъ“. Такъ уже и тогда сказался основной мотивъ всей его жизни.

*
* *

Девятнадцати лѣтъ Карлейль вышелъ изъ университета. Глубокимъ сарказмомъ дышатъ въ „Sartor'ѣ“ тѣ мѣста, въ которыхъ онъ упоминаетъ о томъ, чему онъ въ университетѣ научился. Согласно желанію родителей, Карлейль долженъ былъ продолжать свои занятія богословіемъ. Въ особенности горячи и прекрасны были его отношенія съ матерью. Не смотря на то, что то была совершенно необразованная женщина, Карлейль всегда относился къ ней съ величайшимъ уваженіемъ и преданностью. Когда онъ поступилъ въ школу, мать его была неграмотная, но принялась учиться грамотѣ ради того, чтобъ имѣть возможность письменно сообщаться со своимъ сыномъ. И она дѣйствительно выучилась читать и писать, какъ это ни казалось труднымъ для женщины ея лѣтъ. Отецъ Карлейля писалъ

ему однажды, что и мать написала бы ему сама, но человѣкъ, имѣвшій передать письмо, могъ пробыть въ деревнѣ только два дня, а мать Карлейля въ это время писала еще такъ медленно, что въ такой срокъ не могла управиться съ письмомъ, и потому оно отлагалось до другого раза. Вотъ одно изъ ея писемъ, какъ образчикъ тѣхъ отношеній, которыя существовали между ея сыномъ и ею, и ея нѣжной заботливости о его тѣлесныхъ и духовныхъ нуждахъ.

„Сынъ Томъ!—Я получила твое доброе и пріятное письмо. Ничто не можетъ быть мнѣ болѣе радостнымъ, какъ слышать о твоемъ благополучіи. Не падай духомъ, бодрись, мой славный мальчикъ. Ты ласково спрашиваешь о моемъ здоровьѣ. Я жалуюсь какъ можно меньше. Ясные дни очень хорошо на меня дѣйствуютъ. Но въ общемъ я чувствую себя такъ хорошо, какъ только могу того ожидать, слава Богу. Я посылаю тебѣ немного масла и печенья, а также и ящикъ, чтобы ты переслалъ домой свое платье и бѣлье. Пришли все сюда, чтобы я могла его вымыть и пересмотрѣть еще разъ. Ахъ родной—еслибъ я только умѣла писать! Ужъ я поговорю съ тобой, когда мы свидимся, а пока должна удовольствоваться тѣмъ, что есть. Напиши мнѣ длинное письмо; это меня очень оживляетъ и напиши мнѣ по совѣсти, каждый ли вечеръ и каждое утро читаешь ли ты главу (изъ Библіи), сынокъ!

Скажи мнѣ, не нужно ли тебѣ чего особенно? Бѣгу укладывать ящикъ.

Твоя любящая мать

Маргарита Карлейль“.

Однако несмотря на все свое уваженіе къ родительскимъ желаніямъ, у Карлейля стало слагаться убѣжденіе, что по совѣсти онъ не можетъ принять на себя духовный санъ. Правда, онъ продолжалъ кое-какъ свои богословскія занятія, занимаясь вмѣстѣ съ тѣмъ постороннею работою, чтобы заработывать средства въ жизни. Все, что требовалось, чтобы значиться въ числѣ воспитанниковъ высшаго Духовнаго Училища—было: записаться, платить установленный взносъ, и разъ въ годъ сочинить и произнести проповѣдь. Карлейль дважды произносилъ такія ежегодныя проповѣди раньше, нежели окончательно покончилъ съ богословіемъ. Онъ самъ признаетъ ихъ слабыми, напыщенными, сентиментальными вещами и самъ разсказалъ также ту страшную внутреннюю борьбу, которую пережилъ, когда услышалъ голосъ, зовущій его: „вставай и рѣшай задачу твоей жизни!“...

„Отецъ и мѣстный пасторъ предназначали меня въ число духовныхъ Шотландской церкви: но, придя въ возрастъ и ставъ человѣкомъ, я усомнился въ томъ, исповѣдую ли я самъ ученіе моей родной церкви,—и для меня наступила необходимость разобраться въ этомъ вопросѣ. И я вошелъ въ свою комнату и заперъ за собою двери,—и вотъ вокругъ меня возстали толпою призраки изъ самыхъ глубинъ преисподней—и послѣдней, конечной, погибели. Сомнѣніе, Ужасъ, Невѣріе, Злословіе, Глумленіе были тутъ—и я боролся съ ними въ мукахъ моего духа. И такъ продолжалось нѣсколько недѣль.... Не знаю—ѣлъ-ли я, не знаю—пилъ-ли я, не знаю — спалъ - ли я за это время! Но я хорошо знаю, что, очнувшись, я имѣлъ горькую увѣренность въ томъ, что состою несчастнымъ обладателемъ одного діавольскаго устройства, называемаго желудкомъ“.

И затѣмъ, въ теченіи всей своей жизни онъ уже никогда не могъ отдѣлаться отъ ощущенія этого „діавольскаго устройства, называемаго желудкомъ“, потому что Карлейль въ теченіи пятидесяти лѣтъ постоянно страдалъ диспепсіею. Эта болѣзнь настолько съ нимъ сроднилась, что мы скорѣе можемъ представить себѣ Зевса-Громовержца безъ его перуновъ, нежели Карлейля безъ его плохого пищеваренія.....

Отказавшись отъ духовнаго званія, онъ попробовалъ заняться учительствомъ, но вскорѣ пришелъ къ убѣжденію, что ему легче „околѣть въ канавѣ“, нежели заработать этимъ ремесломъ себѣ кусокъ хлѣба. Тогда онъ обратился къ законовѣдѣнію. Оно сначала привлекало его блестящею перспективою доставляемой имъ независимости, но вскорѣ Карлейль началъ относиться и къ законамъ, „и къ тупицамъ ихъ изучающимъ, и къ блестящимъ лекторамъ—лишь какъ къ блѣднымъ гражданамъ царства пошлости, тянущимъ не къ чему иному кромѣ денегъ,—въ видѣ мзды за весь ихъ отвратительный умственный хламъ“. Онъ окончательно и навсегда отвернулся отъ юридической карьеры—и вновь поплылъ по волнамъ искать своего будущаго обѣтованія. И тутъ

потекли для него самые тяжелые годы, въ теченіи которыхъ онъ

„пожиралъ свое сердце—не безъ тайныхъ опасеній, что кромѣ этого пожалуй ничего другого и ѣсть будетъ нечего,—среди разочарованія самыхъ близкихъ и дорогихъ людей, вслѣдствіе ихъ несбывшихся надеждъ на мое духовное призваніе — недовольства самимъ собою отъ неудачи съ законовѣдѣніемъ,—и—быть можетъ, хуже всего,—среди океана сомнѣній, среди вѣчно возникавшихъ и не находившихъ разрѣшенія вопросовъ“...

* * *

Въ его жизни былъ уже краткій романъ: это его любовь къ Маргаритѣ Гордонъ, прототипу „Блумины“ въ „Сарторѣ“. Въ дѣло вмѣшались ея близкіе, оно было скоро покончено, и Карлейль остался еще болѣе одинокимъ, нежели передъ тѣмъ;—онъ пишетъ, что въ Эдинбургѣ

„я удостоивался лишь уксусныхъ пріемовъ отъ моихъ ближнихъ, когда мнѣ случалось съ ними встрѣчаться или подходить къ нимъ близко. Главнымъ обвиненіемъ было то, что я такъ гордъ, и такъ робокъ и бѣденъ—такъ незначителенъ на видъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ такъ унылъ и угрюмъ“....

Однако у него былъ и одинъ вѣрный другъ въ Эдинбургѣ—это Эдвардъ Ирвингъ, съ которымъ онъ познакомился еще со времени учительства, и который сразу разгадалъ геній Карлейля. „Только съ Ирвингомъ“—говоритъ Карлейль,

„я впервые испыталъ что́ значитъ общеніе человѣка съ человѣкомъ!“

Карлейль понемногу сталъ зачитываться нѣмецкой литературой, въ то время почти совершенно неизвѣстной въ Англіи, и понемногу также сталъ вновь пріобрѣтать способность трудиться, но все еще не слышалъ того голоса, который бы указалъ ему истинное призваніе. Первый лучъ свѣта явился въ этомъ отношеніи чрезъ посредство его друга, Давида Брюйстера, доставившаго Карлейлю работу въ „Эдинбургской Энциклопедіи“. Денегъ оттуда было немного, но это давало извѣстную умственную и рабочую выправку и, что еще важнѣе,—сознаніе нѣкотораго исполненнаго дѣла. Карлейль написалъ массу статей для этой „Энциклопедіи“, и перевелъ на англійскій языкъ геометрію Лежандра. Вслѣдъ за тѣмъ Ирвингъ устроилъ Карлейлю гувернёрство въ богатой семьѣ Буллеровъ, всѣ три сына которой стали не только его воспитанниками, но и друзьями на всю жизнь. Этотъ заработокъ въ качествѣ гувернёра позволилъ ему продолжать писательство, которое онъ начиналъ понемногу сознавать своимъ истиннымъ, настоящимъ, дѣломъ.

Ирвингъ повліялъ на его жизнь еще инымъ, косвеннымъ образомъ, познакомивъ его въ Гаддингтонѣ съ г-жей Уэльшъ и ея дочерью. Послѣдняя въ это время была очень влюблена въ самого Ирвинга, и онъ въ нее,—но Ирвингъ былъ связанъ предшествовавшей помолвкою съ другой женщиной, которая не хотѣла возвратить ему свободу, хотя онъ ей и изъяснялъ истинное

положеніе своихъ чувствъ. Карлейль объ этомъ ничего не зналъ—и дружба съ Дженни Уэльшъ дала новый смыслъ его жизни.

*
* *

Касаясь исторіи женитьбы и семейной жизни Карлейля—трудно сохранить полное безпристрастіе. По этому поводу намъ пришлось еще недавно испытать такое чувство, какъ будто мы наткнулись на нескромнаго сплетника, раскрывшаго намъ вещи, которыхъ намъ не слѣдовало знать. Г. Фрудъ умеръ еще такъ недавно, что надъ его свѣжей могилой какъ-то трудно выговариваются слова осужденія. Но пусть любая женщина представитъ себѣ, что ея собственныя любовныя письма—письма ея мужа,—и вся ихъ переписка послѣ свадьбы—наконецъ ея дневникъ,—если она его вела,—куда она заносила самыя свои сокровенныя мысли, которыя она не хотѣла бы сообщить даже мужу—ея ежедневныя записи всѣхъ мелкихъ событій ихъ совмѣстной жизни,—пусть мы представимъ себѣ, повторяю, что всѣ эти священныя интимныя бумаги оказались бы въ рукахъ чужого человѣка, который по своему усмотрѣнію, по своему личному чувству такта, и огласилъ бы все это публично. А если у него совсѣмъ нѣтъ такта? И вотъ такимъ-то образомъ бѣдняжка Дженни Карлейль,—бывшая въ теченіи сорока лѣтъ своему мужу вѣрной женой, истинной помощницей во всѣхъ его путяхъ и цѣляхъ,—положившая на алтарь его генія и все

свое время, и всю жизнь, и собственныя стремленія—выставлена теперь передъ всѣмъ міромъ, какъ женщина, не любившая своего мужа! А самъ Томасъ Карлейль — свѣтлый учитель, наставлявшій насъ отрицаться лицемѣрія и жить самоотверженно—призывается нынѣ къ отвѣту за каждое жестокое, болѣзненное слово, вырывавшееся у него за эти сорокъ лѣтъ супружеской жизни. Вотъ когда по истинѣ примѣнимы къ геніальному человѣку слова: „избави насъ отъ друзей нашихъ!...“

Съ Дженни Уэльшъ Карлейль познакомился впервые въ 1821 году, и только въ 1826 году онъ съ ней обвѣнчался, послѣ цѣлой серіи препятствій и затрудненій. Главнѣйшимъ изъ нихъ было то, что ему некуда было дѣвать жену и нечѣмъ ее содержать. Онъ послѣдовательно отступился отъ духовной карьеры, юриспруденціи, учительства, инженернаго искусства, и все еще не пристроился ни къ какому опредѣленному дѣлу, не нашелъ своего призванія въ мірѣ. Все еще продолжалъ онъ „пожирать свое собственное сердце“ съ тѣми же, упомянутыми выше, тайными опасеніями, что кромѣ этого „и ѣсть будетъ нечего“. Онъ много писалъ,—литературной поденной, ремесленной работы,—сдѣлалъ и кой-что получше. Перевелъ Вильгельма Мейстера, написалъ біографію Шиллера, выходившую выпусками въ „Лондонскомъ Обозрѣніи“. Эти работы доставили ему очень рѣдкое сокровище—дружбу Гете, но не дали денегъ. Бѣдность однако не казалась Карлейлю такимъ невыносимымъ бѣд-

ствіемъ, какъ самой миссъ Уэльшъ. Онъ находилъ весьма удобнымъ жить въ деревнѣ, среди тишины и покоя,—„вдали отъ одуряющей безумствующей толпы,“—приводя въ исполненіе задуманные имъ труды. Миссъ Уэльшъ получила по наслѣдству небольшую ферму въ Крайггенпёттокѣ—отдаленномъ, болотистомъ, пустынномъ захолустьѣ, въ пятнадцати миляхъ откуда бы то ни было,—и Карлейль утверждалъ, что имъ слѣдуетъ тамъ поселиться—жить жизнью идиллической. Онъ занимался бы фермерствомъ, а она пекла и стряпала,—и такъ бы они жили въ независимости! У Карлейля было скоплено около 200 фунтовъ стерлинговъ, и для него являлось неопровержимымъ фактомъ, что семья одного поселянина, занимавшагося устройствомъ изгородей, безбѣдно существовала на пятнадцать пенсовъ въ день... Это была весьма незатѣйливая утопія, но столь же неосуществимая, какъ самый несбыточный сонъ. Вкусы и потребности Карлейля были до того просты и умѣренны, что ему-то самому этотъ планъ казался вполнѣ осуществимымъ. Ну,—а миссъ Уэльшъ смотрѣла на это нѣсколько иначе. Она утверждала, что она и одного мѣсяца не выжила бы въ Крайггенпёттокѣ, даже въ сообществѣ ангела. Она безусловно вѣрила въ геній своего жениха и полагала, что слѣдовало бы пріискать какую-нибудь должность,—синекуру,—которая позволила бы ему отдаться писательству. На это Карлейль отвѣчалъ:

„Синекура! Помилуй тебя Богъ, мое сокровище! Да я не приму синекуры, хотя бы двѣ

дюжины друзей мнѣ ее навязывали... За привязанность,—или хотя бы за самое слабое подражаніе ей,—надо быть благодарнымъ даже собакѣ;—что же касается до грубой помощи покровительствомъ или кошелькомъ—пусть всякій дважды подумаетъ, прежде нежели принять ее отъ кого бы то ни было“.....

Несмотря однако на такіе противоположные взгляды на жизнь, дѣло между ними наконецъ сладилось. Они поженились и поселились въ Эдинбургѣ.

* * *

Друзья Карлейля нѣсколько разъ пробовали доставить ему профессорство въ одномъ изъ университетовъ,—но тщетно. Уже въ то время это былъ слишкомъ своеобычный и выдающійся характеръ, чтобы власти съ нимъ могли примиряться. Между тѣмъ того, что онъ заработывалъ своимъ писательствомъ, недоставало для покрытія расходовъ молодой четы, и накопленные 200 фунтовъ быстро таяли. Ему предлагали выгодную работу въ качествѣ журналиста, но съ тѣмъ, чтобы онъ пошелъ въ настоящую партійную работу. Этого сдѣлать онъ оказался не въ силахъ. И вотъ вновь всплылъ проектъ переселенія въ Крайггенпёттокъ—и на этотъ разъ г-жа Карлейль на него согласилась.

На второмъ году супружества Карлейли переселились на эту ферму въ болотной части Шот-

ландіи (the „moorland“). Г. Фрудъ утверждаетъ, что это едва-ли „не самая безотрадная мѣстность во всѣхъ великобританскихъ владѣніяхъ. Ближайшее жилье лежитъ въ разстояніи цѣлой мили; высота положенія—700 футовъ надъ поверхностью моря—вліяетъ на растительность, уменьшая ростъ деревьевъ. и дѣлая возможною культуру лишь самыхъ грубыхъ овощей. Домишко жалкій, съ какимъ-то оскудѣлымъ видомъ. Усадьба, съ окружающими ее убогими нивами, стоитъ какъ островъ среди цѣлаго пространства болотъ. Пейзажъ не отличается ни прелестью, ни величіемъ,—волнообразные холмы, поросшіе травой и верескомъ, съ торфяниками въ ложбинахъ между холмами“. До ближайшаго города и ближайшаго доктора—пятнадцать миль. Дороги зимою почти не проѣзжія. И эта унылая пустыня была обиталищемъ Карлейлей въ теченіи семи лѣтъ. Онъ привезъ туда свои книги,—горѣвшій въ немъ внутренній огонь—и свое перо. Хозяйство по фермѣ велъ его братъ. Но Карлейль вовсе не находилъ свой удѣлъ тяжелымъ. Ему казалось вполнѣ естественнымъ, что жена его будетъ сама готовить, чинить бѣлье и беречь каждую копѣйку. Во всю свою жизнь, онъ видѣлъ, что тоже самое дѣлала его мать, которую онъ уважалъ и любилъ болѣе всѣхъ на свѣтѣ, и онъ не находилъ ничего несообразнаго въ томъ, чтобы его жена дѣлала то же, что дѣлала его мать. Но для г-жи Карлейль, воспитанной совершенно иначе, одиночество и полная перемѣна образа жизни оказались тяжкимъ испытаніемъ, хотя она и старалась, во всѣхъ письмахъ, весело и бодро повѣствовать о своихъ неудачахъ и передрягахъ съ печеніемъ хлѣбовъ, возней съ молокомъ и т. п. Рядомъ съ нею жилъ и писалъ угрюмо-серьёзный, вѣчно занятой, сосредоточенный, весь ушедшій въ свою внутреннюю борьбу человѣкъ,—писалъ, глядя пророчески въ будущее, чистѣйшей кровью своего сердца — и этому человѣку конечно некогда было хвалить ее и приносить ей благодарность за всѣ ея домашнія хлопоты. Да, правду сказать, онъ ихъ едва ли и замѣчалъ. „Вы не должны ожидать похвалы за исполненіе своего долга“, — сказалъ какъ-то Карлейль женѣ. „А мнѣ-таки хотѣлось похвалы“—записываетъ она въ свой дневникъ по этому поводу — совершенно просто и естественно...

Для Карлейля результатомъ его жизни въ Крайггенпёттокѣ были нѣкоторыя изъ его лучшихъ сочиненій — и, между ними, этюды о Бёрнсѣ, о Вольтерѣ, и—больше всего—„Sartor Resartus“. Весьма сомнительно, чтобы это послѣднее сочиненіе было бы когда либо написано Карлейлемъ, еслибъ онъ продолжалъ жить безвыѣздно въ Эдинбургѣ или Лондонѣ. Для жены же Карлейля результатомъ этихъ семи лѣтъ ссылки было пошатнувшееся здоровье и разстроенные нервы—и этотъ результатъ сказывался ей во всю послѣдующую жизнь. Самъ Карлейль, еще раньше переселенія въ Верхнюю Шотландію—и даже раньше женитьбы—уже пережилъ то, что онъ называетъ своимъ „Бафометиче-

скимъ огненнымъ крещеніемъ“ *), своею борьбою съ „Неизсякающимъ Отрицаніемъ“ (the Everlasting No). Тотъ долгій внутренній кризисъ, о которомъ мы упоминали выше, и послѣ котораго онъ пришелъ къ столь ясному сознанію нѣкотораго „діавольскаго устройства, называемаго желудкомъ“,—былъ вѣроятно и поворотнымъ кризисомъ всей его жизни. Въ то время онъ не только рѣшалъ выборъ своего жизненнаго призванія,—но и установилъ самую основу будущаго подвига своей жизни. Искать ли ему славы, денегъ, чиновъ,—„пуддинговъ и власти“—какъ онъ выражался,—или же встать и исповѣдать ту истину, которая уже жила въ немъ,—хотя бы за то на него обрушилось небо?—вотъ въ чемъ заключался возникшій для него вопросъ. Будетъ ли онъ примѣняться къ требованіямъ рынка,—угождать вкусамъ публики,—искать популярности,—служить той или другой партіи, или даже вести ее? Или же перо его останется послушнымъ лишь его собственной совѣсти, хотя бы голодная смерть глядѣла ему въ глаза? Но—ранѣе даже нежели были готовы у него отвѣты на эти вопросы, вставали другіе, еще глубже затрогивав-

*) Отъ слова „Baphomet“—предполагаемое названіе мистическаго существа или символа, которому, по средневѣковымъ сказаніямъ, поклонялись гностики и впослѣдствіи тампліеры (храмовники). „Бафометическое крещеніе“—есть крещеніе не водою, и означаетъ „духовное возрожденіе“—какъ бы огнемъ: „une lustration spirituelle par le feu“.—Смыслъ этого слова раскрывается также изъ его этимологіи: „Βαθο“—погруженіе и „μετωσ“ — отъ духа, т.-е осѣненіе духомъ, погруженіе въ духовную купель. *Примѣч. перев.*

шіе душу! Что же такое человѣкъ? что жизнь? И зачѣмъ мы призваны въ міръ? Вотъ что приходилось рѣшить. И вотъ отвѣтъ, который, долго испытуя свою душу, нашелъ Карлейль въ самомъ себѣ:

„Мы призваны въ міръ сотворить волю Господа Бога, пославшаго насъ. Единственный ключъ къ истинной жизни—самоотреченіе. Человѣкъ, живущій только для себя,—работающій только ради своихъ личныхъ выгодъ,—есть шарлатанъ несомнѣнный и по самой своей сущности,—какъ бы ни были велики его способности и его могущество. Человѣкъ, живущій только для себя, никогда не имѣетъ даже отдаленнаго предчувствія объ истинномъ смыслѣ и порядкѣ вселенной. Жизнь человѣческая есть вещь торжественная—арена, на которой ткутся пути Господни. Яснымъ внутреннимъ взоромъ, въ этой окружающей меня вселенной и сквозь нее, надлежитъ прозрѣвать Всемогущее Все, ея Создателя, въ красотѣ и въ славѣ и въ величіи Его, и передъ Нимъ склонить въ ничтожество свое маленькое Я. Его воля и Его цѣль, а не мои, должны быть выполнены, и лишь ради этого и существуетъ вселенная. Жизнь представлялась бы для меня лишь опустошенною, неимущей никакой цѣны, вещью, если бы во мнѣ не жило стремленіе слиться съ цѣлями Божества и выполнить тотъ трудъ, ради котораго я посланъ Имъ въ міръ. Тогда оставятъ меня и

стихнутъ всѣ мученія обманутыхъ надеждъ, —и ревности, и зависти, и отчаянія,—и я, въ гармоничномъ единеніи съ Богомъ,—воспою пѣснь моего подвига, и среди труда моего найду благословенный покой. Ибо—хотя бы мнѣ и неудалось достигнуть намѣченной цѣли,—хотя бы немедленныя послѣдствія моего труда и были ничтожны—уже самая попытка исполнить наложенный на меня Божественными цѣлями трудъ содѣлываетъ мою жизнь истинно достойною. На этомъ пути я независимъ отъ улыбокъ или невзгодъ мірского счастья, ибо я въ согласіи съ Богомъ —и Его улыбка надо мною, и она есть свѣтъ моей жизни. Моя есть область Вѣчносущаго Утвержденія („the Everlasting Yea“)! И какъ бы ни было мнѣ худо съ внѣшней стороны и по видимости, — все идетъ для меня къ лучшему внутренне и въ конечномъ выводѣ“.

Такова была жизненная теорія, которую Карлейль долговременною и тяжелою внутреннею работою для себя выработалъ, и которой онъ старался держаться во всей своей послѣдующей жизни.

То великолѣпное описательное мѣсто въ „Сарторѣ“, гдѣ разсказывается какимъ образомъ ему открылся свѣтъ, имѣетъ, по свидѣтельству друзей Карлейля, въ своей основѣ истинное происшествіе. Карлейль былъ долго одержимъ какимъ-то безыменнымъ страхомъ,—тѣмъ, не поддающимся разсудку, глухимъ опасеніемъ бѣды или

несчастія, которымъ почти у всякаго сопровождается состояніе сомнѣнія или нерѣшительности. Карлейль же былъ настолько неувѣренъ въ самомъ себѣ, что не могъ даже рѣшить,—стоитъ-ли онъ самъ чего-нибудь,—есть-ли у него хоть какія-нибудь способности, равныя даже среднему, обыденному уровню,—или же, наоборотъ, онъ совершеннѣйшій тупица изъ всѣхъ живущихъ? А изъ всякаго сомнѣнія самое ужасное—не вѣрить въ самого себя,—а откуда же могла бы взяться у Карлейля вѣра въ самого себя, если достигнутые имъ пока результаты были равны попросту нулю?

„И такъ тянулись“—пишетъ Карлейль—„долгіе годы, какъ бы въ медленной и длящейся агоніи смерти. Сердце мое, куда не западала еще ни одна капля небесной росы, горѣло пожирающимъ, удушливымъ, какъ клубы сѣрнаго дыма, пламенемъ. Я жилъ въ постоянномъ, неопредѣленномъ, томительномъ страхѣ, въ дрожащемъ, малодушномъ ожиданіи чего-то, чего и самъ не зналъ. Казалось мнѣ, что всѣ силы горнихъ небесъ и здѣсь долу земли ополчатся и уничтожатъ меня,— что хляби небесныя и нѣдра земныя суть какъ бы челюсти какого-то пожирающаго чудовища, и я между ними, трепещущій, бьюсь, ожидая своей гибели. И вотъ,—въ одинъ жаркій, томительно-знойный день, я,— въ такомъ расположеніи духа и вѣроятно самый несчастный и жалкій человѣкъ во всемъ городѣ и его окрестностяхъ—какъ-то разъ тащился по какому-то грязному пере-

улку, въ удушающей атмосферѣ, по мостовой, горячей какъ жерло Навуходоносоровой печи. И тутъ меня внезапно осѣнила мысль: да чего же ты боишься? Зачѣмъ, подобно трусу, постоянно озираешься и прячешься,—идешь, пригибаясь и дрожа? Презрѣнная двуногая тварь—сочти итогъ самаго худшаго, что можетъ постигнуть тебя! Смерть!? Ну—пусть смерть,—и всѣ ужасы Тофета *) вмѣстѣ съ нею—и все то зло, что діаволъ и люди могутъ пожелать, или будутъ въ силахъ сдѣлать тебѣ! Но развѣ у тебя нѣтъ сердца, способнаго вынести все, чтобы тебѣ ни угрожало? развѣ ты не властенъ—какъ сынъ свободы, хотя и отверженецъ—попрать подъ ноги свои и самаго Тофета, тебя пожирающаго? Пусть же является онъ—и я встрѣчу его и не подчинюсь ему.—И пока я шелъ въ такихъ мысляхъ—огненный потокъ охватилъ мою душу, и я стряхнулъ съ себя низкій страхъ навсегда и навѣки! Я почувствовалъ себя сильнымъ, сталъ крѣпокъ какой-то невидимой мнѣ мощью,—я сталъ Духомъ, почти Богомъ. Съ той поры измѣнилось самое свойство моей муки,—то былъ уже не страхъ и не ноющая скорбь,—но негодованіе съ сверкающимъ огненнымъ взоромъ,—вызовъ на бой. Ибо

*) „Тофетъ“—то мѣсто древняго Іерусалима, гдѣ сжигались трупы животныхъ и всякія другія городскія нечистоты. Карлейль употребляетъ это слово въ переносномъ смыслѣ—т. е. въ смыслѣ ужасовъ пламени и отвращенія, внушаемаго отбросами. *Прим. перев.*

тогда Неизсякающее Отрицаніе пыталось наложить на меня руки, и все мое Я дало ему такой отвѣтъ: „Я не твой—и свободенъ навѣки—и ненавижу тебя“! Я склоненъ считать этотъ часъ временемъ моего духовнаго новаго рожденія, или Бафометическаго огненнаго крещенія; можетъ быть я немедленно вслѣдъ за тѣмъ и сталъ человѣкомъ“.

Ему надлежало еще перейдти къ тому, что онъ зоветъ „Вѣчносущимъ Утвержденіемъ“—къ увѣренности въ томъ, что есть нѣчто высшее, какъ цѣль жизни, нежели счастіе.

„Я спросилъ себя: о чемъ это ты съ самыхъ раннихъ лѣтъ и воздыхалъ и вожделѣлъ, и стеналъ и терзался? Вырази это однимъ словомъ:—не о томъ ли, что ты *несчастливъ*? Не потому ли, что твое Я—этотъ милый джентельменъ—не довольно въ чести, не сладко ѣстъ, не мягко спитъ, не окруженъ любящей заботой? Душа безумная! Да развѣ есть такой законъ, чтобы ты былъ непремѣнно *счастливъ*? Вѣдь такъ недалеко еще то время, когда ты не имѣлъ права даже на самое существованіе. А, можетъ быть,—ты былъ рожденъ и предназначенъ къ тому, чтобы не только не знать счастья, но быть именно *несчастливымъ*? Есть нѣчто *Высшее* въ человѣкѣ нежели жажда счастья—онъ можетъ обойдтись безъ счастья, и вмѣсто него найдти блаженство. Люби же не Наслажденіе, люби Бога. Ибо Онъ

есть Вѣчносущее Утвержденіе, и въ Немъ разрѣшаются всѣ противорѣчія, и благо тому, кто шествуетъ и трудится въ Немъ“.

Мы приведемъ еще одну выписку для иллюстраціи внутренняго развитія Карлейля въ эту эпоху:

„Образъ мыслей“, пишетъ онъ, „какъ бы онъ ни былъ возвышенъ,—не имѣетъ никакой цѣны, если онъ не переходитъ въ поведеніе. Въ высшей степени вѣрно, какъ учитъ насъ одинъ мудрецъ, что „всякое Сомнѣніе можетъ быть разрѣшено только Дѣйствіемъ“. И пусть тотъ, кто мучительно борется съ тьмою или сумерками и молитъ усердно, чтобы разсвѣтъ смѣнился яркимъ днемъ—пусть онъ крѣпко запомнитъ еще слѣдующее правило, сослужившее мнѣ безцѣнную службу: *исполняй твой ближайшій, непосредственно предъ тобою лежащій долгъ,*— если ты сознаешь, что это твой долгъ! Слѣдующій затѣмъ долгъ твой тѣмъ самымъ станетъ для тебя яснѣе и ближе. Развѣ мы не убѣждаемся въ томъ, что часъ Духовнаго Освобожденія наступаетъ для насъ тогда, когда тотъ Идеальный Міръ, въ которомъ стремится—такъ невыразимо мучительно, въ такой темной, неясной борьбѣ стремится работать и жить человѣкъ—вдругъ раскрывается внезапно передъ нами и мы прозрѣваемъ, съ немалымъ удивленіемъ—подобно Лотаріо въ „Вильгельмѣ Мейстерѣ“—что „вѣдь Америка-то здѣсь, и нигдѣ больше“?

На свѣтѣ никогда не было такого Состоянія, которое бы не несло съ собою своего Долга, своего Идеала,—и человѣкъ не зналъ такого для себя положенія. Да, именно здѣсь, въ этой жалкой, полной страданій, искалѣченной, достойной презрѣнія Дѣйствительности,—въ ней самой—тамъ гдѣ ты стоишь, лежитъ твой Идеалъ. Извлекай же его изъ нея—и, извлекая,—вѣрь, живи, будь свободенъ. Безумецъ! Вѣдь идеалъ—это ты самъ, и онъ въ тебѣ,—въ тебѣ же лежатъ и препятствія къ его осуществленію: твое Состояніе—то мѣсто въ жизни, которое ты занимаешь,—есть лишь матеріалъ, изъ котораго ты долженъ выработать ликъ Идеала, — и то, какого сорта этотъ матеріалъ, само по себѣ не имѣетъ значенія, лишь бы создаваемый тобою ликъ Идеала былъ геройскій и поэтическій — ликъ подвига и красоты! О ты, томящійся въ узахъ окружающей тебя дѣйствительности, и въ горькой мольбѣ просящій у Господа иного царства, гдѣ бы ты могъ властвовать и творить,—познай же истину: то, что ты ищешь, уже сейчасъ съ тобою, — „здѣсь и нигдѣ больше“— лишь бы очи твои духовныя открылись на него....

И я могъ уже сказать себѣ: не будь болѣе Хаосъ, будь Міръ,—или хотя бы частица Міра! Твори! Твори! Пусть то будетъ самая жалкая, самая малѣйшая частица творенія,—но твори же ее во имя Господне! Вѣдь

это высшая, верховная часть тебя самого,—выноси же ее въ міръ. Вставай! Вставай—и къ чему бы, творя, ни простиралась рука твоя,—твори всею твоею мощью, со всѣмъ рвеніемъ твоимъ!“...

***

Ну—конечно—для человѣка, который дошелъ до такой высоты нравственнаго уровня—бѣдность и лишенія теряютъ всякое значеніе! Внѣшняя жизнь, и вся окружающая обстановка,—становятся простой, случайной подробностью. Истинная жизнь для него есть только внутренняя, духовная. Но, такъ какъ кто нибудь же долженъ заботиться о практическихъ нуждахъ, то братъ Карлейля велъ ферму, а добрая жена—домашнее хозяйство. Былъ такой моментъ, когда соединенныя средства всѣхъ троихъ достигали огромной суммы двѣнадцати пенсовъ,—и ни откуда не предвидѣлось слѣдующихъ двѣнадцати. Карлейлю, правда, хорошо платили за его статьи и въ „Эдинбургскомъ Обозрѣніи“, и въ „Foreign Quarterly“, и въ „Fraser Magazine“. Но Карлейль всегда писалъ крайне медленно и трудно; малѣйшая вещь, имъ написанная, была частью его жизни. Онъ былъ до того добросовѣстенъ въ работѣ, что никогда не касался предмета, не овладѣвъ имъ вполнѣ. Для одной журнальной статьи о Дидро, онъ перечиталъ двадцать пять толстыхъ томовъ. Отсюда, по необходимости, доходъ отъ его сочиненій былъ весьма ограниченъ. А сверхъ того существовала еще тяжелая обуза, тянувшая у

него деньги изъ дома въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Именно—онъ принялъ на себя все содержаніе и всѣ расходы по образованію своего брата Джона. Ожиданія, которыя Карлейль имѣлъ отъ способностей этого брата, были таковы, что онъ далъ ему самое полное медицинское образованіе,—даже съ завершеніемъ его двумя годами спеціальныхъ занятій въ германскихъ университетахъ.

И вотъ этотъ братъ Джонъ, послѣ всѣхъ этихъ издержекъ, перебивался безъ куска хлѣба въ Лондонѣ, ожидая паціентовъ, и, соскучившись ожиданіемъ, сталъ поговаривать о томъ, чтобы жить перомъ, работая въ журналахъ. Карлейль отвѣчалъ рѣзкимъ крикомъ ужаса. Работа въ періодической печати, по его мнѣнію, была попросту наихудшимъ изъ всѣхъ возможныхъ существующихъ занятій. Литература, какъ ремесло, казалась ему хуже, нежели ремесло честнаго и простого метельщика мостовой. Непрерывное писаніе—неизбѣжная могила мысли. Если у васъ есть настоящія мысли—пусть же созрѣютъ онѣ у васъ „во времени и безмолвіи“! Онъ убѣждалъ брата держаться своей профессіи, во что бы то ни стало,—до такой степени онъ былъ убѣжденъ въ опасности, скользкости и, въ концѣ концовъ,—одинаково и презрѣнности и невыгодности ремесла журналиста. Но въ то же время онъ ни въ какомъ случаѣ не порицалъ и не унижалъ занятія чистой, настоящей литературой:

„если-бъ,“ пишетъ онъ, „у меня было двѣ

картофелины и одна настоящая идея, то я продалъ бы одну изъ картофелинъ, чтобы купить чернилъ и бумаги, и питался бы другой картофелиной, пока не изложилъ своей идеи“.

А между тѣмъ, дѣла въ Крайгенпёттокѣ шли все хуже и хуже. Аликъ—тотъ братъ, который занимался фермою—упалъ духомъ и бросилъ ее. Ларри—лошадь, къ которой они всѣ были очень привязаны, тоже упала духомъ—и пала физически. Являлось сомнѣніе, будетъ ли даже картофель. Самъ Карлейль начиналъ никнуть сердцемъ. „Ничего больше не оставалось“, говоритъ онъ, „какъ обратиться въ циника, жить и умереть молча“. И вотъ въ этомъ положеніи Джеффрей, всегда бывшій преданнымъ Карлейлю другомъ, предложилъ, въ самой деликатной формѣ, свою помощь. Онъ положитъ, на имя Карлейля, извѣстный капиталъ такъ, чтобы тотъ имѣлъ 100 фунтовъ въ годъ обезпеченныхъ, и никто не будетъ объ этомъ знать, кромѣ ихъ двоихъ. Карлейль самымъ мягкимъ, дружескимъ, но безусловнымъ образомъ—отказался....

Въ такихъ обстоятельствахъ былъ написанъ „Sartor Resartus“, и, быть можетъ, изъ всѣхъ чудесъ этой чудесной книги—самое чудесное есть вѣющій въ ней необыкновенный подъёмъ духа. Окончивъ ее, Карлейль собрался въ Лондонъ, чтобы найдти для нея издателя,—а для себя какую нибудь скромную должность,—такъ какъ въ Крайгенпёттокѣ было, повидимому, держаться долѣе невозможно. Карлейль хорошо сознавалъ,

что онъ вложилъ въ свою книгу всю лучшую часть самого себя, и зналъ ей цѣну. Жена ему сказала, когда онъ прочелъ ей послѣднюю страницу: „мой милый—это геніальный трудъ!“ Но никто изъ нихъ и не подозрѣвалъ, какую тяжелую и долгую борьбу придется выдержать, прежде нежели добиться, что достоинства этой книги будутъ признаны. Что можетъ быть болѣе удручающе, нежели зрѣлище Карлейля, путешествующаго со своимъ великимъ произведеніемъ отъ одного издателя къ другому, и повсюду встрѣчающаго отказъ? „Я носилъ его“, говоритъ Карлейль, „отъ одного перепуганнаго филина къ другому! Всѣ были одинаково въ ужасѣ“. Фразеръ соглашался напечатать книгу, — если авторъ ея внесетъ ему сто пятьдесятъ фунтовъ..... „Подождите нѣкоторое время“—убѣждалъ одинъ изъ друзей. „Да“—отвѣчалъ Карлейль—„я и такъ разсчитываю подождать—въ вѣчности!“ — Лонгмансъ отказался наотрѣзъ, Бентлей тоже;—Мёррей также возвратилъ рукопись, но, по просьбѣ лорда Джеффрея, какъ-то ухитрившагося прочесть двадцать восемь страницъ рукописи, согласился вновь разсмотрѣть ее, послѣ чего онъ предложилъ Карлейлю ее напечатать по такому разсчету, по которому Карлейлю не пришлось бы нести никакихъ расходовъ, но и не досталось бы никакой прибыли, кромѣ удовольствія видѣть свое дѣтище въ печати. Но,—уже приступивъ къ печатанію,—Мёррей вновь перепугался и отказался отъ продолженія дѣла. При этомъ, возвращая рукопись, онъ писалъ Карлейлю, что „ему нужно

лишь немного такта и умѣренности, чтобы написать вещь, которая была бы и популярна и удобна“, — а лицо, занимавшееся у Мёррея чтеніемъ и выборомъ рукописей, отзывалось, что „умъ Карлейля напоминаетъ ему того нѣмецкаго барона, который, желая казаться оживленнымъ въ обществѣ, принялся скакать по столамъ“.

И вотъ, скрѣпя сердце, Карлейль съ женой возвратились вспять въ свою болотную пустыню, увозя съ собою отвергнутую и презрѣнную въ Лондонѣ рукопись. Уже нѣсколько мѣсяцевъ позже удалось пристроить „Сартора“ въ „Frazer Magazine“, гдѣ онъ сталъ печататься по частямъ. Сочиненіе было разбито на десять отрывковъ и появилось въ десяти номерахъ этого журнала. Гонораръ, полученный за „Сартора“, былъ гораздо ниже, нежели обычно получавшійся Карлейлемъ, однако эти деньги позволили Карлейлямъ протянуть еще годъ въ Крайгенпёттокѣ.

Если было трудно найдти кого либо, кто бы согласился выпустить „Сартора“ въ свѣтъ, то оказалось еще труднѣе найдти для него читателей. По мѣрѣ того, какъ онъ появлялся въ ежемѣсячныхъ выпускахъ „Frazer'a“, подписчики стали обращаться въ редакцію съ такими письмами: „прекратите печатать эту дребедень, или верните мнѣ мою подписку!“ — „Когда же наконецъ окончится нелѣпая серія статей этого полоумнаго портного?“ и т. п. Только два голоса отозвались одобрительно: — одинъ ирландскій католическій священникъ изъ Корка, и г. Эмерсонъ изъ Америки. Критикъ газеты „Sun“ провозгласилъ книгу „грудою безсвязной безсмыслицы“.

Но что же такое этотъ „Сарторъ“—встрѣтившій въ 1832 году такой неблагопріятный пріемъ, и котораго, пятьдесятъ лѣтъ спустя, въ одномъ 1882 году семьдесять тысячъ экземпляровъ было распродано одною только издательскою фирмою?! То была Карлейлева философія жизни, облеченная въ весьма пеструю форму, но содержавшая уже въ себѣ зерно всѣхъ его послѣдующихъ твореній. „Sartor Resartus“—значитъ, буквально, „перекроенный портной“ (The retailored tailor). *) Въ немъ излагается философія покроевъ и платья, писанная отъ имени воображаемаго профессора, называемаго „Diogenes Teufelsdröckh“—(„Діогенъ-вонючка“) **). Этотъ профессоръ жилъ въ деревнѣ „Entenpfuhl“ — („Утиная лужа“), воспитывался въ школѣ „Hinterschlag'овъ“ („подзатыльниковъ“), и въ университетѣ „Weiss nicht wo“ („Въ незнаемомъ мѣстѣ“), гдѣ онъ впослѣдствіи и профессорствуетъ. Онъ занимаетъ кафедру „Allerlei Wissenschaft“ (науки „Всякой всячины“ или, иначе, „Философіи стараго хлама“).

*) Читатели замѣтятъ, конечно, что оба перевода,—и англійскій „the retailored tailor“, и русскій—„перекроенный портной“—не передаютъ вполнѣ точно латинскаго выраженія и содержатъ внутреннее противорѣчіе ибо нельзя же „перекраивать портного“. Мы однако предпочли этотъ, буквально переведенный съ англійскаго, неправильный оборотъ выраженіямъ—„портной наизнанку“, или „шиворотъ на выворотъ“, которые ближе бы выражали значеніе даннаго Карлейлемъ своему сочиненію заглавія.

**) „Teufels dröckh“—по англійски „devil-dung“—„чортова вонючка“—простонародное названіе ассы-фетиды.

Въ уста этого профессора Карлейль влагаетъ тѣ мысли, которыя у него самого „назрѣли во времени и безмолвіи“. Профессорская философія, въ конечномъ выводѣ, приходитъ къ тому, что всѣ

> „формы, обычаи и учрежденія, созданные человѣкомъ, суть лишь отдѣльныя части одежды, устроенной имъ для себя исключительно ради собственныхъ: украшенія, удовольствія и защиты;—вся эта одежда, какъ и всякое человѣческое твореніе вообще, съ теченіемъ времени приходитъ въ ветхость, становится негодною, и какъ бы ее ни штопали и ни перекраивали,—должна быть наконецъ брошена и замѣнена новою;—и что весьма многія части той одежды, въ которую нынѣ облечено человѣчество, почти что уже достигли наибольшей степени такой ветхости“...

И, съ такой точки зрѣнія, профессоръ входитъ въ подробное обсужденіе самыхъ высокихъ предметовъ человѣческаго мышленія—категорій пространства и времени, системы природы, прошедшаго и имѣющаго наступить будущаго,—наконецъ безсмертія души....

Тѣ тысячи тысячъ людей, которые впослѣдствіи были потрясены до глубины души великолѣпными страницами „Сартора“, съ трудомъ теперь уясняютъ себѣ, какимъ образомъ онъ могъ оказаться мертворожденнымъ при своемъ появленіи въ свѣтъ? Когда послѣдняя страница его появилась во „Fraser'ѣ“—ни одинъ смѣльчакъ не рискнулъ бы приступить къ его отдѣльному изданію....

* * *

Дѣла между тѣмъ не подвигались къ лучшему въ Крайгенпёттокѣ. Тѣ журналы, которые до тѣхъ поръ были открыты сотрудничеству Карлейля,- стали относиться къ нему несравненно холоднѣе и возвращали ему весьма многія статьи, и между ними безподобное изслѣдованіе о „Процессѣ брилльянтоваго ожерелья“. Такова бываетъ близорукость издателей. Однако, среди этихъ мрачныхъ дней, одинъ лучъ свѣта всетаки проникъ въ убѣжище Карлейля. Однажды посторонній человѣкъ постучался въ его убогую дверь—и назвалъ себя г. Эмерсономъ, изъ Америки... Онъ розыскалъ Карлейля въ его захолустной болотной пустынѣ, чтобы сказать ему, что его читаютъ и одобряютъ въ далекой Америкѣ. Еще наканунѣ, Карлейль записалъ въ своемъ дневникѣ: „и вотъ я остаюсь здѣсь,—болѣе одинокій, разбитый и безпомощный, нежели это было со мною въ теченіи многихъ лѣтъ“. Эмерсонъ принесъ ему утѣшеніе: „не падайте духомъ,—слово брошенное вами въ міръ услышано, хотя и въ отдаленнѣйшихъ странахъ земли и среди скромнѣйшихъ, незамѣтныхъ людей. Слово это живетъ, оно дѣйствуетъ“. Эти два человѣка поговорили душа въ душу о глубочайшихъ тайникахъ жизни и, черезъ двадцать четыре часа, разстались друзьями на всю жизнь. Однимъ изъ результатовъ посѣщенія Эмерсона была переписка между нимъ и Карлейлемъ, покрывающая собою болѣе полстолѣтія—такое сокровище, которое еще сослу-

житъ службу человѣчеству и безъ котораго ему нелегко будетъ обойтись...

Въ 1833 году Карлейль писалъ въ своемъ дневникѣ. „Вотъ уже 23 мѣсяца, какъ я не заработалъ ни одного пенса моей литературой, и не думаю, чтобы это было по моей собственной винѣ. Я брошу литературу,—она сама отталкиваетъ меня. Это положительно перстъ Провидѣнія, указывающій мнѣ оставить это занятіе. Я не нашелъ своего призванія въ Божественной-Инфернальной Вселенной (the Divine-Infernal Universe).“—Блѣдная ферма на блѣдныхъ холмахъ стала совершенно невыносима и для него и для его жены. Они рѣшили сжечь корабли, продать инвентарь, часть движимости,—словомъ, что можно было реализировать, уѣхать въ Лондонъ, прожить на вырученныя деньги, сколько будетъ возможно,—и затѣмъ или выплыть или потонуть. Но условія, въ которыя Карлейль ставилъ самъ себя, были не такого сорта, чтобы съ ними выплыть было легко и удобно. Онъ смотрѣлъ на свое дарованіе какъ на священное наслѣдіе, и положилъ себѣ за правило никогда не писать лишь ради денегъ, или изъ-за популярности, и ничего не писать, что не истекало бы изъ его внутренняго побужденія,—и, превыше всего, ни одной фразы не писать, не вѣря глубоко въ ея справедливость, не доведя работы до возможнаго, по его силамъ, совершенства. При такихъ убѣжденіяхъ легкій заработокъ былъ дѣломъ далеко не легкимъ,—и пусть тѣ, которые хвалятся своимъ умѣньемъ устраивать жизнь разсчетливо и съ

небольшими средствами—хорошенько вчитаются и вдумаются въ дневникъ г-жи Карлейль за первые годы ихъ жизни въ Лондонѣ.....

Они поселились въ Чельзи, Чейнъ-роу, въ домѣ № 5.... Мраморная доска нынѣ отмѣчаетъ этотъ домъ, въ которомъ сорокъ семь лѣтъ прожилъ пророкъ. Рядомъ возвышается статуя Карлейля,—напротивъ стоитъ „Карлейлевъ Дворецъ“,—въ разстояніи полета брошеннаго камня открывается „Скверъ Карлейля“, и снующіе по рѣкѣ пароходы останавливаются у „Карлейлевой пристани“...

* * *

Несмотря на неудачу своего „Сартора“—Карлейль началъ новый трудъ. То была исторія „Французской революціи“. Эпоха эта привлекала его еще съ того времени, когда онъ писалъ свои этюды о Вольтерѣ, Дидро и Каліостро. Къ этой же серіи относится изслѣдованіе о „Брилльянтовомъ ожерельи“. Для Карлейля французская революція представлялась огромнымъ явленіемъ нравственнаго порядка, подтверждающимъ ту основную истину всего ученія Карлейля, что слѣпой эгоизмъ неминуемо ведетъ къ погибели, какъ единичное лицо, такъ и націю, предпочитающую земное наслажденіе закону Божественной Справедливости, неминуемо за то рано или поздно карающей. Убѣжденіе въ этомъ было такъ живо въ Карлейлѣ, и такъ горячо и искренно онъ старался внушить это же убѣжденіе современному ему, вялому и легкомысленному, поко-

лѣнію, что книга вышла какъ бы вырванной изъ самаго сердца Карлейля. Помните ли вы разсказъ о томъ, какъ дѣти, встрѣчаясь на улицахъ съ Данте, указывали на него, говоря:—„вотъ идетъ тотъ, кто видѣлъ всѣ ужасы ада“!? Точно также, когда мы читаемъ книгу Карлейля о французской революціи, насъ охватываетъ такое ощущеніе, какъ будто авторъ былъ не свидѣтелемъ только, но самъ дѣйствующимъ лицомъ грозной исторической драмы. Задолго передъ выходомъ этой книги онъ уже высказывалъ свои взгляды на исторію,—свое презрѣніе къ ея пониманію лишь какъ хроники придворныхъ интригъ, какъ лѣтопись склонностей—или вражды между собою—тѣхъ или другихъ, часто даже презрѣнныхъ,—королей и властителей. Исторія, по мнѣнію Карлейля, должна имѣть дѣло съ народомъ, съ народными массами.

„Да, непремѣнно съ массами“,— говоритъ Карлейль, „но—странно сказать, если вы, нѣкоторымъ усиліемъ воображенія, прослѣдите за этими массами до самой глубины Франціи,—по ихъ мазанкамъ и клѣтямъ—то массы эти разложатся для васъ на единицы. И каждая такая единица живетъ своими печалями и тревогами:—затроньте ее, она будетъ страдать, истекать кровью. Каждая единица въ этихъ массахъ есть чудно-таинственная человѣческая личность, съ той искрою Божества, которая зовется человѣческой безсмертной душою“.

Эти души изслѣдовалъ Карлейль въ ихъ при-

тонахъ и чердакахъ, сживаясь и страдая вмѣстѣ съ ними, до такой степени, что вся обстановка его Лондонской жизни получила для него какой-то призрачный, мнимый характеръ, а дѣйствительная жизнь перенеслась во Францію прошлаго вѣка,—и вся душа его распалилась чувствами негодованія и симпатіи. Онъ писалъ брату:

„эта книга вышла цѣликомъ, жгучая, изъ самой моей души, родилась въ вихрѣ мыслей, изъ тьмы и печали,—она почти что вышибла духъ изъ меня, захватила такъ, какъ никакая другая работа, за которую я бы охотно и съ любовью взялся на нѣсколько лѣтъ впередъ“...

Первый томъ былъ оконченъ, и Карлейль принялся за дальнѣйшую работу, когда съ нимъ произошелъ казусъ, который врядъ ли случалось переживать какому либо другому писателю. Рукопись перваго тома была дана Джону Стюарту Миллю на просмотръ, дабы онъ сдѣлалъ какія нибудь свои замѣчанія. Милль далъ ее на прочтеніе своей „богинѣ“,—г-жѣ Тейлоръ, которая, однажды, читала ее до поздней ночи, и, ложась въ постель, оставила рукопись на столѣ.....

На слѣдующее утро ее нашла служанка и—затопила ею каминъ..... Когда Милль явился къ Карлейлямъ сообщить о несчастіи, „у него былъ такой потерянный видъ,—ужасъ былъ такъ ясно написанъ на его лицѣ, что пришлось отнестись наружно спокойно къ его словамъ, хотя это было наполовину смертнымъ приговоромъ для насъ“...

Три смертныхъ часа просидѣлъ у нихъ Милль, толкуя о случившемся, и только по его уходѣ могли они наконецъ дать себѣ волю, броситься въ объятія другъ друга и выплакать свое горе... „Милль такъ убитъ“, говорилъ Карлейль, „что мы должны скрыть отъ него, насколько это для насъ серьёзное дѣло“.

Да, то было тяжелое испытаніе! Первый томъ приходилось писать съизнова,—а Карлейль не только сплошь забылъ весь текстъ, но—хуже того—онъ не могъ вернуть себѣ того нравственнаго настроенія, въ которомъ первый томъ былъ написанъ. Наконецъ кое-какъ дѣло сладилось и были окончены и остальные два тома. Карлейль самъ разсказываетъ, какъ, въ одинъ лѣтній вечеръ, онъ, дописавъ послѣднюю страницу своей книги, ушелъ гулять, напутствуемый дорогимъ благословеніемъ жены. Уходя, онъ говорилъ:

„не знаю, стоитъ ли чего нибудь моя книга, Дженни дорогая! Не знаю, какъ отнесется къ ней свѣтъ—но я могу смѣло сказать людямъ: за сто лѣтъ у васъ не было творенія, которое бы столь глубоко и пламенно вылилось изъ человѣческаго сердца. Растопчите же его—если хотите!“

*
* *

Неправда-ли — свѣтъ никогда не видалъ такого случая! За то, съ появленіемъ книги—закончились для Карлейля дни нужды и безъизвѣстности. Ему было сорокъ три года въ то время—и онъ впервые добился истиннаго признанія своей заслуги со стороны свѣта. Но теперь онъ былъ несомнѣнный великій человѣкъ, и это его значеніе болѣе никѣмъ не оспаривалось. Стали притекать и деньги. Ему дорого платили за лекціи, а издатели наперерывъ добивались его статей. Вѣрный другъ Эмерсонъ,—съ практической смѣткой,—выпустилъ въ Америкѣ дешевое изданіе „Французской революціи“ и выслалъ ему сотни вырученныхъ такимъ образомъ долларовъ. Въ 1839 году Карлейль записываетъ въ своемъ дневникѣ:

„въ первый разъ за эти послѣднія двѣнадцать лѣтъ, да правду сказать и въ теченіи всей жизни—я наконецъ чувствую себя свободнымъ—тѣмъ чувствомъ обезпеченности, которое вѣроятно испытываютъ или испытывали многіе другіе люди—отъ ужаснаго притупляющаго опасенія остаться когда нибудь фактически безъ гроша“.

Онъ писалъ къ своему брату:

„съ самой юности я былъ въ положеніи человѣка, изо всѣхъ силъ и еле переводя духъ карабкающагося вверхъ по натертому мыломъ столбу, у подножія котораго его ждутъ гибель и бездонная пропасть,—а столбъ-то очень скользкій. Но нынѣ я попалъ какъ бы на зарубку на этомъ столбу, и собираюсь, съ Божьей помощью, перевести духъ прежде нежели пуститься лѣзть выше. Если Богъ продлитъ вѣку—мнѣ вѣроятно достанется подвигаться выше,—если Онъ посудитъ иначе—пусть будетъ и такъ:—я готовъ и къ тому и къ другому“.

И дѣйствительно ему пришлось лѣзть выше, и онъ скоро вновь принялся за дѣло. Вскорѣ затѣмъ вышли въ свѣтъ его лекціи о „Герояхъ и поклоненіи имъ“. Далѣе послѣдовалъ любопытный боевой этюдъ о „Прошедшемъ и Настоящемъ“. Жизнь его, за многіе послѣдующіе годы—это исторія его сочиненій. Четыре года понадобились ему для того, чтобы очистить фигуру Кромвеля отъ всей груды лганья и предразсудковъ, которыми она была загромождена, и представить читателямъ истинное изображеніе человѣка. Въ промежуткахъ между тѣмъ онъ написалъ жизнь Джона Стерлинга. Затѣмъ была предпринята новая большая работа: жизнеописаніе Фридриха Великаго, что—по пріемамъ Карлейля въ трудѣ—значило ни болѣе, ни менѣе, какъ исторія Германіи, а пожалуй и всей Европы—въ теченіи осьмнадцатаго столѣтія.

Онъ положилъ на это дѣло тринадцать лѣтъ безпрерывнаго труда, въ теченіи котораго они—по выраженію г-жи Карлейль,—„все время жили какъ бы въ покрытой цѣликомъ тѣнью Фридриха долинѣ“. Періоды писательства Карлейля были для его жены всегда временемъ величайшаго одиночества и унынія. Здоровье ея было уже давно разрушено. Какъ-то разъ она упала на улицѣ, и это ей стоило двухъ или трехъ лѣтъ самыхъ жестокихъ страданій. Но, если допустить, что она вышла замужъ за Карлейля ради честолюбія, — то она могла считать самыя необузданныя мечты свои сбывшимися. Онъ былъ нынѣ, по общему признанію, величайшимъ человѣкомъ во всей Англіи. Какъ изъ рога изобилія сыпались на него и почести и дары. Самые знатные и самые богатые люди королевства заваливали Карлейлей приглашеніями. Живописцы соперничали въ томъ, кто напишетъ портретъ великаго бытописателя. Наконецъ произошло событіе, которымъ онъ по справедливости могъ гордиться. Въ 1865 году онъ былъ избранъ Лордомъ-ректоромъ Эдинбургскаго университета, въ преемники Гладстону, и значительнымъ большинствомъ сравнительно съ Дизраэли *). Эта почесть была въ особенности драгоцѣнна для Карлейля потому, что она шла изъ Шотландіи, гдѣ до тѣхъ поръ его наименѣе оцѣнили по достоинству. Единственное неудобство заключалось въ томъ, что это избраніе влекло за собою вступительную привѣтственную рѣчь,—а Карлейль со времени своихъ лекцій о „Герояхъ“, т.-е. слишкомъ двадцать лѣтъ, ни разу не говорилъ публично. Встать одному и держать слово передъ двумя тысячами слушателей было для него тяжелымъ испытаніемъ. Однако, онъ имѣлъ огромный успѣхъ и этотъ день былъ лучшій въ его жизни. Въ Шотландію его сопровождалъ Тиндаль, и жена Карлейля съ тревогой ожидала телеграммы отъ него. Въ ней было только два слова: „истинный тріумфъ!“ „Да благословитъ же Богъ Джона Тиндаля“, пишетъ г-жа Карлейль, „и въ этомъ мірѣ и въ будущемъ“. Она должна была въ этотъ

*) Впослѣдствіи графъ Биконсфильдъ.

день, вмѣстѣ съ Диккенсомъ и Вильки-Коллинзомъ, обѣдать у Форстеровъ и она вошла къ нимъ, побѣдоносно махая въ воздухѣ полученной телеграммой. Возвратившись домой, она сѣла писать мужу:—„я не была ни въ кого такъ влюблена съ тѣхъ поръ, какъ была дѣвчонкою“, писала она. Окончивъ письмо, она, по обыкновенію, поѣхала прокатиться въ кэбѣ. Черезъ нѣсколько времени, кучеръ—удивленный тѣмъ, что не получаетъ приказанія возвращаться домой, обернулся назадъ, и увидалъ, что она сидитъ, откинувшись назадъ въ экипажѣ, со сложенными на груди руками—мертвая...

Такъ тихо и одиноко пресѣклась ея жизнь и духъ остаяилъ землю—и таково было извѣстіе, которое Карлейль получилъ у своего брата, въ Скотсбригѣ, куда онъ поѣхалъ отдохнуть отъ своего тріумфа. Великолѣпная эпитафія, начертанная имъ на могилѣ жены въ Гаддингтонѣ, ясно говоритъ намъ, что значила для Карлейля эта потеря:

Въ свѣтломъ образѣ усопшей удѣлъ страданій былъ болѣе обычнаго—но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней жила нѣжная несокрушимость, способность разумѣнія и благородная прямота сердечная, рѣдко встрѣчающіяся. Въ теченіи сорока лѣтъ была она вѣрною и любящею спутницею своего мужа, неустанно подвигавшею его на все, что онъ совершилъ, или пытался совершить, достойнаго. Умерла она въ Лондонѣ, 21 апрѣля 1865 года, внезапно отъ меня отторгнутая—и свѣтъ моей жизни померкъ вмѣстѣ съ ней.

Дѣйствительно, свѣтъ его жизни погасъ,—и тяжелыя сумерки остальныхъ пятнадцати лѣтъ наполнены такою жгучею тоскою, которою почтена память лишь очень немногихъ женщинъ.

Въ теченіи нѣсколькихъ первыхъ мѣсяцевъ послѣ кончины жены онъ не могъ приступиться ни къ чему, кромѣ перечитыванія ея писемъ и дневника, или брался за перо лишь для того, чтобы, со всей силой своей страстной печали, писать объ усопшей и ихъ совмѣстной жизни съ нею. „Воспоминанія“ Карлейля (Reminiscences) представляютъ собою безумную рапсодію тоски и отчаянія, которой не слѣдовало бы вовсе печатать, и которой конечно не надо принимать буквально въ смыслѣ тѣхъ упрековъ, которыми самого себя осыпаетъ глубоко-огорченный человѣкъ. Его преслѣдовали угрызенія совѣсти, (какъ то бываетъ со всякимъ, утратившимъ друга!)—отъ сознанія того, что онъ не любилъ жену достаточно нѣжно, и не достаточно любовно къ ней относился.

Невыразимой печалью вѣетъ отъ этихъ частыхъ покаянныхъ взрывовъ:

„Богъ да наградитъ тебя—моя дорогая—теперь, когда я даже не могу сознать моего долга предъ тобою! О, зачѣмъ мы медлимъ такъ долго, пока смерть не разлучитъ насъ навѣки. Безумцы, безумцы—мы забываемъ, что эта разлука безконечна! Мы слѣпы и глухи: опомнись-же, если ты еще любишь кого нибудь на свѣтѣ,—не жди пока смерть сотретъ въ ничто и смететъ всѣ маленькія облачка пыли и жалкія разногласія минуты, и все предстанетъ предъ тобою и разъяснится твоему сердцу въ такой мучительно яркой и горькой красѣ,—когда будетъ ужъ сли-

шкомъ поздно!.. Увы мнѣ! она никогда не знала вполнѣ,—да и не могъ я, въ моей, тягостями полной и жалкой жизни, показать ей какъ глубоко я всегда ее уважалъ, любилъ, и какъ ей поклонялся. Безмолвіе нынѣ вокругъ нея! Только пять минутъ твоего безцѣннаго присутствія въ этомъ свѣтѣ! О! пусть бы я вновь имѣлъ тебя лишь на пять минутъ, чтобы сказать тебѣ все! Вотъ мысль, которая меня часто преслѣдуетъ съ 21 апрѣля“.

*
* *

Карлейль уже не могъ болѣе приняться за работу. Его послѣднія творенія значительно слабѣе нежели „Фридрихъ II“. Были написаны еще: исторія „Древнѣйшихъ Королей Норвегіи“, нѣсколько отдѣльныхъ статей и этюдовъ. Самый трудъ потерялъ интересъ для него. „Нѣтъ болѣе одинокаго и печальнаго существа нежели я въ этомъ свѣтѣ“, писалъ Карлейль.—„Нѣтъ ни одного лица, задачи или предмета, которые имѣли бы, сравнительно съ нею,—да и вообще,—какую либо для меня цѣнность“. А почести продолжали на него сыпаться, нежданныя и нежеланныя. Въ 1874 году прусскій дворъ прислалъ ему орденъ Pour le mèrite“—основанный Фридрихомъ II,—самое высшее отличіе, жалуемое прусскимъ правительствомъ. Дизраэли, отъ имени королевы, предлагалъ ему большой крестъ ордена „Бани“ и пожизненную пенсію, но Карлейль вѣжливо отклонилъ и то и другое. „Почетные титулы бы-

ли бы для меня лишь обузою,“—говоритъ онъ—„а не поощреніемъ;—что же касается денегъ,—то онѣ въ послѣдніе годы есть въ изобиліи,—даже черезчуръ ихъ много“. Ко дню восьмидесятилѣтія его рожденія почитатели прислали ему особый, выбитый въ его честь, золотой медальонъ съ его портретомъ. Положеніе его среди англійскаго общества напоминало положенія Гёте въ старости въ Германіи. Мнѣніе Карлейля испрашивалось по всѣмъ вопросамъ, и сотни людей обращались къ нему за наставленіями.

Въ это время его постоянной опорой и утѣшительницей была его племянница, Мери Эйткенъ. Понемногу и тщательно готовился онъ къ смерти. Собранныя имъ, какъ источники для „Кромвеля“ и „Фридриха“, книги завѣщалъ онъ библіотекѣ Гарвардъ-Колледжа. Принадлежавшую женѣ ферму въ Крайгенпёттокѣ опредѣлилъ для основанія десяти стипендій въ Эдинбургскомъ университетѣ. И каждый годъ онъ отправлялся, вмѣстѣ съ племянницею, въ Гаддингтонъ, на поклоненіе могилѣ жены. Одинъ путешественникъ, посѣтившій это мѣсто въ 1880 году, такъ передаетъ, со словъ стараго смотрителя кладбища, объ этихъ ежегодныхъ паломничествахъ Карлейля. „Да“, говорилъ старый привратникъ—„ему восемьдесятъ шесть лѣтъ и онъ ежегодно совершаетъ этотъ длинный путь изъ Лондона сюда, чтобы поклониться этой могилѣ. Одинокій и грустный идетъ онъ къ могилѣ жены. Племянница провожаетъ его до воротъ кладбища, но онъ оставляетъ ее тамъ, и она дожидается его воз-

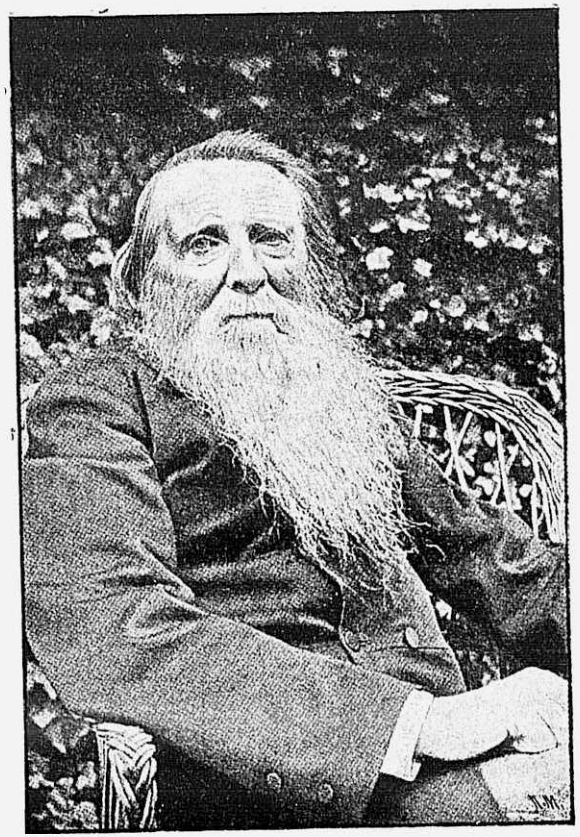
вращенія. Въ послѣдній разъ, когда онъ былъ здѣсь, я видѣлъ его, согбеннаго старца, поникшаго бѣлой какъ лунь головой; видѣлъ—какъ онъ шелъ вотъ тамъ, вдоль развалинъ стѣны стараго собора, и потомъ кругомъ сюда, и далѣе въ калитку, и такъ онъ дошелъ, шатаясь, до самаго мѣста... Онъ постоялъ нѣкоторое время въ травѣ около могилы, потомъ сталъ на колѣни, и долго стоялъ такъ вблизи могилы. Потомъ я видѣлъ какъ онъ нагнулся къ ней и цѣловалъ землю,—да, онъ цѣловалъ ее нѣсколько разъ — и долго простоялъ такъ на колѣняхъ, и много прошло времени прежде нежели онъ всталъ, и вышелъ, шатаясь, изъ-за собора, и удалился черезъ кладбище къ воротамъ, гдѣ ждала его племянница“...

То было его послѣднее паломничество. Въ слѣдующемъ 1881 году онъ скончался, въ февралѣ. Вся Англія оплакивала его кончину и собиралась хоронить его въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ, но онъ завѣщалъ положить себя на старомъ кладбищѣ въ Икклифичанѣ, рядомъ съ отцомъ и матерью.

Что такое было его вліяніе—спросите о томъ у вождей современной англійской мысли! „Великій и безсмертный былъ онъ писатель, но потомство почтитъ его за его вліяніе на жизнь человѣческую еще болѣе, нежели за его превосходство какъ художника слова“. Такъ говоритъ одинъ изъ этихъ вождей, а другой справедливо замѣчаетъ: „существуетъ вѣрный способъ провѣрить, что онъ оставилъ отечеству,—это взвѣсить и опредѣлить,—или постараться опредѣлить,

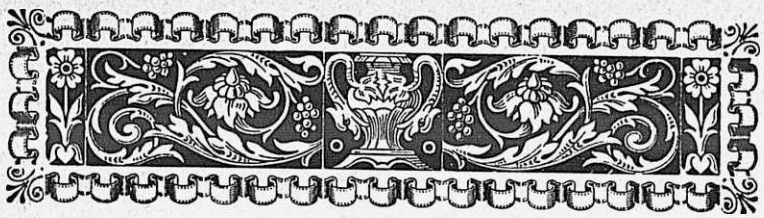
весь ходъ британскій мысли, — всю сумму ея за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, — и исключить изъ общаго итога Карлейля. Получится—армія безъ артиллеріи“. Цѣль, къ которой онъ стремился въ своей жизни—лучше всего изобразить его собственными словами. Въ одной изъ своихъ послѣднихъ книгъ, уже въ старости, онъ говоритъ:

„съ самаго начала и до конца я утверждалъ постоянно одно и тоже—что нѣтъ никакой твердой опоры, какъ въ этомъ, такъ и во всякомъ иномъ мірѣ, кромѣ Правды и что, если человѣчество не желаетъ быть проклятымъ навѣки,—то ему слѣдуетъ разстаться съ ложью и всякаго рода лганьемъ; что уже достаточно погрязло общество въ такомъ лганьѣ, и нѣтъ ему другого спасенія и выхода, кромѣ какъ обратиться людямъ къ Правдѣ, и вѣрить въ нее и жить согласно съ нею“.....



Джонъ Рёскинъ.

Джонъ Рёскинъ
какъ реформаторъ общества.



Обыкновенно признаютъ, что личность человѣка слагается подъ вліяніемъ трехъ главныхъ направляющихъ ее силъ: наслѣдственности, образованія и индивидуальныхъ особенностей. Въ жизни Рёскина дѣйствіе этихъ силъ сказывается весьма замѣтно, и онѣ всѣ три должны быть принимаемы въ соображеніе при сужденіи о его характерѣ. Относительно наслѣдственности онъ былъ типичный Шотландецъ, хотя и родился въ самомъ Лондонѣ. По симпатіямъ онъ былъ даже болѣе Шотландецъ, нежели Карлейль. Точно также, по преемству отъ предковъ, онъ былъ торій—торій старой школы,—торій въ смыслѣ Гомера и Вальтеръ-Скотта, т. е. приверженецъ королей,—не королей нашей современной обыденной жизни,—а носителей королевской идеи, идеи вождя.

Отъ отца своего унаслѣдовалъ Рёскинъ страстную любовь къ природѣ, поэзіи и искусству. Отъ обоихъ родителей—высокую честность и твердость характера, и онъ самъ относитъ на счетъ своего ранняго воспитанія нѣкоторыя черты своей духовной природы. Воспитательные прі-

емы его матери отличались крайней суровостью. Если онъ ревѣлъ, не слушался, или прыгалъ по лѣстницамъ, его неукоснительно и немедленно сѣкли. Этимъ путемъ научился онъ самообладанію, безпрекословному повиновенію и осмотрительности. Никакихъ игрушекъ ему не полагалось: разрѣшалось играть только связкой ключей или мячикомъ. И онъ скоро выучился искать развлеченія или занятія въ окружающихъ его предметахъ—въ узорахъ ковра, рисункахъ обоевъ, въ открывавшемся изъ окна видѣ,—и это развило въ немъ поражающія способности наблюденія.

Была и еще одна, весьма благопріятная для развитія, особенность его дѣтской жизни. Отецъ Рёскина былъ негоціантъ, и, хотя глава фирмы—но самъ выполнялъ обязанности своего провинціальнаго агента. И вотъ каждое лѣто онъ нанималъ экипажъ, забиралъ жену и сына, и, въ теченіи двухъ или трехъ мѣсяцевъ, не спѣша объѣзжалъ своихъ кліентовъ, принимая и сдавая заказы, производя разсчеты. Мальчику, такимъ образомъ, стали съ раннихъ лѣтъ знакомы всѣ мѣстности, пути и перекрестки всей Англіи, Уэльса и Нижней Шотландіи. Покончивъ съ дѣлами, Рёскины отправлялись въ каждомъ городѣ осматривать его достопримѣчательности, выдающіяся зданія, колледжи, галлереи, церкви, парки. По дѣламъ приходилось имъ бывать и въ замкахъ, которые также ими тщательно осматривались. Молодой Рёскинъ получилъ особую привязанность къ этимъ замкамъ, хотя уже тогда рѣшилъ въ своемъ умѣ, что гораздо предпочительнѣе не жить

въ Варвикъ-Кэстлѣ и восхищаться имъ, нежели быть его обитателемъ и уже ничѣмъ болѣе не восхищаться. Отецъ Рёскина велъ дневникъ своихъ путешествій, и сынъ, подражая отцу, также записывалъ свои впечатлѣнія, стараясь аккуратно заносить въ свою записную книжку рѣшительно все, что онъ видѣлъ. Но этимъ не ограничивались его ранніе литературные опыты. Уже съ шести лѣтъ онъ началъ писать „книги“, и даже ихъ старательно *печатать*, мечтая уже тогда о собраніи своихъ *сочиненій*. Онъ писалъ поэмы, разсказы, и вообще всякую всячину,—отъ описанія Ватерлоосскаго сраженія въ драматической формѣ до „Картины Страшнаго Суда“...

По возвращеніи изъ лѣтнихъ экскурсій онъ принимался вновь за занятія, но не въ школѣ, а дома, съ матерью или съ гувернеромъ. Какъ только онъ выучился читать, мать его посадила за Библію. Къ двѣнадцати годамъ онъ прошелъ ее всю до шести разъ, и многое заучилъ наизусть. Онъ самъ приписываетъ этому обстоятельству величайшее вліяніе на свое развитіе, въ особенности относительно выработки слога и языка. Впрочемъ, мать была его старательною наставницею и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ напримѣръ она цѣлыхъ три недѣли заставляла его разучивать стихотвореніе:

„Shall any following Spring revive
The asches of the urn?“ *)

*) „Воскреситъ ли какая либо послѣдующая весна пепелъ въ урнѣ?“

пока не добилась отъ него правильнаго произношенія слова „of“. Рёскинъ пишетъ, что она пробилась бы съ этимъ даже три года, вмѣсто трехъ недѣль, еслибъ то понадобилось...

Рёскинъ былъ еще ребенкомъ, когда все семейство переѣхало изъ тѣсныхъ улицъ Лондона на его окраину, и поселилось въ Гёрнъ-Гиллѣ, гдѣ при домѣ имѣлся превосходный садъ. Этотъ садъ былъ Эдемомъ для мальчика. Но отъ библейскаго рая этотъ садъ отличался тѣмъ, что въ немъ *всѣ* плоды были запрещены, и не существовало дружественныхъ человѣку животныхъ. Послѣднія были бы очень кстати для мальчика, такъ какъ онъ росъ всетаки одинокимъ ребенкомъ. Недостатками его воспитанія было то, что на его долю не доставалось никакой борьбы, и ему некого было горячо любить. Привязанность его къ родителямъ носила какой-то отдаленный и почтительный характеръ. Они участвовали въ его жизни, но близокъ съ ними онъ не былъ. Уже съ семилѣтняго возраста онъ жилъ собственной умственной жизнью, которой они и не подозрѣвали. И эта замкнутость и тишина его существованія продолжались и по достиженіи имъ болѣе зрѣлыхъ лѣтъ. Юношею онъ совершилъ съ отцомъ и матерью путешествіе по Франціи, Швейцаріи и Италіи, тѣмъ же самымъ, спокойнымъ, неторопливымъ способомъ, которымъ они объѣзжали Англію. Рёскинъ съ сожалѣніемъ говоритъ о путешественникахъ, объѣзжающихъ эти страны по желѣзнымъ дорогамъ, и знакомящихся съ окружающимъ лишь изъ окна вагона, среди

хлопотъ и суматохи теперешняго способа передвиженія. Затѣмъ, когда Рёскинъ поступилъ въ университетъ, мать его тоже поселилась въ Оксфордѣ, и бо́льшую часть своихъ вечеровъ онъ проводилъ съ нею,—да по субботамъ наѣзжалъ къ нимъ Рёскинъ-отецъ изъ Лондона.

И такъ—вся эта роскошь, и спокойствіе, и безмятежность, окружавшія ранніе годы Рёскина представляютъ рѣзкій контрастъ съ испытаніями и нуждой, среди которыхъ прошла юность Карлейля. И однако—какъ то ни странно,—оба эти человѣка разными путями пришли къ одной и той же точкѣ зрѣнія на жизнь, и къ общему практическому лозунгу.

Желаніе родителей Рёскина было (подобно тому какъ и у Карлейля), чтобы онъ посвятилъ себя церкви—и, въ послѣдующіе годы,—отецъ его неоднократно говаривалъ, со слезами на глазахъ, что „Джону“ слѣдовало бы быть епископомъ. По собственнымъ склонностямъ, молодого человѣка тянуло то къ поэзіи, то къ искусству, то къ наукѣ, — и способности его были велики по каждому изъ этихъ трехъ направленій. Еще до поступленія въ университетъ онъ написалъ нѣсколько статей для спеціальнаго журнала по архитектурѣ, уже тогда обратившихъ на себя вниманіе. Въ одномъ естественно-историческомъ обозрѣніи появился цѣлый рядъ его работъ по геологіи, а въ ежегодникѣ подъ заглавіемъ „Friendship's Offering“ были помѣщены многія его стихотворенія. Издатель этого ежегодника печатно называлъ его своимъ „даровитымъ сотрудникомъ“.

Окончательное направленіе дѣятельности Рёскина въ эту эпоху далъ,—какъ то часто бываетъ,—случай. Ему было тринадцать лѣтъ, когда одинъ изъ участниковъ въ фирмѣ его отца подарилъ ему сочиненіе Роджера объ „Италіи“, съ иллюстраціями Тёрнера. На мальчика композиціи Тёрнера произвели необыкновенно сильное впечатлѣніе, и онъ сдѣлался горячимъ поклонникомъ этого художника. Тщательно и любовно изучалъ онъ все, что только могъ о Тёрнерѣ собрать, и, по достиженіи совершеннолѣтія, однимъ изъ его первыхъ дѣйствій было употребить цѣлую треть назначеннаго ему годового содержанія на покупку одной изъ картинъ Тёрнера.

Какъ разъ въ это время Тёрнеръ подвергся въ печати сильнѣйшимъ нападкамъ и злословію, приводившимъ Рёскина въ полное негодованіе. Въ „Blackwood Magazine“ появилась чрезвычайно рѣзкая статья, въ которой, между прочимъ, говорилось, что картины Тёрнера суть не болѣе, какъ „виды разныхъ частей Венеціи, размалеванные бѣлой и голубой краской, и обсыпанные мукóю“. Рёскинъ поспѣшилъ заступиться за художника. Онъ сначала собрался написать отвѣтъ въ размѣрѣ журнальной статьи, но скоро вышелъ изъ ея рамокъ, и рѣшилъ выпустить ее отдѣльной брошюрой. Между тѣмъ работа разросталась подъ его руками, и скоро приняла видъ цѣлой книги большого формата. Это-то и есть первый томъ труда Рёскина: „Modern Painters“ („Современные Живописцы“),—достигшаго впослѣдствіи пятитомнаго размѣра, и

надъ которымъ онъ трудился двадцать лѣтъ. Первый томъ былъ выпущенъ въ свѣтъ въ 1843 году, когда Рёскину было 24 года отъ роду. Опасаясь того, чтобы его юность не умалила авторитета его сужденій, онъ не выставилъ на сочиненіи своего имени, а обозначилъ автора лишь „A Graduate of Oxford“, т. е. „лицомъ, получившимъ ученую степень въ Оксфордѣ“. Заглавіе книгѣ онъ сначала далъ „Turner and the Ancients“ („Тёрнеръ и Древніе художники“), но, по совѣтамъ друзей, окончательно назвалъ ее слѣдующимъ, весьма пространнымъ и неуклюжимъ, титуломъ; „Modern Painters, their Superiority in the Art of Landscape Painting to all the Ancient Masters proved by Examples of the True, the Beautiful, and the Intellectual, from the works of Modern Artists, especially from those of J. M. W. Turner, Esq., B. A.“ *)

Вся книга была сплошною страстною защитою Тёрнера, и низведеніемъ съ пьедестала Клода Пуссена, Куипа и другихъ признанныхъ мастеровъ ландшафта. Она возбудила цѣлую бурю возраженій, глумленія и насмѣшекъ. Одинъ изъ сотрудниковъ „Blackwood'a“ писалъ, что стиль автора книги достоинъ молодого викарнаго священника въ первый годъ его посвященія. Однако Рёскинъ не обратилъ вниманія на порицанія, и

(*) „Современные Живописцы, ихъ превосходство въ Ландшафтной Живописи надъ всѣми старинными мастерами, доказанное примѣрами Истиннаго, Прекраснаго и Духовнаго изъ твореній современныхъ художниковъ, въ особенности Д. Тернера.“

спокойно приступилъ ко второму тому. А къ тому времени, когда онъ появился въ печати, положеніе Рёскина, какъ художественнаго критика, было уже упрочено.

Случилось это такъ. Въ концѣ перваго тома своихъ „Modern Painters“, Рёскинъ обращался ко всѣмъ молодымъ художникамъ Англіи, призывая ихъ „возвратиться къ природѣ и, въ полной искренности сердца, внимательно и довѣрчиво ей слѣдовать, не задаваясь никакой другой мыслью, кромѣ той, чтобы наиболѣе вѣрно проникнуть въ смыслъ природы, ничего въ ней не отбрасывая, ничего не упуская изъ виду, и ничѣмъ не пренебрегая“. Эти слова Рёскина сдѣлались боевымъ кличемъ цѣлой группы молодыхъ художниковъ, въ главѣ которыхъ стояли Гольманъ Гёнтъ, Д. Э. Миллейзъ и Данте Габріэль Россетти, основатели школы „Прерафаелитовъ“. Ихъ картины были встрѣчены дружнымъ смѣхомъ публики и печати. Рёскинъ поспѣшилъ на ихъ защиту. Онъ отложилъ на время продолженіе своего главнаго труда, написалъ цѣлую серію писемъ въ „Times“, и выпустилъ отдѣльную брошюру о „Прерафаелизмѣ“. Въ ней онъ старался разъяснить публикѣ цѣль и значеніе этого движенія въ искусствѣ, указать на искренность и серьезность отношенія къ дѣлу самихъ художниковъ этой школы, и разъяснить красоты и смыслъ ихъ твореній. Ему удалось завоевать для нихъ признаніе общества,—и онъ естественнымъ образомъ сдѣлался самъ ихъ признаннымъ вождемъ, а также другомъ и совѣтникомъ.

Было бы однако ошибкою ставить на счетъ Рёскину всѣ уродливыя стороны прерафаелитскаго движенія въ живописи,—всѣ эти „симфоніи въ голубой краскѣ“ и „олицетворенія въ желтой“,—словомъ всю эстетическую белиберду, съ этимъ движеніемъ связанную. То были лишь „задворки“ его. Между его основателями были люди истиннаго генія и неподдѣльнаго художественнаго смысла, и вотъ ихъ-то и поддерживалъ и выдвигалъ Рёскинъ. Весь центръ тяжести его художественной критики лежитъ въ предпочтеніи „природы“ передъ „условностью“. Въ сущности это былъ тотъ же завѣтъ, который проповѣдывался Карлейлемъ для всякаго труда вообще—т. е. призывъ къ „искренности“. „Будьте искренни сами съ собою“—говорилъ Рёскинъ,—„разберитесь въ томъ, чему вы поклоняетесь,—и пишите тогда,—отдѣлавшись уже отъ всего лицемѣрія „высокаго стиля“ и „возвышеннаго искусства“,—относясь къ нему съ такимъ же отвращеніемъ, съ которымъ вы избѣгали бы поддѣлываться подъ грубые инстинкты толпы. Только тогда возродится искусство дѣйствительно жизненное, а если художникъ человѣкъ большого таланта, то оно будетъ и „великимъ“ искусствомъ“.

Итакъ, наружно, за всѣ эти годы, жизнь Рёскина протекала среди самыхъ блестящихъ успѣховъ. Внутренне однако онъ чувствовалъ себя совершенно иначе. За это время онъ уже принесъ свою дань несчастію. Первое разочарованіе принесла ему конечно любовь, и,—несмотря на то,

что онъ былъ еще очень молодъ, когда это случилось, — оно имѣло серьёзное вліяніе на всю его жизнь. Ему было семнадцать лѣтъ отъ роду, когда къ его отцу пріѣхалъ гостить въ Англію г. Домеккъ, одинъ изъ компаніоновъ отцовской фирмы, и привезъ съ собою своихъ четырехъ дочерей—испанокъ. Джонъ Рёскинъ сразу влюбился въ одну изъ нихъ, влюбился безумно, страстно и бурно. Мы видѣли, что онъ росъ одинокимъ, и жажда привязанности глубоко томила его. „Когда наконецъ пришла любовь“,—пишетъ онъ—„то она захватила меня съ такой силой, что я оказался внѣ всякой возможности съ нею справиться и сколько-нибудь управлять собою,—тѣмъ болѣе, что и ранѣе я не имѣлъ никогда еще случая чѣмъ-либо управлять или распоряжаться“.

Привязанность его осталась безъ отвѣта. Онъ писалъ для своего предмета разсказы,—цѣлыя исторіи, полныя любви и опасностей—и читалъ ихъ ей подъ аккомпаниментъ ея смѣха. Онъ сталъ писать ей стихи,—которые и печатались въ „Friendships Offering“—а она смѣялась еще пуще. Его труды въ области поэзіи, науки и искусства не производили на нее никакого впечатлѣнія. Даровитый юноша былъ слишкомъ серьёзенъ для блестящей испанской красавицы. За четыре года самаго страстнаго постоянства она ни разу не отнеслась благосклонно къ его привязанности, и онъ, въ концѣ концовъ, долженъ былъ отступиться,—а она вышла замужъ за какого-то французскаго аристократа. Рёскинъ написалъ ей цѣлую

прощальную поэму и, черезъ двѣ недѣли, серьёзно заболѣлъ—отъ любовнаго огорченія или отъ чего другого—осталось неизвѣстнымъ. Какъ бы то ни было, у него опредѣлили начало чахотки, вслѣдствіе чего онъ былъ вынужденъ оставить университетъ и отправиться путешествовать. Два года прошло въ постоянныхъ переѣздахъ изъ города въ городъ, отъ одного доктора къ другому, въ борьбѣ съ недугомъ. Наконецъ, болѣзненный процессъ остановился—и Рёскинъ вернулся въ Оксфордъ, но долженъ былъ отказаться отъ всякой мысли о церковной карьерѣ, и о высокихъ почестяхъ, къ которымъ онъ готовился. Сверхъ того, онъ, съ этого времени, на всю жизнь остался крайне болѣзненнымъ человѣкомъ, съ совершенно испорченнымъ и шаткимъ здоровьемъ.

Въ періодъ выздоравливанія онъ часто встрѣчался съ одной дѣвушкой-шотландкою, замѣчательной красоты, и которая пользовалась особымъ расположеніемъ родителей Рёскина. Между прочимъ она не одобряла исключительности его занятій геологіей и искусствомъ, и какъ-то разъ, предложила ему написать—такъ сказать на пари—волшебную сказку-феерію, — утверждая, что это окажется ему не по силамъ. И вотъ, ради забавы этой дѣвушки—онъ создалъ эту удивительную, ставшую впослѣдствіи классической въ этомъ жанрѣ, фантазію—„Король съ Золотой Рѣки“.—И уже нѣсколько лѣтъ спустя,—подъ вліяніемъ усердныхъ упрашиваній отца и матери, гораздо болѣе нежели по собственной сердечной

склонности, Рёскинъ сдѣлалъ предложеніе этой „красавицѣ изъ Перта“, и женился на ней. Родители Рёскина полагали, съ своей стороны, что здоровая, красивая, блестящая жена окажется какъ разъ тѣмъ укрѣпляющимъ стимуломъ, который разгонитъ болѣзненное настроеніе ихъ сына-отшельника. Семья дѣвушки также желала этой свадьбы по причинѣ богатства и общественнаго положенія жениха. Бракъ состоялся—и оказался вполнѣ несчастнымъ. Это былъ совершенно яркій случай „несовмѣстимости“ характеровъ: съ первыхъ же дней, какъ ни старался Рёскинъ завоевать любовь жены и быть образцовымъ мужемъ, они очевидно не подходили другъ къ другу. Вкусы, стремленія, все было различно. Жена — жизнерадостная, остроумная, стремилась жить и блистать въ обществѣ. Рёскинъ ничего не хотѣлъ знать объ обществѣ, и былъ погруженъ въ гораздо болѣе серьёзныя занятія. Съ каждымъ днемъ мужъ и жена все болѣе и болѣе отдалялись другъ отъ друга, и, протянувъ коё-какъ шесть лѣтъ супружества, наконецъ разошлись. Жена бросила Рёскина, къ удивленію и соблазну всего англійскаго общества. Друзья Рёскина, почти безъ исключенія—стали на его сторону, утверждая, что его поведеніе, какъ мужа, было безукоризненно. Рыцарски деликатный — самъ Рёскинъ уклонился отъ всякой защиты или объясненій. Людскія сплетни—а ихъ было не мало—могли плести все, что имъ вздумается—онъ промолчалъ.

Скандалъ разросся еще пуще, когда, вскорѣ

послѣ развода супруговъ, г-жа Рёскинъ вышла вторично замужъ за живописца Миллейза, одного изъ ближайшихъ друзей своего перваго мужа. Разсказываютъ, что Рёскинъ, до того времени всегда хвалебно относившійся о картинахъ Миллейза, сталъ затѣмъ ихъ совершенно обходить молчаніемъ. Въ сущности, — это была бы весьма извинительная человѣческая слабость—но поводъ тутъ былъ все-таки иной. Миллейзъ въ это время сталъ сильно измѣнять стиль своей живописи,—и отъ спиритуалистическаго письма переходить къ чувственному. Требованіе же „чистоты въ искусствѣ“ было однимъ изъ основныхъ принциповъ Рёскина.

***

Однако, среди всѣхъ этихъ треволненій и семейнаго несчастія, Рёскинъ продолжалъ свое дѣло. Первый томъ „Современныхъ Живописцевъ“ разросся, какъ мы видѣли, до цѣлыхъ пяти, и, изъ защиты Тёрнера, превратился въ сравнительно-историческій трактатъ о древней и новой живописи. Сверхъ того Рёскинъ написалъ „Семь свѣточей архитектуры“ (Seven Lamps of Architecture) и,—въ трехъ томахъ,—„Камни Венеціи“ (Stones of Venice). Въ первомъ сочиненіи онъ старается выяснить, что архитектура есть та посредствующая среда, по которой мы изучаемъ характеръ націи,—что въ архитектурѣ каждаго народа отразилась его жизнь, его исторія, его религія. „Семь свѣточей“ архитектуры суть:

во первыхъ—

Свѣточъ Жертвоприношенія,— т. е. избранія наиболѣе драгоцѣнныхъ матеріаловъ, именно въ виду ихъ драгоцѣнности;

во вторыхъ—

Свѣточъ Истины—въ глубинѣ и искренности замысла зданія;

въ третьихъ и т. д.—

Свѣточъ Силы, Свѣточъ Красоты, Свѣточъ Жизни—или самобытности замысла—и наконецъ Свѣточи Памяти и Послушанія, т. е. уваженія къ прошлому и соблюденія уже нажитыхъ традицій.

„Камни Венеціи“—трактуютъ объ исторіи и археологіи Венеціи, „раскрывая причины ея могущества и славы, и постепеннаго упадка и окончательнаго паденія. Цѣль книги заключается въ томъ, чтобъ показать, что *Готическая* архитектура въ Венеціи соотвѣтствуетъ періоду чистыхъ, семейственныхъ добродѣтелей въ республикѣ, — а архитектура *Возрожденія* выростаетъ изъ уже скрытно-начавшагося процесса разложенія венеціанской семьи и упадка національной доблести“. Исторія народа, по мнѣнію Рёскина, явственнѣе изображена въ его каменныхъ памятникахъ, нежели написана въ книгахъ. „Всякая великая архитектура свидѣтельствуетъ о доблести народа, — а вырождающееся зодчество о временахъ національнаго упадка и позора“. Въ главѣ: „о природѣ готическаго зодчества“—Рёскинъ въ особенности настаиваетъ на томъ, что всякое искусство требуетъ художника, и что

зодчество, для того, чтобы возвыситься до степени искусства,—не можетъ ограничиваться тѣмъ, что простые рабочіе выполняютъ тотъ или другой планъ архитектора;—что царство искусства наступитъ лишь тогда, когда художники будутъ работниками, а эти послѣдніе—художниками. Впослѣдствіи,—ко дню основанія „Колледжа Рабочихъ“—эта глава изъ „Камней Венеціи“ была отпечатана отдѣльно, и раздавалась участникамъ торжества, въ видѣ брошюры. Она же принята въ качествѣ катехизиса и позднѣйшимъ поборникомъ художественности въ ремеслѣ — Вильямомъ Моррисомъ.

*
* *

Двадцать лѣтъ уже писалъ Рёскинъ неустанно по вопросамъ художественной критики. Онъ добился полнаго признанія своихъ взглядовъ. По общему приговору, онъ былъ первымъ писателемъ Англіи по вопросамъ искусства. Онъ былъ диктаторомъ вкуса публики. Одного его слова было достаточно, чтобы создать или разбить славу художника. Его ежегодныя обозрѣнія выставокъ Королевской Академіи составляли эпоху, и брались на расхватъ. До того было вѣско его слово и уважаемо мнѣніе, что извѣстный юмористическій журналъ „Punch“ помѣстилъ каррикатуру, изображающую одного изъ членовъ Королевской Академіи, съ такимъ припѣвомъ:

„I paints and paints,
Hears no complaints,
And sells before I'm dry;
Till savage Ruskin
Sticks his tusk in,
And nobody will buy“. *)

Рёскинъ старался быть въ высшей степени безпристрастнымъ въ своихъ сужденіяхъ. Личныя отношенія совершенно не вліяли на его оцѣнки. Нѣкоторые изъ его друзей сильно огорчались на его такую прямолинейность. Былъ такой случай, что Рёскинъ написалъ одному изъ нихъ, что, къ сожалѣнію, не можетъ отнестись благопріятно о его работахъ, но надѣется, что это не отзовется на ихъ дружбѣ. Тотъ отвѣчалъ: „Дорогой Рёскинъ! — Въ слѣдующій разъ, какъ только мы встрѣтимся,—я на васъ брошусь и повалю васъ на землю—но, я надѣюсь, это не оставитъ никакого слѣда на нашей дружбѣ“.

Дѣятельность Рёскина не ограничивалась однимъ писательствомъ. Онъ принималъ большое участіе въ устройствѣ „рабочихъ колледжей“ и, въ теченіи многихъ лѣтъ, посвящалъ одинъ вечеръ въ недѣлю преподаванію въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ. Только лица, испытавшія на практикѣ весь трудъ такого вечерняго преподаванія, могутъ вполнѣ оцѣнить эту услугу Рёскина образованію

*) „Я пишу да пишу себѣ картины,—и всѣ очень довольны—и картины мои продаются прежде даже, чѣмъ краски высохнутъ.... —Но вотъ идетъ свирѣпый Рёскинъ—и суетъ своимъ клыкомъ въ мою живопись—и никто уже у меня ничего не покупаетъ“.....

народа. Сверхъ того Рёскинъ принималъ большое участіе во многихъ частныхъ и общественныхъ филантропическихъ предпріятіяхъ. Онъ всегда отличался чрезвычайной щедростью. Покровительствуемые имъ артисты получали отъ него не однѣ только похвалы въ печати. Такъ напримѣръ, съ Данте Габріелемъ Россетти онъ условился покупать у того картины, ежегодно на извѣстную сумму. Когда Россетти не могъ найдти издателя для своихъ стихотвореній, Рёскинъ принялъ на себя всѣ расходы по изданію. Тоже самое онъ сдѣлалъ по изданію „Итальянскихъ поэтовъ ранняго періода“.

И однако, несмотря на эту разнообразную и живую дѣятельность, несмотря на двадцать лѣтъ писательства въ художественной области и громадный успѣхъ въ публикѣ—въ Рёскинѣ гнѣздилось глубокое недовольство жизнью. Все, имъ сдѣланное, казалось ему ненужнымъ и плоскимъ. Онъ достигъ того момента зрѣлости, когда каждый глубокій мыслитель начинаетъ считать единственно существенными вопросами въ мірѣ лишь слѣдующіе: „отчего такъ много страданій и горя въ свѣтѣ, и что можно сдѣлать, дабы облегчить ихъ? Какова цѣль всякой жизни вообще, и въ частности моей жизни?“ Подъ вліяніемъ этихъ зародившихся въ немъ мыслей, Рёскинъ принялся писать о томъ, что онъ называлъ „Политическою Экономіей Искусства“,—т. е. о способахъ приложенія на практикѣ труда художниковъ, и о возвышеніи уровня вкуса въ обществѣ. Онъ настойчиво указывалъ на необходимость охраненія древ-

нихъ памятниковъ, на воспитательное ихъ значеніе, и на желательность предпочтенія въ промышленности художественой работы продуктамъ машиннаго производства. Онъ требовалъ введенія рисованія, какъ обязательнаго предмета обученія во всѣхъ школахъ, не столько для того, чтобы размножить профессіональныхъ рисовальщиковъ, сколько для того, чтобы знакомить массу съ тѣми наслажденіями, которыя доставляетъ искусство, и развить вкусъ тѣхъ, которымъ современемъ предназначено стать хозяевами и цѣнителями,—да еще затѣмъ, чтобы „не дать заглохнуть въ числѣ сельскихъ пастуховъ ни одному возможному Джіотто“, т. е. чтобы открыть дорогу всякому артистическому дарованію въ Англіи. Несомнѣнно, что эти его взгляды значительно опередили его время, въ особенности относительно обязанностей государства по народному просвѣщенію. Рёскинъ вооружался противъ установившагося мнѣнія, что если частное лицо предпочитало коснѣть въ невѣжествѣ, то это и было его священнымъ правомъ, и что государство не должно вступаться въ эту житейскую сферу и обучать дѣтей помимо воли родителей.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ духовномъ развитіи Рёскина было нѣсколько періодовъ. До сорока лѣтъ онъ былъ исключительно художественный критикъ и писатель по вопросамъ искусства. Затѣмъ, это отходитъ для него на второй планъ, и главною задачею становятся этика и филантропія, и Рёскинъ не щадитъ ни времени, ни денегъ, ни личныхъ усилій для улучше-

нія условій жизни рабочаго класса. Наконецъ, Рёскинъ приходитъ къ убѣжденію, что требуется нѣчто бо̀льшее, нежели простая филантропія,—что безполезно замазывать щели въ кораблѣ, котораго все устройство подлежитъ передѣлкѣ. И вотъ онъ сталъ надъ этой послѣдней задачей: нѣсколько лѣтъ онъ прожилъ внѣ Англіи, въ Альпахъ, почти въ совершенномъ одиночествѣ, изслѣдуя корень зла и способы его излѣченія. Плодомъ его уединенія былъ рядъ статей, излагающихъ его мысли, и которыя начали печататься въ „Cornhill Magazine“, издателемъ котораго былъ личный другъ Рёскина—Теккерей. Статьи эти подняли такую бурю негодованія и возраженій, что по третьему номеру Теккерей былъ вынужденъ прекратить ихъ печатаніе. Годъ спустя, редакторъ „Frazer'a“, считая свое положеніе болѣе прочнымъ, нежели „Cornhill'я“—рѣшилъ вновь попробовать пустить статьи Рёскина; однако, черезъ нѣсколько времени, въ дѣло вступился уже издатель журнала, и печатаніе вновь пріостановилось. Первая серія статей (изъ „Cornhill'“я) составляетъ нынѣ сочиненіе подъ заглавіемъ „Unto this last,“—вторая вошла въ „Munera Pulveris“. Зачѣмъ Рёскинъ выпустилъ еще „Time and Tide on Weare and Tine“,—заключающее въ себѣ переписку между Рёскиномъ и однимъ рабочимъ, обратившимся къ нему за наставленіями.

Заключающееся въ этихъ трехъ сочиненіяхъ ученіе Рёскина составляетъ ключъ къ уразумѣнію всей его соціальной системы и въ главныхъ чертахъ таково: жизненныя силы въ обществѣ

суть—правительство и кооперація; анархія и конкурренція *) суть начала гибели и разрушенія. Конкурренцію Рёскинъ ненавидитъ болѣе всего на свѣтѣ. Ее слѣдовало бы изгнать отовсюду: изъ школъ, дѣловыхъ отношеній, промышленности и ремеслъ, и изъ международной политики. Подъ коопераціей Рёскинъ понимаетъ не товарищескій трудъ рабочихъ и хозяевъ съ участіемъ въ прибыляхъ, а прямой товарищескій союзъ взаимо-помощи всѣхъ трудящихся. Истинное богатство націй, по мнѣнію Рёскина, есть количество хорошихъ людей, мужчинъ и женщинъ, ею воспитанныхъ. Главныя національныя задачи—суть именно воспитаніе человѣческой особи (the human plant)—и снабженіе мужчинъ и женщинъ не только необходимыми условіями физическаго существованія, ѣдой и платьемъ, но и чистымъ воздухомъ, свѣтомъ и красотою. Еще въ то время, когда Рёскинъ преподавалъ теорію искусства въ „рабочемъ колледжѣ“, онъ ставилъ цѣлью не доставленіе слушателямъ средствъ къ успѣху въ жизни, но развитіе въ нихъ способности понимать художество и наслаждаться имъ. По его мнѣнію, воспитывать и обучать юношество надо не въ виду будущей жизненной карьеры, но потому, что наука, художество и книги суть наилучшее возможное общество.

Основное начало общественной экономики Рёскина есть братство людей. Онъ пишетъ: „всякая система, не признающая этого начала—не есть

*) Буквально—Competition, „соревнованіе“.

политическая экономія, но торговая, меркантильная экономія. Тридцать лѣтъ тому назадъ онъ уже поставилъ вопросъ: „не заслуживаетъ ли вниманія общества фабрикація душъ хорошаго качества?“ Величайшее благодѣяніе, которое мы можемъ оказать рабочему,—это сдѣлать его довольнымъ своею судьбою. И это достигается не проповѣдью ему дешевой морали объ умѣренности и примиреніи съ своею долею. Безсмысленно увѣрять его, что Провидѣніе предопредѣлило его къ той вонючей ямѣ, куда мы его толкаемъ. Это вовсе не входило въ виды Божественнаго Промысла. Нѣтъ—вы поднимите рабочій классъ до примиренія съ жизнью, научивъ его пользоваться и наслаждаться ею. Главная причина, порождающая стачки и рабочіе безпорядки, не то, что рабочіе ѣдятъ плохо, а то, что они не чувствуютъ призванія къ своей работѣ, и не находятъ удовольствія въ ней. Мы сдѣлали изъ нихъ машины. Надо просвѣтить ихъ и доставить имъ три *матеріальныя* условія, которыя нетолько полезны, но прямо необходимы въ жизни! И ни одинъ человѣкъ, не признающій этихъ условій, или не пользующійся ими, не умѣетъ жить. Эти три матеріальныя статьи суть:

Чистый воздухъ,
Вода,
Земля.

Точно также имѣются и три духовныя статьи, не только полезныя для духовной жизни, но и необходимыя для нея, это:

Поклоненіе,
Надежда,
Любовь.

Нѣтъ предѣловъ насмѣшкамъ, которымъ подвергалась „политическая экономія“ Рёскина. Даже его поклонники признаютъ ее неприложимою на практикѣ, и лишь теоретической утопіей;— для остальныхъ она представляется прямо чепухой, безъ всякой примѣси здраваго смысла. И однако, за послѣднія тридцать лѣтъ, общественное мнѣніе въ Англіи начинаетъ понемногу освоиваться съ воззрѣніями Рёскина. Конечно, оно далеко не достигло уровня его альтруистической этики, но уже и средній британецъ начинаетъ убѣждаться, что нравственный долгъ существуетъ какъ для отдѣльнаго лица, такъ и въ національной жизни,—и что голый эгоизмъ далеко не лучшее руководящее начало ни для человѣка, ни для народа. А Рёскинъ именно и утверждалъ, что главныя язвы нашей современной жизни суть непомѣрно разросшееся себялюбіе, торговый духъ, и демонъ „успѣха“. Главнѣйшей цѣлью и мѣриломъ современнаго человѣка сталъ „успѣхъ“, безъ всякаго вниманія къ тѣмъ, на чей счетъ онъ достигнутъ.

Лучшимъ пробнымъ камнемъ искренности взглядовъ человѣка служитъ его жизнь: — насколько онъ на дѣлѣ слѣдуетъ своему ученію, насколько проводитъ свои теоретическіе взгляды въ окружающей его ежедневной обстановкѣ,—однимъ словомъ—сходится ли у него слово съ дѣ-

ломъ? Если мы приложимъ эту мѣрку къ Рёскину, то мы найдемъ, что онъ унаслѣдовалъ отъ отца состояніе въ 200,000 фунтовъ,—т. е. около двухъ милліоновъ рублей,—и, за исключеніемъ его великолѣпнаго дома, ко времени смерти Рёскина изъ этого состоянія не осталось ничего. Его единственнымъ доходомъ въ послѣдніе годы была выручка отъ его сочиненій,—все же остальное состояніе ушло на дѣла частной и общественной благотворительности. Однимъ изъ его первыхъ поступковъ, по вступленіи въ наслѣдство отца—была раздача нѣсколькихъ тысячъ фунтовъ между его менѣе состоятельными родственниками. Пока онъ былъ профессоромъ теоріи искусства въ Оксфордѣ, онъ истратилъ огромныя суммы на самый университетъ, между прочимъ на расширеніе и оборудованіе въ немъ школы рисованія. Пожертвованія свои преимущественно направлялъ онъ въ музеи, школы, и въ жилища бѣдняковъ. Черезъ посредство г-жи Октавіи Гилль онъ скупалъ старые дома съ мелкими квартирами въ Лондонѣ, и перестраивалъ ихъ въ дешевыя помѣщенія для бѣдныхъ жильцовъ.

Главнѣйшимъ же филантропическимъ предпріятіемъ Рёскина, особенно близкимъ его сердцу, было основаніе „Гильдіи св. Георгія“. Побудительной причиной къ тому была масса нищеты въ Англіи. Рёскинъ говоритъ между прочимъ: „я просто на просто не могу заниматься живописью, ни читать, ни смотрѣть на минералы, словомъ не въ силахъ предаваться ни одному изъ моихъ любимыхъ занятій—и даже самый свѣтъ

яснаго утренняго дня, если таковой случается, становится мнѣ ненавистенъ, — когда я вспоминаю, сколько кругомъ меня нищеты, или мнѣ хорошо извѣстной, или же признаки которой около себя я угадываю, — нищеты, превосходящей всякое воображеніе“. „Гильдія Св. Георгія“—это идеальное государство Рёскина, его „Утопія“. Она была основана для осуществленія слѣдующихъ трехъ положеній:

1, что пища должна быть добываема только чрезъ воздѣлываніе земли;

2, что счастіе достижимо только честнымъ путемъ;

3, что достиженіе высшей мудрости и высшаго благополучія не должно обходиться слишкомъ дорого, и не должно быть исключительнымъ удѣломъ немногихъ.

Въ 1871 году, въ маѣ, въ очередномъ выпускѣ „Fors Clavigera“, Рёскинъ обратился съ воззваніемъ ко всѣмъ землевладѣльцамъ, которые „предпочитали бы имѣть въ услуженіи у себя людей, а не стальныхъ діаволовъ“, — и ко всѣмъ съемщикамъ фермъ и рабочимъ, согласнымъ принять обязательство работать и жить трезвой и честной жизнью, ради спокойствія и радостей домашняго очага. На осуществленіе предполагавшагося предпріятія Рёскинъ назначалъ десятую долю всего своего состоянія и обязывался отдавать также одну десятую и всего того, что онъ и въ будущемъ заработаетъ, или вообще получитъ. Точно также и вступающія лица имѣли пожертвовать по одной десятой своего достат-

ка, ради „созданія счастливой Англіи“. Рёскинъ писалъ:

„Мы попытаемся сдѣлать нѣкоторую часть англійской почвы счастливою, мирною и плодородною. Въ нашемъ уголкѣ не будетъ паровыхъ машинъ и желѣзныхъ дорогъ; не будетъ заброшенныхъ и лишенныхъ образованія существъ, — не будетъ страдающихъ, за исключеніемъ больныхъ,—ни праздныхъ, за исключеніемъ мертвыхъ. У насъ не будетъ свободы, но безпрекословное повиновеніе установленнымъ правиламъ и назначеннымъ лицамъ; не будетъ равенства, но признаніе всякаго превосходства, въ чемъ бы то ни было, и отверженіе всякаго порока. Когда намъ понадобится куда либо переѣхать, то мы это будемъ исполнять спокойно и безопасно, — а не по сорока миль въ часъ, съ рискомъ сломать себѣ шею; если понадобится что либо перевезти, то мы это сдѣлаемъ съ помощью животныхъ, или на себѣ, или же въ повозкахъ и лодкахъ;—у насъ будетъ масса цвѣтовъ и овощей въ садахъ и огородахъ,—обиліе злаковъ и травы въ поляхъ, но не будетъ кирпичныхъ построекъ. Будетъ и поэзія, и пѣніе, и музыка; дѣти станутъ танцовать подъ нее, а подъ-часъ пожалуй и старшіе. У насъ будетъ и свое искусство; покрайней мѣрѣ, мы, подобно Грекамъ, попытаемся изготовить иную незамысловатую утварь. Понемногу расширится и сфера нашего художества,—а затѣмъ за-

сіяютъ намъ и первые слабые лучи науки. Цѣлью нашего общества—скупить сколько можно больше земли въ Англіи, и воспитать на этой почвѣ наибольшее, возможное по нашимъ средствамъ, число англійскихъ мущинъ, женъ и дѣтей, для наиболѣе здоровой и возвышенной жизни“.

И, дѣйствительно, былъ купленъ участокъ земли около Шеффильда, и въ этомъ участкѣ земля сдавалась рабочимъ за 3% ея стоимости. Рёскинъ былъ избранъ старшиною „Гильдіи“. Вкладчики землею или деньгами назывались „товарищами“ (companions). Съемщики-рабочіе назывались „соучастниками“ (retainers). Каждое семейство подвергалось годичному испытанію. Если его образъ жизни соотвѣтствовалъ требованіямъ Гильдіи, съ нимъ заключался контрактъ на три года. По истеченіи этого срока, онъ могъ быть продолженъ на бо́льшее время, или же прямо давалось разрѣшеніе вкупиться въ Гильдію. Всякій вступающій въ нее обязывался подписать слѣдующее исповѣданіе вѣры:

1. Я вѣрую въ Бога Живаго, Отца Всемогущаго, Творца Неба и Земли, и всѣхъ вещей и существъ, видимыхъ и невидимыхъ. Вѣрую въ благость Его Закона и совершенство Его Творенія. И я буду стремиться любить Его, и соблюдать Законъ Его, и созерцать Твореніе Его, пока я живъ.

2. Я вѣрую въ благородство природы человѣка, и высоту его способностей, полноту милосердія и радость любви. И я буду стараться любить моего ближняго, какъ самого себя,—и, даже если не буду въ состояніи этого достигнуть, буду поступать такъ, какъ бы я любилъ его такимъ образомъ.

3. Я буду работать, по мѣрѣ дарованныхъ мнѣ Богомъ силъ и возможностей, за хлѣбъ мой насущный; и все, къ чему приложится рука моя, буду исполнять по крайнему моему старанію.

4. Я не буду обманывать, или помогать вводить въ обманъ, ни одного человѣческаго существа ради моихъ собственныхъ удовольствія или выгоды; не буду вредить, или помогать вредить — никому изъ человѣческихъ существъ, ради моихъ собственныхъ удовольствія или выгоды,—не буду ничего похищать, или способствовать похищенію, ни у одного человѣческаго существа, ради моихъ собственныхъ удовольствія и выгоды.

5. Я не буду убивать какое либо живое существо, или причинять ему страданіе или насиліе, а равно не буду уничтожать ни одной красивой вещи; напротивъ, я буду стараться оберегать и лелѣять все благо-живущее (gentle life), а также охранять и усовершенствовать всякую природную красоту, существующую на землѣ.

6. Я буду стремиться къ возвышенію моихъ души и тѣла, и къ наивысшему воспринятію мною моего долга и счастія, и не въ соперничествѣ или состязаніи съ другими, но, наоборотъ, ради помощи другимъ, ради ихъ наслажденія и чести, а также радостей и мира моей собственной жизни.

7. Я буду безпрекословно повиноваться законамъ моей страны и повелѣніямъ ея Монарха, поскольку эти законы и повелѣнія не противорѣчатъ тому, что я признаю Закономъ Божіимъ; а если они окажутся въ такомъ противорѣчіи по какой либо причинѣ, или потребуютъ измѣненія, то я буду возражать противъ нихъ честно, открыто и неуклонно, но отнюдь не какими либо хитростными, тайными или насильственными путями.

8. Въ той же мѣрѣ и съ такой же вѣрностью, буду я подчиняться правиламъ „общества имени Св. Георгія“.

Цѣли Гильдіи были троякія: земледѣльческія, промышленныя и артистическія. Въ первой области предполагалось доставить мужчинамъ и женщинамъ Англіи то, что Рёскинъ считалъ необходимымъ для матеріальной жизни: чистый воз-

духъ, чистую воду и здоровую почву. Въ промышленномъ отношеніи главное вниманіе должно было быть обращено на возстановленіе домашнихъ ремеслъ и промысловъ,—какъ напримѣръ: ручного пряденья и ткачества, плетенья кружевъ, рѣзьбы по дереву и издѣлій изъ онаго, и обработки металловъ. Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ изъ этихъ опытовъ было обновленіе на островѣ Мэнъ падавшей промышленности домашней выдѣлки суконъ. Съ артистической стороны наиболѣе важнымъ предпріятіемъ Гильдіи было основаніе въ Шеффильдѣ „Музея Рёскина“, устроеннаго и приспособленнаго, согласно его воззрѣніямъ, для практическаго изученія исторіи искусствъ.

*
* *

Въ теченіи этихъ лѣтъ, среди заботъ объ улучшеніи англійской жизни, упроченіи людского счастія и расширеніи знаній, Рёскина посѣтило тяжелое горе. Послѣ того какъ жена его оставила, онъ долгіе годы велъ жизнь не только одинокую, но прямо затворническую и пугливо-замкнутую. На него, всегда очень впечатлительнаго,—горькій опытъ его супружества подѣйствовалъ такъ, что онъ совершенно заперся отъ свѣта. Между тѣмъ, душа требовала привязанности, а сердце алкало того личнаго счастья, которое доставалось-же на долю другихъ людей. И вотъ въ его жизнь вошла одна изъ его учениць, женщина гораздо его моложе, казавшаяся способной доставить ему такое счастіе. Она обѣ-

щала быть его женою, и друзья Рёскина радовались тому, что онъ, такъ увлекательно описавшій прелести семейной жизни, узнаетъ наконецъ ея тихое спокойствіе. Но невѣста Рёскина была чрезвычайно набожна, и ее поразили нѣкоторыя изъ его мыслей, высказанныя въ „Fors Clavigera“, выходившей тогда мѣсячными выпусками. Она не сообразила истиннаго отношенія Рёскина къ религіи, и, рѣшивъ, что „не можетъ связать свою судьбу съ невѣрующимъ“, взяла обратно свое слово. Она отказалась видѣться съ Рёскиномъ, хотя это разбило ея сердце и стоило ей жизни. Она стала быстро таять, и никакія увѣщанія и старанія со стороны Рёскина не могли измѣнить ея рѣшенія. Наконецъ, когда она уже лежала при смерти, Рёскинъ, почти обезумѣвшій отъ горя, неотступно просилъ у нея свиданія. Отвѣтъ былъ тотъ, что она можетъ его увидѣть лишь въ томъ случаѣ, если онъ ей поклянется, что любитъ Бога болѣе, нежели любитъ ее. Этого Рёскинъ сказать не могъ—и она умерла, не повидавшись съ нимъ. Читая въ твореніяхъ Рёскина тѣ изумительныя мѣста, гдѣ онъ говоритъ о значеніи жизни,—отказываешься понимать, какимъ образомъ существо, его любившее, могло оказаться неспособнымъ отличить духъ его писаній отъ буквы...

*
* *

Многое можно было бы написать о слогѣ Рёскина и его великолѣпномъ языкѣ. Англійская литература не знаетъ равнаго ему художника-

мастера англійскаго слова. Читая, напримѣръ, его удивительныя описанія — настоящія словесныя картины — въ „Modern Painters“ — кажется, что до тѣхъ поръ мы не сознавали вполнѣ красотъ природы, ея отблесковъ, скалъ, деревьевъ. Самъ Рёскинъ впослѣдствіи относился нѣсколько иронически къ стилю своихъ раннихъ произведеній, и посмѣивался надъ своей тогдашнею страстью облекать свои мысли красивыми фразами: „меня называли тогда хорошимъ писателемъ“, -говаривалъ онъ, „а теперь утверждаютъ, что я совершенно разучился писать—за то, что если мнѣ теперь нужно сказать кому нибудь, что его домъ горитъ—я такъ таки и говорю просто:—„сэръ! вашъ домъ горитъ!“ А прежде я бы написалъ: „сэръ! жилище, въ которомъ вѣроятно протекли (probably passed) счастливые дни (the delightful days) вашей юности, находится въ состояніи воспламененія“. И всякому нравилось это созвучіе двухъ „p“ въ „probably passed“, или двухъ „d“ въ „delightful days“.—Въ своихъ послѣдующихъ писаніяхъ по этикѣ, Рёскинъ перешелъ къ болѣе сжатому, простому и ясному языку, но и здѣсь,— если даже онъ просто заявляетъ, что чей нибудь „домъ горитъ“,—то дѣлаетъ это такъ ярко и сильно, что воображеніе читателей само невольно дорисовываетъ и пламя и дымъ...

Послѣдніе годы жизни Рёскина омрачены были тяжелою, темною тучей. Постоянные болѣзненные припадки, а также и страшное переутомленіе работой, привели его къ болѣзни мозга, отъ которой онъ впадалъ,—иногда на цѣлые мѣсяцы—

въ буйное умопомѣшательство. Однако, мало по малу, эта туча разсѣялась, и закатъ жизни Рёскина прошелъ безмятежно и тихо. Но подвигъ его жизни былъ уже законченъ. Въ спискѣ великихъ людей Англіи мы насчитаемъ очень немногихъ, которые въ такой же степени пользовались бы любовью и уваженіемъ народной массы и англійскихъ рабочихъ классовъ, какъ Рёскинъ. На его долю достался первый примѣръ учрежденія цѣлыхъ обществъ для изученія произведеній писателя еще при его жизни. „Общества Броунинга“ возникли уже впослѣдствіи. Почти въ каждомъ городѣ Англіи существуютъ „Клубы Рёскина“, и членами ихъ въ большемъ числѣ состоятъ люди изъ рабочихъ классовъ.

Тѣ области духовной жизни, на которыхъ въ особенности сильно отразилось вліяніе Рёскина, суть искусство и религія. Многіе художники увѣровали, при его помощи, что искусство не имѣетъ будущности, если не будетъ положенъ предѣлъ все болѣе и болѣе растущему матеріализму нашего вѣка. Творческій геній замретъ, если мы не отстоимъ духовной стороны нашей природы отъ порабощенія матеріальною. Художники этого образа мыслей смотрятъ на Рёскина, какъ на своего пророка. Вилльямъ Моррисъ,—живописецъ, поэтъ и соціалистъ—былъ его горячимъ послѣдователемъ и ученикомъ. Искусство можетъ существовать лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы художникъ творилъ свободно и съ любовью,—а не изъ желанія наживы.

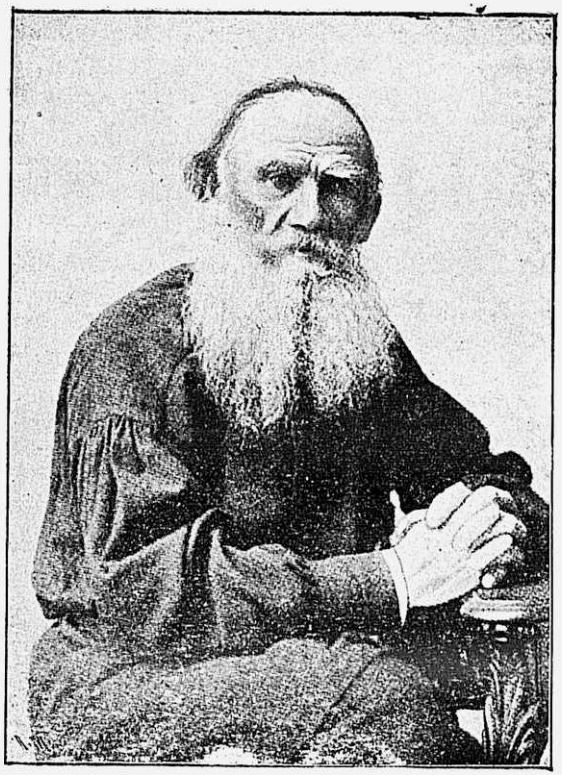
Въ религіи вліяніе Рёскина отразилось весьма

жизненно на теперешнемъ поколѣніи въ Англіи. Онъ не только научилъ его признавать превосходство духа надъ формою, но внушилъ ему ту истину, что „ни одинъ человѣкъ не живетъ самъ для себя, и ни одинъ не умираетъ самъ для себя“. Рёскинъ раскрылъ людямъ истинное значеніе братства въ мірѣ. Доктрина, извѣстная подъ названіемъ христіанско-соціальной, выросла изъ его ученія.

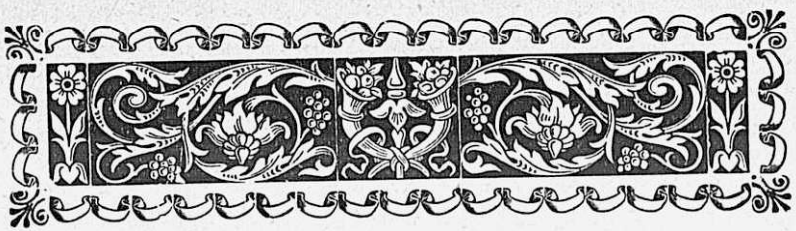
Оно можетъ быть сведено къ слѣдующей, имъ же выработанной, формулѣ:

> Есть только одно истинное сокровище—это жизнь. Жизнь со всѣми ея силами любви, радости и поклоненія. Та страна наиболѣе богата, которая содержитъ наибольшее число добрыхъ, благородныхъ и счастливыхъ человѣческихъ существъ; и наиболѣе богатъ тотъ отдѣльный человѣкъ, который,—развивъ до возможнаго совершенства всю сферу своихъ жизненныхъ достижимостей—возъимѣлъ при этомъ и наибольшее возможное вліяніе, какъ личное, такъ и имущественное, на жизнь другихъ людей.

Л. Н. Толстой.



Графъ Л. Н Толстой.



Отъ времени до времени,—даже среди практическаго XIX столѣтія,—возставали люди, стремившіеся и жизнь свою расположить согласно *буквальному* толкованію Евангелія,—причемъ эти люди оказывались въ непримиримомъ противорѣчіи съ окружающимъ ихъ міромъ,—а въ глазахъ огромнаго большинства людей представлялись либо фанатиками,—либо даже и прямо преступниками...

Намъ кажется вообще довольно естественнымъ, что человѣкъ, родившійся въ бѣдности,—проповѣдуетъ отреченіе отъ земныхъ благъ,—что человѣкъ низкаго происхожденія настаиваетъ на равенствѣ людей; что писатель посредственнаго таланта старается расширить свою извѣстность своеобразіемъ и крайностью своихъ взглядовъ. Но,—когда человѣкъ съ большимъ состояніемъ, знатнѣйшаго происхожденія, человѣкъ, котораго высокій геній есть общепризнанный фактъ,—когда такой человѣкъ добровольно становится на одинъ уровень съ послѣднимъ пахаремъ,—то въ душѣ невольно возникаетъ вопросъ: какъ сло-

жилось такое отношеніе этого человѣка къ жизни,—какъ возникла его философія жизни,—путемъ какого внутренняго процесса сталъ онъ на эту точку зрѣнія? Невольно привлекаетъ вниманіе этотъ аристократъ, живущій какъ крестьянинъ, этотъ богачъ, отказывающій себѣ въ наслажденіяхъ жизни,—знаменитый писатель, занимающійся копаніемъ картофеля и починкой сапогъ, вмѣсто стяжанія новыхъ лавровъ на писательскомъ поприщѣ. И случай такой становится еще болѣе захватывающимъ, если этотъ человѣкъ оказался способнымъ привлечь на себя взоры всего міра, и повсюду распространить свое вліяніе.

Чтобъ подѣйствовать на міръ, Толстой прежде всего поднялъ свою родину. Безъ тщательнаго изученія его твореній нельзя *понять* современную Россію: во первыхъ, потому, что онъ лучше, нежели кто-либо, живописалъ всѣ стороны русской жизни и русскаго характера, во вторыхъ, по тому огромному вліянію, которое онъ имѣлъ на нравственную сторону вступающаго нынѣ въ жизнь поколѣнія. Но вліяніе Толстого—какъ сказано выше—не ограничивается одной Россіей. Послѣдователи его есть во всемъ мірѣ, въ каждой странѣ.

*
* *

Философія жизни истекаетъ у Толстого изъ его толкованія ученій Христа. Признанный безспорно и единодушно величайшимъ изъ живущихъ писателей-беллетристовъ,—Толстой-художникъ сложилъ съ себя вѣнецъ въ пользу Толстого-проповѣдника. Вмѣсто изображенія жизни ради наслажденія и поученія человѣчества,—онъ перешелъ къ анализу устройства на практикѣ самаго образа жизни, сначала своей собственной, а потомъ и другихъ людей. Тщетно ждутъ отъ него любители литературы, чтобы онъ далъ имъ новую „Анну Каренину“—Толстой отдалился отъ своихъ прежнихъ твореній, избѣгаетъ даже упоминанія объ нихъ,—и весь этотъ первый періодъ своей жизни самъ признаетъ и легкомысленнымъ и безполезнымъ.

Если мы прочтемъ творенія Толстого, одно за другимъ, такъ сказать хронологически,—т.-е. въ той послѣдовательности по времени, какъ онѣ были написаны, то мы можемъ легко прослѣдить тотъ путь, которымъ Толстой дошелъ до своихъ теперешнихъ воззрѣній, и прочитать, такимъ образомъ, то, что такъ любилъ изучать Броунингъ, т.-е. постепенное развитіе той или другой человѣческой души въ ея цѣлостности. Толстой самъ,—въ своей „Исповѣди“,—раскрылъ передъ нами многіе изъ фазисовъ своей духовной жизни,—отправляясь отъ скептицизма и себялюбія своей юности—чрезъ пессимизмъ и мрачное отчаяніе зрѣлыхъ лѣтъ—до той вѣры, которая нынѣ служитъ ему свѣточемъ и утѣшеніемъ. Въ „Исповѣди“ и въ своихъ послѣдующихъ сочиненіяхъ: „Въ чемъ моя вѣра?“, „Что намъ дѣлать?“ и „Царство Божіе внутри васъ есть“ —Толстой излагаетъ намъ, въ чемъ заключается эта вѣра. Изъ этихъ твореній только одно назвалъ Толстой своей „Исповѣдью“,

но это не точно, ибо—также какъ и у Гёте,—у Толстого все имъ написанное автобіографично и составляетъ исповѣдь его духа. Его первая вещь—„Дѣтство и Отрочество“—сплошная автобіографія, такъ же, какъ и „Wahrheit und Dichtung“ Гёте. Иртеневъ—это Левъ Толстой. Измѣнены только нѣкоторыя внѣшнія обстоятельства; такъ, у Иртенева мать прожила до его двѣнадцатилѣтняго возраста, тогда какъ въ дѣйствительности мать Толстого скончалась, когда ему было всего два года. Но вся внутренняя жизнь—всѣ мысли и впечатлѣнія ребенка, мальчика, юноши—все это разсказано съ откровенностью и безстрашіемъ, достойными Ж. Ж. Руссо.

***

Левъ Толстой родился въ 1828 году, въ „Ясной Полянѣ“—имѣніи его отца. Онъ очень рано лишился обоихъ родителей и поступилъ на попеченіе родныхъ, которые въ его первоначальномъ воспитаніи не уклонялись отъ общихъ образовательныхъ способовъ, принятыхъ въ русскихъ богатыхъ семьяхъ. У Толстого были гувернеры: англичанинъ, и нѣмецъ, и французъ. Ему прививали всѣ внѣшніе пріемы русскаго „хорошаго общества“ и обучали догматамъ и обрядамъ Православной Греческой Церкви.

Ребенкомъ онъ отличался чрезвычайной набожностью. Въ свою дѣтскую, особую, записную книжку онъ тщательно записывалъ всѣ свои маленькія прегрѣшенія,—дабы хорошенько ихъ запомнить и услѣдить отъ одной исповѣди до другой и отъ нихъ воздерживаться на будущее время. Какъ-то разъ онъ поднялся въ три часа ночи, и проѣхалъ верхомъ нѣсколько верстъ, чтобы покаяться священнику въ какомъ-то грѣхѣ, о которомъ забылъ сообщить тому на исповѣди наканунѣ. И—облегчивъ свою душу—онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не остановиться мысленно на томъ, какого объ немъ высокаго мнѣнія будетъ этотъ священникъ, видя его столь усерднымъ даже въ мелочахъ. Точно также онъ не могъ не покопаться и въ своемъ чувствѣ огорченія по поводу смерти отца. Печаль его была искренняя, но Толстой признается, что и къ ней примѣшивался нѣкоторый эгоизмъ,—желаніе показать, что онъ былъ болѣе огорченъ, нежели всѣ остальные,—а также и заботливость о томъ впечатлѣніи, которое его поведеніе производитъ на окружающихъ.

Большимъ огорченіемъ Толстого въ дѣтствѣ была его наружность. У него былъ старшій братъ, замѣчательной красоты, которой самому Толстому рѣшительно недоставало. Съ раннихъ лѣтъ его уже увѣряли, что ему нельзя полагаться на свою внѣшность, чтобы добиться привязанности, а потому-де онъ долженъ быть добрымъ и умнымъ мальчикомъ. И контрастъ между располагающей въ себѣ наружностью брата и его собственною причинялъ ему не мало горя.

О томъ, какого внутренняго достоинства было юношеское воспитаніе Толстого,—мы можемъ судить по тому факту, что его тетка говаривала ему, когда онъ былъ студентомъ: „ничто не мо-

жетъ быть полезнѣе для молодого человѣка, какъ связь съ замужней женщиной—это формируетъ его, дѣлаетъ его „comme-il-faut“. И вотъ это „комъ-иль-фо“ было магическимъ лозунгомъ, управлявшимъ тогда всею его жизнью. Ничто на свѣтѣ—казалось ему—не могло идти въ сравненіе съ этимъ таинственнымъ совершенствомъ. И онъ смотрѣлъ на „комъ-иль-фо“, какъ на такое необходимое условіе, безъ котораго не можетъ быть въ жизни ни счастія, ни славы, ни вообще чего либо достойнаго и желательнаго.

Весь родъ людской дѣлился для него въ это время на два разряда: тѣ, которые были „комъ-иль-фо“ и тѣ, которые таковыми не были. Ко второму разряду онъ относилъ всѣхъ, кто, обладая извѣстнымъ имущественнымъ или общественнымъ положеніемъ,—тѣмъ не менѣе прегрѣшали противъ „комъ-иль-фо“. Простой же народъ онъ совсѣмъ не признавалъ за людей. Необходимыми же условіями „комильфотности“ полагались: во первыхъ, прекрасное французское произношеніе,—во вторыхъ, длинные, чистые и отдѣланные ногти,—въ третьихъ, умѣнье въ совершенствѣ кланяться, танцовать, вести салонный разговоръ,—наконецъ, въ четвертыхъ—и это было очень важно—нѣкоторое равнодушіе ко всему, постоянное выраженіе въ лицѣ элегантной и нѣсколько пренебрежительной скуки—„ennui“. И все время Толстого уходило на достиженіе этихъ совершенствъ. По цѣлымъ часамъ онъ секретно упражнялся въ искусствѣ танцовать, кланяться, говорить по-французски, вести разговоръ,—но-

сить маску вышеупомянутаго ennui,—наконецъ, огромная масса времени и заботъ были посвящены отдѣлкѣ ногтей. Онъ не могъ бы относиться съ уваженіемъ къ прославленному артисту, ученому, человѣколюбцу, если бы они оказались не „комъ-иль-фо“...

Главнѣйшій вредъ, который наносило Толстому это засѣвшее у него въ головѣ представленіе о „комъ-иль-фо“, заключалось не столько въ потерѣ времени, растрачиваемаго въ этихъ упражненіяхъ, отвлекавшихъ его отъ всякаго серьезнаго занятія,—даже не въ томъ презрѣніи, съ которымъ онъ относился по крайней мѣрѣ къ девяти десятымъ рода человѣческаго, не обладавшимъ волшебнымъ качествомъ „комильфотности“. Главнѣйшій вредъ заключался въ убѣжденіи, что это качество является само по себѣ достаточнымъ содержаніемъ и основою жизни, что человѣкъ, достигшій „комъ-иль-фо“ и умѣющій имъ быть,—уже не нуждается болѣе ни въ какомъ занятіи или стремленіи:—онъ исполнилъ тѣмъ самымъ свое призваніе и сталъ выше большинства людей.....

.....Роковой лучъ на внутреннее состояніе и ослѣпленіе русскаго дворянства въ ту эпоху бросаетъ признаніе Толстого о его недоумѣніи, когда ему впервые пришлось убѣдиться, что свѣтъ не вращается, какъ колесо вокругъ оси, вокругъ членовъ его семьи и ихъ понятій,—и что есть иная жизнь и иные люди, не имѣющіе съ ними ничего общаго..... „Я крайне удивлялся“—пишетъ Толстой—„чѣмъ же эти люди могутъ быть

заняты, если они на все это не обращаютъ вниманія“.....

Новое разочарованіе предстояло ему въ университетѣ: ему пришлось убѣдиться въ томъ, что его товарищи-студенты, не обладавшіе никакимъ „комъ-иль-фо“, да и не заботившіеся пріобрѣсти этотъ драгоцѣнный талисманъ въ жизни—оказывались гораздо болѣе знающими и образованными, нежели самъ Толстой. Если онъ пробовалъ поразить ихъ своими познаніями въ музыкѣ, языкахъ или литературѣ,—ему приходилось убѣждаться, что все это было знакомо имъ гораздо лучше, нежели ему, и что притомъ они этимъ не чванились. И—однако—какой-то внутренній голосъ подсказывалъ ему, что онъ выше ихъ и слѣпленъ изъ другой глины. Онъ спрашивалъ иногда самъ себя: „отчего я смотрю на нихъ сверху внизъ? Что можетъ быть тому причиной?—Мое знакомство съ княземъ Иваномъ Ивановичемъ? — Мое французское произношеніе?—Мои дрожки?—Или рубашки изъ тонкаго полотна?—Мои ногти?“... И стали его посѣщать сомнѣнія, не составляютъ ли сущій вздоръ его собственныя воззрѣнія? Въ него даже закрадывалась зависть къ дружному между собой товариществу, радушію и искренности этихъ молодцовъ, которые были не „изъ общества“.—Учился Толстой въ университетѣ скверно. Онъ кочевалъ съ факультета на факультетъ: съ математическаго на медицинскій, отъ юриспруденціи къ восточнымъ языкамъ. По лѣности и недостатку прилежанія, на экзаменахъ онъ срѣзался, и курса не кончилъ.

Выйдя изъ университета, Толстой вступилъ въ военную службу и отправился на Кавказъ. Дикая и безпокойная въ то время жизнь этой окраины безподобно описана въ „Казакахъ“. На Кавказѣ написаны Толстымъ его первыя произведенія. Такъ же, какъ въ „Дѣтствѣ и Отрочествѣ“, онъ самъ является героемъ „Казаковъ“. Когда открылась восточная война 1853—1856 годовъ, Толстой, по собственному желанію, былъ переведенъ въ Крымъ, и участвовалъ въ оборонѣ Севастополя. Картины грозной осады содержатся въ трехъ изумительныхъ очеркахъ Толстого. Это близкое знакомство съ ужасами войны, несомнѣнно, легло впослѣдствіи въ основаніе того отвращенія къ войнѣ и военной славѣ, которое такъ настойчиво высказывается Толстымъ въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ.

По окончаніи Крымской войны, Толстой оставилъ военную службу и жилъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, гдѣ познакомился съ Тургеневымъ и другими литераторами, принявшими Толстого съ распростертыми объятіями и громкой хвалой. Въ своей „Исповѣди“ Толстой касается нѣкоторыхъ сторонъ своей тогдашней жизни въ теченіи десяти лѣтъ по оставленіи имъ школьной скамьи,—и это изображеніе является во многихъ чертахъ яркимъ снимкомъ съ жизни всякаго русскаго дворянина того времени, да пожалуй и теперешняго;—при томъ, надо еще сказать, что Толстой уже тогда считался въ обществѣ болѣе своеобычнымъ, нежели бы то слѣдовало, —и человѣкомъ съ нѣкоторыми странностями...

„Безъ ужаса, омерзѣнія и боли сердечной не могу вспомнить объ этихъ годахъ“—пишетъ Толстой. — „Я вызывалъ на дуэли, чтобъ убить, —проигрывалъ въ карты, —проѣдалъ труды мужиковъ, — казнилъ ихъ, — блудилъ, —обманывалъ. Ложь, воровство, любодѣянія всѣхъ родовъ, пьянство, насилія, убійство... не было преступленія, котораго бы я не совершалъ;—и за все это меня хвалили, считали и считаютъ мои сверстники сравнительно нравственнымъ человѣкомъ.

Такъ я жилъ десять лѣтъ.

Въ это время я сталъ писать,—изъ тщеславія, корыстолюбія и гордости. Въ писаніяхъ своихъ я дѣлалъ то же самое, что и въ жизни. Сколько разъ я ухитрялся скрывать въ писаніяхъ своихъ подъ видомъ равнодушія и даже легкой насмѣшливости тѣ мои стремленія къ добру, которыя составляли смыслъ моей жизни. И я достигалъ этого—меня хвалили...

26-ти лѣтъ я пріѣхалъ послѣ войны въ Петербургъ и сошелся съ писателями. Меня приняли, какъ своего, льстили мнѣ. И не успѣлъ я оглянуться, какъ сословные писательскіе взгляды на жизнь тѣхъ людей, съ которыми я сошелся, усвоились мной и уже совершенно изгладили во мнѣ всѣ мои прежнія попытки сдѣлаться лучше. Взгляды эти подъ распущенность моей жизни подставили теорію, которая ее оправдывала.

Взглядъ на жизнь у этихъ людей, моихъ

товарищей по писанію, состоялъ въ томъ, что жизнь, вообще, идетъ развиваясь, и что въ этомъ развитіи главное участіе принимаемъ мы, люди мысли, а изъ людей мысли главное вліяніе имѣемъ мы, „художники“, „поэты“. Для того же, чтобы не представился естественный вопросъ: „что я знаю и чему мнѣ учить?“ въ теоріи этой было выяснено, что этого и не нужно знать, и что художникъ и поэтъ учатъ безсознательно. Я считался чудеснымъ художникомъ и поэтомъ, а потому мнѣ естественно было усвоить эту теорію. Я—художникъ, поэтъ — писалъ, училъ, самъ не знаю чему. Мнѣ за это платили деньги,—у меня было прекрасное помѣщеніе, кушанье, женщины, — у меня была слава, общество.

Вѣра эта въ развитіе жизни и въ значеніе поэзіи была вѣра, и я былъ однимъ изъ жрецовъ ея. Быть жрецомъ ея было очень выгодно и пріятно. И я довольно долго жилъ въ этой вѣрѣ, не сомнѣваясь въ ея истинности. Но на второй, а въ особенности на третій годъ такой жизни, я сталъ сомнѣваться въ непогрѣшимости этой вѣры и сталъ ее изслѣдовать. Первымъ поводомъ къ сомнѣнію было то, что жрецы этой вѣры, какъ я началъ замѣчать, не всѣ были согласны между собою,—спорили, ссорились, бранились, обманывали, плутовали другъ противъ друга. Кромѣ того, было много между ними людей и не заботящихся о томъ, кто

же правъ, кто неправъ, а просто достигающихъ своихъ корыстныхъ цѣлей съ помощію этой нашей дѣятельности. Я убѣдился, что всѣ почти жрецы этой вѣры—писатели,—были люди безнравственные, и, въ большинствѣ люди плохіе, ничтожные по характерамъ, — много ниже тѣхъ людей, которыхъ я встрѣчалъ въ моей прежней, разгульной и военной жизни—но самоувѣренные и довольные собой, какъ только могутъ быть довольны люди совсѣмъ святые, или такіе, которые и не знаютъ, что такое святость. Люди эти мнѣ опротивѣли, и самъ себѣ я опротивѣлъ; и я понялъ, что вѣра эта—обманъ.

Но странно то, что, хотя всю эту ложь я понялъ скоро и отрекся отъ нея, но отъ чина, даннаго мнѣ этими людьми,—отъ чина художника, поэта, учителя,—я не отрекся. Я наивно воображалъ, что я поэтъ, художникъ, и потому могу учить всѣхъ, хотя самъ не знаю, чему учу. Я такъ и дѣлалъ.

Изъ сближенія съ этими людьми я вынесъ новый порокъ—до болѣзненности развившуюся гордость и сумасшедшую увѣренность въ томъ, что я призванъ учить людей, самъ не зная чему.

Теперь, вспоминая объ этомъ времени, о своемъ настроеніи тогда и настроеніи тѣхъ людей, (такихъ, впрочемъ, и теперь тысячи)—мнѣ и жалко, и страмно,—возникаетъ именно то самое чувство, которое испытываешь въ домѣ сумасшедшихъ.

Мы всѣ тогда были убѣждены, что намъ нужно говорить и говорить, писать, печатать какъ можно скорѣе, какъ можно больше, что все это нужно для блага человѣчества. И тысячи насъ, отрицая, ругая одинъ другого, все печатали, писали, поучая другихъ. И, не замѣчая того, что мы ничего не знаемъ, что на самый простой вопросъ жизни,—что хорошо, что дурно,—мы не знаемъ, что отвѣтить, мы всѣ, не слушая другъ друга, всѣ вразъ говорили, иногда потакая другъ другу и восхваляя другъ друга съ тѣмъ, чтобы и мнѣ потакали, и меня похвалили,—иногда же раздражаясь другъ противъ друга точно такъ, какъ въ сумасшедшемъ домѣ. Тысячи работниковъ, дни и ночи, изъ послѣднихъ силъ, печатали, набирали милліоны словъ, и почта развозила ихъ по всей Россіи, а мы все еще больше учили, и никакъ не успѣвали всему научить, и все сердились, что насъ мало слушаютъ.

Ужасно странно, но теперь мнѣ понятно:—настоящимъ, задушевнымъ нашимъ разсужденіемъ было то, что мы хотимъ какъ можно больше получать денегъ и похвалъ. Для достиженія этой цѣли мы ничего другого не умѣли дѣлать, какъ только писать книжки и газеты. Мы это и дѣлали. Но для того, чтобы намъ дѣлать столь безполезное дѣло, и имѣть увѣренность, что мы очень важные люди, намъ надо было еще разсужденіе, которое бы оправдывало нашу

дѣятельность. И вотъ у насъ было придумано слѣдующее:

„Все что существуетъ, то разумно. Все же, что существуетъ, развивается. Развивается же все посредствомъ просвѣщенія. Просвѣщеніе же измѣряется распространеніемъ книгъ, газетъ. А намъ и платятъ деньги и насъ уважаютъ за то, что мы пишемъ книги и газеты; и потому—мы самые полезные и хорошіе люди“. Разсужденіе это было бы очень хорошо, еслибы мы всѣ были согласны; но такъ какъ на каждую мысль, высказываемую однимъ, являлась всегда мысль, діаметрально противоположная, высказываемая другимъ, то это должно бы было заставить насъ одуматься. Но мы этого не замѣчали. Намъ платили деньги, и люди нашей партіи насъ хвалили;—стало быть мы, каждый изъ насъ, считали себя правыми.

Теперь мнѣ ясно, что разницы съ сумасшедшимъ домомъ никакой не было; тогда же я только смутно подозрѣвалъ это,—и,—какъ и всѣ сумасшедшіе—называлъ всѣхъ сумасшедшими, кромѣ себя“.

И Толстого охватило отвращеніе и къ человѣчеству, и къ самому себѣ. Однако онъ не бросилъ литературу, продолжалъ писать и печататься, и признавать себя и мыслителемъ, и художникомъ. И такъ прожилъ онъ, по его словамъ, „предаваясь этому безумію“, еще шесть лѣтъ. Вмѣстѣ съ Тургеневымъ онъ объѣздилъ Германію и Испанію, преимущественно изучая систему

общественнаго воспитанія. Результатомъ этихъ странствованій былъ рядъ статей о педагогіи и глубокій интересъ къ воспитанію и образованію юношества. Вернувшись въ Россію, Толстой открылъ въ своемъ родовомъ имѣніи, Ясной Полянѣ, свою извѣстную народную школу, въ которой учителемъ былъ преимущественно онъ самъ, и въ которой онъ тщательно проводилъ свои взгляды на воспитаніе.

Въ 1862 году графъ Толстой женился на Софьѣ Андреевнѣ Берсъ, дочери извѣстнаго Московскаго доктора. Исторія его сватовства и помолвки съ совершенной точностью разсказана въ „Аннѣ Карениной“. Послѣ свадьбы Толстые поселились въ Ясной Полянѣ, такъ какъ Левъ Николаевичъ ненавидѣлъ городскую жизнь. Тамъ прожили они безвыѣздно осьмнадцать лѣтъ, за исключеніемъ одной зимы, проведенной въ Москвѣ. По „Аннѣ Карениной“ мы можемъ прослѣдить до мелочей ихъ повседневную жизнь. Константинъ Левинъ—это самъ Толстой, съ его внутренней борьбою, сомнѣніями, прямолинейностью и воззрѣніями.

Жена Толстого тоже замѣчательная личность. Въ теченіи тридцати осьми лѣтъ она была ему помощницею во всѣхъ отношеніяхъ. Она не только помогала и содѣйствовала ему во всѣхъ его литературныхъ работахъ,—но крѣпко вѣрила въ него съ начала и до конца. Ея братъ сообщаетъ, что ея отношеніе къ мужу—это почти религіозное поклоненіе ученицы и хранительницы какого либо священнаго достоянія. Ея, добровольно принятый на себя, подвигъ не изъ легкихъ,

въ виду крайней безпорядочности привычекъ Толстого въ работѣ. За нимъ приходится собирать всѣ тѣ обрывки и клочки бумаги, на которыхъ онъ набрасываетъ свои произведенія. Только супруга Толстого въ состояніи разбирать его замѣчательно неразборчивый почеркъ, угадывать смыслъ фантастическихъ іероглифовъ и наскоро набросанныхъ черновыхъ Л. Н., а также улавливать, изъ его недописанныхъ словъ и фразъ, тѣ мысли и образы, которые онъ желалъ выразить. Ея необыкновенное искусство въ этомъ отношеніи составляетъ предметъ не малаго удивленія и постоянной похвалы ея мужа. Всѣ шесть частей „Войны и Мира“ были передѣланы Л. Н., и переписаны лично его супругой цѣлыхъ семь разъ, прежде, нежели пойти въ печать. Точно также у супруги Л. Н. сохраняются точные списки его еще ненапечатанныхъ произведеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ она была матерью тринадцати человѣкъ дѣтей, которыхъ она сама всѣхъ выкормила. Изъ нихъ въ живыхъ девять,—старшему 35, а младшему 10 лѣтъ. Мать сама была учительницею и воспитательницею всѣхъ ихъ до десятилѣтняго возраста. Затѣмъ къ нимъ приставлялись наставники и воспитательницы, которые всѣ были обязаны держаться, въ своемъ руководствѣ дѣтьми, взглядовъ графа и его супруги.

Счастливая семейная жизнь на нѣкоторое время утишила внутреннюю борьбу Толстого, его сомнѣнія и исканія, и отвлекла его отъ усилій угадать смыслъ и назначеніе жизни, какъ цѣлаго. Его стремленіе къ личному совершенствованію,

заслоненное въ Петербургскій періодъ его жизни вопросами общаго движенія впередъ, сосредоточилось нынѣ на стараніи устроить и обезпечить счастіе своей семьи. Онъ продолжалъ писать, хотя признается самъ, что—уже въ это время,—у него начало слагаться весьма отрицательное отношеніе къ литературному писательству.

„Несмотря на то, что я считалъ писательство пустяками впродолженіи этихъ 15 лѣтъ, я всетаки продолжалъ писать. Я вкусилъ уже соблазна писательства, соблазна огромнаго денежнаго вознагражденія и рукоплесканій за ничтожный трудъ, и предавался ему, какъ средству къ улучшенію своего матеріальнаго положенія, и заглушенію въ душѣ всякихъ вопросовъ о смыслѣ жизни моей и общей. Я писалъ, поучая тому, что для меня было единой истиной,—что надо жить такъ, чтобъ самому съ семьей было какъ можно лучше“...

Произведенія, о которыхъ онъ отзывается въ такомъ пренебрежительномъ тонѣ, это—„Война и Миръ“ и „Анна Каренина“... Пятнадцать лѣтъ довольствовался онъ такимъ образомъ жизни—живя въ деревнѣ, воспитывая дѣтей, хозяйничая въ имѣніи, какъ можно болѣе приходя въ соприкосновеніе съ крестьянами, стараясь всячески съ ними сблизиться, пріобрѣтать на нихъ вліяніе и двигать ихъ впередъ.

Но старые, немолчные сомнѣнія и вопросы брали понемногу свое.

„Такъ я жилъ. Но 5 лѣтъ тому назадъ со

мною *) стало случаться что-то очень странное: на меня стали находить минуты,—сначала недоумѣнія, остановки жизни, какъ будто я не зналъ, какъ мнѣ жить, что мнѣ дѣлать,—и я терялся и впадалъ въ уныніе. Но это проходило и я продолжалъ жить по прежнему. Потомъ, эти минуты недоумѣнія стали повторяться все чаще и чаще, и все въ той же самой формѣ. Эти остановки жизни выражались всегда одинаковыми вопросами: „зачѣмъ?“—„ну, а потомъ?“

Сначала мнѣ показалось, что это такъ,—безцѣльные, неумѣстные вопросы. Мнѣ казалось, что все это извѣстно; что, если я когда и захочу заняться ихъ разрѣшеніемъ,—это не будетъ стоить мнѣ труда, что теперь только мнѣ некогда этимъ заниматься,—а когда вздумаю—тогда и найду отвѣты. Но чаще и чаще стали повторяться вопросы, настоятельнѣе и настоятельнѣе требовались отвѣты, и, какъ точки, падая все на одно мѣсто, сплотились эти вопросы безъ отвѣтовъ въ одно черное пятно.

Случилось то, что случается съ каждымъ заболѣвающимъ внутренней болѣзнью. Сначала появляются ничтожные признаки недомоганія, на которые больной не обращаетъ вниманія, потомъ признаки эти повторяются все чаще и чаще и сливаются въ одно, нераздѣльное по времени, страданіе. Страданіе

*) Писано въ 1879 году.

ростетъ, и больной не успѣетъ оглянуться, какъ уже сознаетъ, что то, что онъ принималъ за недомоганіе, есть то, что для него значительнѣе всего въ мірѣ, что это — Смерть.

То же случилось и со мной. Я понялъ, что это не случайное недомоганіе, а что-то очень важное, и что, если повторяются тѣ же вопросы, то надо отвѣтить на нихъ. И я пытался отвѣтить. Вопросы казались такими глупыми, простыми, дѣтскими вопросами. Но только что я тронулъ ихъ и попытался разрѣшить, я тотчасъ же убѣдился, что это не дѣтскіе и глупые вопросы въ жизни, и во вторыхъ, въ томъ, что я не могу и не могу,—сколько бы я ни думалъ,—разрѣшить ихъ. Прежде чѣмъ заняться самарскимъ имѣніемъ, воспитаніемъ сына, писаніемъ книги, надо знать, зачѣмъ я это буду дѣлать. Пока я не знаю: „зачѣмъ?“ — я не могу ничего дѣлать, я не могу жить. Среди моихъ мыслей о хозяйствѣ, которыя очень занимали меня въ то время, мнѣ вдругъ приходилъ въ голову вопросъ: — „ну, хорошо, у тебя будутъ 6000 десятинъ земли въ Самарской губерніи, 300 головъ лошадей, а потомъ?“ Я опѣшивалъ, и не зналъ, что думать дальше. Или, разсуждая о томъ, какъ народъ можетъ достигнуть благосостоянія,—я вдругъ говорилъ себѣ: „а мнѣ что за дѣло?“ Или, думая о той славѣ, которую пріобрѣтутъ мнѣ мои со-

чиненія, я говорилъ себѣ:—„ну, хорошо, ты будешь славнѣе Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера,—всѣхъ писателей въ мірѣ... ну.., и... чтоже?“ И я ничего и ничего не могъ отвѣтить. Вопросы не ждутъ, надо сейчасъ отвѣтить; если не отвѣтить, нельзя жить..... А отвѣта—нѣтъ!!!

. . . . . .

Жизнь моя пріостановилась. Я могъ дышать, ѣсть, пить, спать, и не могъ не дышать, не ѣсть, не пить, не спать, но жизни не было, потому что не было такихъ желаній, удовлетвореніе которыхъ я считалъ бы разумнымъ. Если я желалъ чего, я впередъ зналъ, что—удовлетворю или не удовлетворю мое желаніе—изъ этого ничего не выйдетъ. Еслибы пришла волшебница и предложила мнѣ исполнить мои желанія, я бы не зналъ, что сказать. Если есть у меня не желанія, но привычки желаній прежнихъ—въ пьяныя минуты, — то я въ трезвыя минуты знаю, что это—обманъ, что нечего желать. Даже узнать истину я не могъ желать, потому что догадывался, въ чемъ она состояла. Истина была та, что жизнь есть безсмыслица.

Я будто жилъ-жилъ,—шелъ-шелъ, и пришелъ къ пропасти, и ясно увидалъ, что впереди нѣтъ ничего, кромѣ погибели. И остановиться нельзя, и назадъ нельзя, и закрыть глаза нельзя, чтобъ не видать, что ничего нѣтъ впереди, кромѣ страданій и настоящей смерти,—полнаго уничтоженія. Со мной сдѣлалось то, что я,—здоровый, счастливый человѣкъ,—почувствовалъ, что я не могу болѣе жить: какая-то непреодолимая сила влекла меня къ тому, чтобы какъ нибудь избавиться отъ жизни. Нельзя сказать, чтобы я хотѣлъ убить себя. Сила, которая влекла меня прочь отъ жизни, была сильнѣе, полнѣе, общѣе хотѣнія. Это была сила, подобная прежнему стремленію къ жизни, только въ обратномъ отношеніи. Я всѣми силами стремился прочь отъ жизни. Мысль о самоубійствѣ пришла мнѣ такъ же естественно, какъ прежде приходили мысли объ улучшеніи жизни. Мысль эта была такъ соблазнительна, что я долженъ былъ употреблять противъ себя хитрости, чтобъ не привести ея слишкомъ поспѣшно въ исполненіе. Я не хотѣлъ торопиться только потому, что хотѣлось употребить всѣ усилія, чтобы распутаться: если не распутаюсь, то всегда успѣю. И вотъ тогда я, счастливый человѣкъ, пряталъ отъ себя шнурокъ, чтобы не повѣситься на перекладинѣ между шкапами въ своей комнатѣ, гдѣ я каждый вечеръ бывалъ одинъ, раздѣваясь, и пересталъ ходить съ ружьемъ на охоту, чтобы не соблазниться слишкомъ легкимъ способомъ избавленія себя отъ жизни. Я самъ не зналъ, чего я хочу: я боялся жизни, стремился прочь отъ нея, и, между тѣмъ, чего-то еще надѣялся отъ нея.

И это сдѣлалось со мною въ то время, когда со всѣхъ сторонъ было у меня то, что считается совершеннымъ счастьемъ; это было тогда, когда мнѣ не было 50 лѣтъ; у меня была добрая, любящая и любимая жена, хорошія дѣти, большое имѣніе, которое, безъ труда съ моей стороны, росло и увеличивалось; я былъ уважаемъ близкими и знакомыми больше, чѣмъ когда нибудь прежде; былъ восхваляемъ чужими и могъ считать, что и имя мое славно, безъ особеннаго самообольщенія. При этомъ я не только не былъ помѣшанъ или духовно нездоровъ,—напротивъ, пользовался силой и духовной и тѣлесной, какую я рѣдко встрѣчалъ въ моихъ сверстникахъ: тѣлесно—я могъ работать на покосахъ, не отставая отъ мужиковъ; умственно—я могъ работать по 8—10 часовъ подъ рядъ, не испытывая отъ такого напряженія никакихъ послѣдствій. И въ такомъ положеніи я пришелъ къ тому, что не могъ жить и, боясь смерти, долженъ былъ употреблять хитрости противъ себя, чтобы не лишить себя жизни.....

. . . . . .

Я не могъ придать никакого разумнаго смысла ни одному поступку, ни всей моей жизни. Меня только удивляло то, какъ я могъ не понимать этого раньше; все это такъ давно всѣмъ извѣстно: не нынче—завтра придутъ болѣзни, смерть на любимыхъ дѣтей (и приходила уже), на меня, и ничего не

останется, кромѣ смрада и червей. Дѣла мои—какія бы онѣ ни были,—всѣ забудутся,—раньше, позднѣе—да и меня-то не будетъ. Такъ изъ чего же хлопотать? Какъ можетъ человѣкъ не видѣть этого и жить?—вотъ что удивительно!

Можно жить, только покуда пьянъ жизнью, а какъ протрезвишься, то нельзя не видѣть, что все это обманъ, и глупый обманъ. Вотъ именно, что ничего даже нѣтъ смѣшного и остроумнаго, а просто жестоко и глупо.

Но и этого мало. Еслибъ я просто понялъ, что жизнь не имѣетъ смысла, я спокойно бы могъ знать это, могъ бы знать, что это мой удѣлъ. Но я не могъ успокоиться на этомъ. Еслибъ я былъ какъ человѣкъ, живущій въ лѣсу, изъ котораго онъ знаетъ, что нѣтъ выхода,—я бы могъ жить; но я былъ, какъ человѣкъ, заблудившійся въ лѣсу, на котораго нашелъ ужасъ отъ того, что онъ заблудился, и онъ мечется, желая выбраться на дорогу, знаетъ, что каждый шагъ еще больше путаетъ его, и не можетъ не метаться.

Вотъ что было ужасно. И, чтобы избавиться отъ этого ужаса, я хотѣлъ убить себя. Я испытывалъ ужасъ передъ тѣмъ, что ожидаетъ меня,—зналъ, что этотъ ужасъ ужаснѣе самаго положенія, но не могъ терпѣливо ожидать конца. Какъ ни убѣдительно было разсужденіе о томъ, что все равно разорвется сосудъ въ сердцѣ, или лопнетъ что нибудь, и все кончится,—я не могъ терпѣливо ожидать конца.

Ужасъ тьмы былъ слишкомъ великъ, и я хотѣлъ поскорѣе, поскорѣе избавиться отъ него петлей или пулей. И вотъ это-то чувство сильнѣе всего влекло меня къ самоубійству.“

*
* *

Эти мысли приводили Толстого въ отчаяніе. Онъ имѣлъ все: счастливый домашній очагъ, богатство, славу, любимое дѣло—и тѣмъ не менѣе его посѣщали мысли о самоубійствѣ.

У него не шла съ ума старинная восточная сказка о путникѣ, на котораго въ пустынѣ напалъ хищный звѣрь:

„Спасаясь отъ звѣря, путникъ вскакиваетъ въ безводный колодезь, но на днѣ колодца видитъ дракона, разинувшаго пасть, чтобы пожрать его. И несчастный, не смѣя вылѣзть, чтобы не погибнуть отъ разъяреннаго звѣря, не смѣя и спрыгнуть на дно колодца, чтобы не быть пожраннымъ дракономъ, ухватывается за вѣтки растущаго въ расщелинѣ колодца дикаго куста, и держится на немъ. Руки его ослабѣваютъ, и онъ чувствуетъ, что скоро долженъ будетъ отдаться погибели, съ обѣихъ сторонъ ждущей его. Но онъ все держится, и видитъ:—двѣ мыши,—одна черная, другая бѣлая,—равномѣрно обходя стволину куста, на которомъ онъ виситъ, подтачиваютъ его. Вотъ-вотъ, самъ собою обрушится и оборвется кустъ—и онъ упадетъ въ пасть дракону. Путникъ видитъ это, и знаетъ, что онъ неминуемо погибнетъ;

но—пока онъ виситъ—онъ ищетъ вокругъ себя и находитъ на листахъ куста капли меда, достаетъ ихъ языкомъ, и лижетъ ихъ.....

Такъ и я держусь за вѣтви жизни, зная, что неминуемо ждетъ драконъ смерти, готовый растерзать меня, и не могу понять, зачѣмъ я попалъ на это мученіе.

И я пытаюсь сосать тотъ медъ, который прежде утѣшалъ меня, но этотъ медъ уже не радуетъ меня, а бѣлая и черная мыши, день и ночь, подтачиваютъ вѣтку, за которую я держусь. Я ясно вижу дракона, и медъ уже не сладокъ мнѣ. Я вижу одно — неизбѣжнаго дракона и мышей,—и не могу отвратить отъ нихъ взоръ. И это не басня, а это истинная, неоспоримая, и всякому понятная правда...

Прежній обманъ радостей жизни, заглушавшій ужасъ дракона, теперь уже не обманываетъ меня. Сколько ни говори мнѣ: ты не можешь понять смысла жизни, — не думай, живи,—я не могу дѣлать этого, потому что слишкомъ долго дѣлалъ это прежде. Теперь я не могу не видѣть дня и ночи, бѣгущихъ и ведущихъ меня къ смерти. Я вижу это одно, потому что это одно—истина; остальное все—ложь.

Тѣ двѣ капли меду, которыя дальше другихъ отводили мнѣ глаза отъ жестокой истины,—любовь къ семьѣ и къ писательству, которое я называлъ искусствомъ,—уже не сладки мнѣ.

„Семья?“—говорилъ я себѣ,—„но семья—жена, дѣти—они тоже люди. Они находятся въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, въ какихъ и я:—они должны или жить во лжи, или видѣть ужасную истину. Зачѣмъ же имъ жить? Зачѣмъ мнѣ любить ихъ, беречь, ростить и блюсти? Для того-же отчаянія, которое во мнѣ, или для тупоумія! — Любя ихъ—я не могу скрывать отъ нихъ истины,—всякій шагъ въ познаніи ведетъ ихъ къ этой истинѣ. А истина—Смерть...

„Искусство, поэзія?“ Долго, подъ вліяніемъ успѣха, похвалы людской, я увѣрялъ себя, что это—дѣло, которое должно дѣлать, не смотря на то, что придетъ смерть, которая уничтожитъ все,—и мои дѣла, и память о нихъ; но скоро я увидалъ, что и это обманъ. Мнѣ было ясно, что искусство есть украшеніе жизни, заманка къ жизни. Но жизнь потеряла для меня заманчивость свою,—какъ же я могу заманивать другихъ? Пока я не жилъ своею жизнью, а чужая жизнь несла меня на своихъ волнахъ, пока я вѣрилъ, что жизнь имѣетъ смыслъ, хоть я и не умѣю выразить его,—отраженія жизни всякаго рода въ поэзіи и искусствахъ доставляли мнѣ радость, мнѣ было весело смотрѣть на жизнь въ это зеркальцо искусства; но когда я сталъ отыскивать смыслъ жизни, когда я почувствовалъ необходимость самому жить,—зеркальцо это стало мнѣ или ненужно, излишне и смѣшно, или мучительно. Мнѣ нельзя уже

было утѣшаться тѣмъ, что я въ зеркальцѣ вижу, что положеніе мое глупо и отчаянно. Хорошо мнѣ было радоваться этому, когда я въ глубинѣ души вѣрилъ, что жизнь моя имѣетъ смыслъ. Тогда эта игра цвѣтовъ —комическаго, трагическаго, трогательнаго, прекраснаго, ужаснаго въ жизни — потѣшала меня. Но когда я узналъ, что жизнь безсмысленна и ужасна, игра въ зеркальцѣ не могла уже забавлять меня. Никакая сладость меда не могла быть сладка мнѣ, когда я видѣлъ дракона и мышей, подтачивающихъ мою опору.

. . . . . .

—„Но, можетъ быть, я просмотрѣлъ что-нибудь?“—нѣсколько разъ говорилъ я себѣ. „Не можетъ же быть, чтобы это состояніе отчаянья было свойственно людямъ!“ И я искалъ объясненія на мои вопросы во всѣхъ тѣхъ знаніяхъ, которыя пріобрѣли люди. И я мучительно и долго искалъ, и не изъ празднаго любопытства, не вяло искалъ, но искалъ мучительно, упорно, дни и ночи искалъ, какъ ищетъ погибающій человѣкъ спасенія и... ничего не нашелъ.

Я искалъ во всѣхъ знаніяхъ и не только не нашелъ, но убѣдился, что всѣ тѣ, которые, такъ же, какъ и я, искали въ знаніи, точно такъ же ничего не нашли. И не только не нашли, но ясно признали, что то самое, что приводило меня въ отчаяніе, безсмыс-

лица жизни,—есть единственное, несомнѣнное знаніе, доступное человѣку.

Я искалъ вездѣ и, — благодаря жизни, проведенной въ ученіи, а также тому, что, по связямъ своимъ съ міромъ ученымъ, мнѣ были доступны сами ученые по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знаній, не отказывавшіе открывать мнѣ свои знанія не только въ книгахъ, но и въ бесѣдахъ,—я узналъ все то, что на вопросы жизни отвѣчаетъ знаніе. Долго я никакъ не могъ повѣрить тому, что знаніе ничего другого не отвѣчаетъ на вопросы жизни, какъ то, что оно отвѣчаетъ... Долго мнѣ казалось, вглядываясь въ важность и серьезность тона науки, утверждавшей свои положенія, не имѣющія ничего общаго съ вопросами человѣческой жизни, что я чего-нибудь не понимаю. Долго я робѣлъ передъ знаніемъ, и мнѣ казалось, что несоотвѣтственность отвѣтовъ моимъ вопросамъ происходитъ не по винѣ знанія, а отъ моего невѣжества; но дѣло было для меня нешуточное, не забава, а дѣло всей моей жизни, и я волей-неволей былъ приведенъ къ убѣжденію, что вопросы мои — одни законные вопросы, служащіе основой всякаго знанія, и что виноватъ не я съ моими вопросами, а наука, если она имѣетъ притязательность отвѣчать на эти вопросы.

Вопросъ мой,—тотъ, который въ 50 лѣтъ привелъ меня къ самоубійству, былъ самый простой вопросъ, лежащій въ душѣ каждаго

человѣка,—отъ глупаго ребенка до мудрѣйшаго старца,—тотъ вопросъ, безъ котораго жизнь невозможна, какъ я и испыталъ это на дѣлѣ. Вопросъ состоитъ въ томъ: „что выйдетъ изъ того, что я дѣлаю нынче, что буду дѣлать завтра, — что выйдетъ изо всей моей жизни?“—Иначе выраженный, вопросъ будетъ такой: „зачѣмъ мнѣ жить, зачѣмъ что-нибудь желать, зачѣмъ что-нибудь дѣлать?“—Еще иначе можно выразить вопросъ такъ: „есть ли въ моей жизни такой смыслъ, который бы не уничтожался неизбѣжной, предстоящей мнѣ, смертью?“

На этотъ-то одинъ и тотъ же, различно выраженный, вопросъ я искалъ отвѣта въ человѣческомъ знаніи. И я нашелъ, что, по отношенію къ этому вопросу, всѣ человѣческія знанія раздѣляются какъ бы на двѣ противоположныя полусферы, на двухъ противоположныхъ концахъ которыхъ находятся два полюса: одинъ отрицательный, другой положительный; но что ни на томъ, ни на другомъ полюсѣ нѣтъ отвѣтовъ на вопросы жизни. Одинъ рядъ знаній какъ бы не признаетъ вопроса, но за то ясно и точно отвѣчаетъ на свои, независимо поставленные, вопросы; это—рядъ знаній опытныхъ, и на крайней точкѣ ихъ стоитъ математика. Другой рядъ знаній признаетъ вопросъ, но не отвѣчаетъ на него; это—рядъ знаній умозрительныхъ, и на крайней ихъ точкѣ—метафизика.

Съ ранней молодости меня занимали умозрительныя знанія, но потомъ и математика и естественныя науки привлекли меня, и, пока я не поставилъ себѣ ясно своего вопроса, пока вопросъ этотъ не выросъ самъ во мнѣ, требуя настоятельно рѣшенія, до тѣхъ поръ я удовлетворялся тѣми поддѣлками отвѣтовъ на вопросъ, которыя даетъ знаніе.

То въ области опытной я говорилъ себѣ: „все развивается, дифференцируется, идетъ къ усложненію и усовершенствованію, и есть законы, руководящіе этимъ ходомъ. Ты—часть цѣлаго. Познавъ, на сколько возможно, цѣлое, и познавъ законъ развитія, ты познаешь и свое мѣсто въ этомъ цѣломъ и самого себя“. Какъ ни совѣстно мнѣ признаться, но было время, когда я какъ будто удовлетворялся этимъ. Это было то время, когда я самъ усложнялся и развивался; мускулы мои росли и укрѣплялись, память обогащалась, способности мышленія и пониманія увеличивались, я росъ и развивался, и, чувствуя въ себѣ этотъ ростъ, мнѣ естественно было думать, что это-то и есть законъ всего міра, въ которомъ я найду разрѣшеніе и вопросовъ жизни. Но пришло время, когда ростъ во мнѣ прекратился, я почувствовалъ, что не развиваюсь, а ссыхаюсь, мускулы мои слабѣютъ, зубы падаютъ,—и я увидалъ, что этотъ законъ не только ничего мнѣ не объясняетъ, но что и закона такого никогда не было и не могло

быть, а что я принялъ за законъ то, что нашелъ въ себѣ въ извѣстную пору жизни. Я строже отнесся къ опредѣленію этого закона, и мнѣ ясно стало, что законовъ безконечнаго развитія не можетъ быть; ясно стало, что сказать: „въ безконечномъ пространствѣ все развивается, совершенствуется, усложняется, дифференцируется“ — это значитъ ничего не сказать. Все это—слова безъ значенія, ибо въ безконечномъ нѣтъ ни сложнаго, ни простого, ни переда, ни зада, ни лучше, ни хуже.

Главное же то, что вопросъ мой личный: „что я такое съ моими желаніями?“—оставался уже совсѣмъ безъ отвѣта. И я понялъ, что знанія эти очень интересны, очень привлекательны, но что точны и ясны эти знанія обратно пропорціонально ихъ приложимости къ вопросамъ жизни: чѣмъ менѣе онѣ приложимы къ вопросамъ жизни, тѣмъ онѣ точнѣе и яснѣе; чѣмъ болѣе онѣ пытаются давать отвѣты на вопросы жизни, тѣмъ болѣе онѣ становятся непривлекательными и неясными. Если обратиться къ тѣмъ отраслямъ этихъ знаній, которыя пытаются давать рѣшенія на вопросы жизни,—къ физіологіи, психологіи, біологіи, соціологіи, то тутъ встрѣчаешь поражающую бѣдность мысли, величайшую неясность, ничѣмъ не оправдываемую притязательность на разрѣшеніе неподлежащихъ вопросовъ, и безпрестанныя противорѣчія одного мыслителя съ дру-

гими, и даже съ самимъ собою. Если обратиться къ отрасли знаній, не занимающихся разрѣшеніемъ вопросовъ жизни, но отвѣчающихъ на свои научные спеціальные вопросы, то восхищаешься силою человѣческаго ума, но знаешь впередъ, что отвѣтовъ на вопросы жизни нѣтъ. Эти знанія прямо игнорируютъ вопросъ жизни. Онѣ говорятъ: „на то, что ты такое, и зачѣмъ ты живешь, мы не имѣемъ отвѣтовъ, и этимъ не занимаемся; а вотъ, если тебѣ нужно знать законы свѣта, химическихъ соединеній, законы развитія организмовъ; если тебѣ нужно знать законы тѣлъ, ихъ формъ, и отношенія чиселъ и величинъ; если тебѣ нужно знать законы своего ума,—то на все это у насъ есть ясные, точные и несомнѣнные отвѣты.“ Вообще, отношеніе наукъ опытныхъ къ вопросу жизни можетъ быть выражено такъ: вопросъ: „зачѣмъ я живу?“— Отвѣтъ: „въ безконечно-большомъ пространствѣ, въ безконечно-долгое время, безконечно-малыя частицы видоизмѣняются въ безконечной сложности, и, когда ты поймешь законы этихъ видоизмѣненій, тогда поймешь, зачѣмъ ты живешь“.

То въ области умозрительной я говорилъ себѣ: „все человѣчество живетъ на основаніи духовныхъ началъ, идеаловъ, руководящихъ его. Эти идеалы выражаются въ религіяхъ, искусствахъ, формахъ государственности. Идеалы эти становятся все выше и

выше, и человѣчество идетъ къ высшему благу. Я—часть человѣчества, и потому призваніе мое состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать сознанію и осуществленію идеаловъ человѣчества“.—И я во время слабоумія своего удовлетворялся этимъ. Но, какъ скоро ясно возсталъ во мнѣ вопросъ жизни,—вся эта теорія мгновенно рушилась. Не говоря о той недобросовѣстной неточности, при которой знанія этого рода выдаютъ выводы, сдѣланные изъ изученія малой части человѣчества, за общіе выводы, не говоря о взаимной противорѣчивости разныхъ сторонниковъ этого воззрѣнія о томъ, въ чемъ состоятъ идеалы человѣчества,—странность, чтобы не сказать глупость, этого воззрѣнія состоитъ въ томъ, что для того, чтобы отвѣтить на вопросъ, предстоящій каждому человѣку: „что я такое?“—,или: „зачѣмъ я живу?“,—или: „что мнѣ дѣлать?“,—человѣкъ долженъ разрѣшить прежде вопросъ: „что такое жизнь всего неизвѣстнаго ему человѣчества, изъ которой ему извѣстна одна крошечная часть въ одинъ крошечный періодъ времени?“ Для того, чтобы понять, что онъ такое, человѣкъ долженъ прежде понять, что такое все это таинственное человѣчество, состоящее изъ такихъ же людей, какъ онъ самъ, непонимающихъ самихъ себя.

Долженъ сознаться, что было время, когда я вѣрилъ этому. Это было то время,

когда у меня были свои излюбленные идеалы, оправдывавшіе мои прихоти, и я старался придумать такую теорію, по которой я бы могъ смотрѣть на свои прихоти, какъ на законъ человѣчества. Но какъ скоро возсталъ въ душѣ моей вопросъ жизни во всей ясности, отвѣтъ этотъ тотчасъ же разлетѣлся прахомъ. И я понялъ, что, какъ въ наукахъ опытныхъ, есть настоящія науки и полунауки, пытающіяся давать отвѣты на неподлежащіе имъ вопросы, такъ и въ этой области я понялъ, что есть цѣлый рядъ самыхъ распространенныхъ знаній, старающихся отвѣчать на неподлежащіе вопросы. Полунауки этой области—науки юридическія, соціально-историческія,—пытаются рѣшать вопросы человѣка тѣмъ, что онѣ мнимо,—каждая по своему—разрѣшаютъ вопросъ жизни всего человѣчества.

Но, какъ въ области опытныхъ знаній, человѣкъ, искренно спрашивающій, какъ ему жить, не можетъ удовлетвориться отвѣтомъ: „изучи въ безконечномъ пространствѣ безконечныя по времени и сложности измѣненія безконечныхъ частицъ,—и тогда ты поймешь свою жизнь“—точно такъ же не можетъ искренній человѣкъ удовлетвориться отвѣтомъ: „изучи жизнь всего человѣчества, котораго ни начала, ни конца мы не можемъ знать, и малой части котораго мы не знаемъ,—и тогда ты поймешь свою жизнь“. И точно такъ же, какъ въ полунаукахъ опытныхъ, и эти полунауки тѣмъ болѣе исполнены неясностей, неточностей, глупостей и противорѣчій, чѣмъ далѣе онѣ уклоняются отъ своихъ задачъ. Задача опытной науки есть причинная послѣдовательность матеріальныхъ явленій; стоитъ опытной наукѣ ввести вопросъ о конечной причинѣ, и—получается чепуха. Задача умозрительной науки есть сознаніе безпричинной сущности жизни; стоитъ ввести изслѣдованіе причинныхъ явленій—какъ явленія соціальныя, историческія—и получается чепуха.

Опытная наука тогда только даетъ положительное знаніе и являетъ величіе человѣческаго ума, когда она не вводитъ въ свое изслѣдованіе конечной причины. И, наоборотъ, умозрительная наука тогда только наука, и являетъ величіе человѣческаго ума, когда она устраняетъ совершенно вопросы о послѣдовательности причинныхъ явленій и разсматриваетъ человѣка только по отношенію къ конечной причинѣ. Такова въ этой области наука, составляющая полюсъ области,—метафизика, или философія. Наука эта ясно ставитъ вопросъ: „что такое я и весь міръ? и зачѣмъ я и весь міръ?“. И съ тѣхъ поръ, какъ она есть, она отвѣчаетъ всегда одинаково. Идеи ли, субстанціи ли, духъ ли, волю ли называетъ философъ сущностью жизни, находящеюся во мнѣ и всемъ существующемъ,—философъ го-

воритъ одно, что эта сущность есть, и что „Я“—есть та же сущность; но зачѣмъ она,—онъ не знаетъ и не отвѣчаетъ, если онъ точный мыслитель. А я спрашиваю: „зачѣмъ быть этой сущности? что выйдетъ изъ того, что она есть и будетъ?“. И философія не только не отвѣчаетъ, а сама только это и спрашиваетъ; и если она истинная философія, то вся ея работа только въ томъ и состоитъ, чтобы ясно поставить этотъ вопросъ. И если она твердо держится своей задачи, то она и не можетъ отвѣчать иначе, какъ: 1) на вопросъ: „что такое я и весь міръ?“—„все и ничто“; 2) а на вопросъ: „зачѣмъ?“ — „зачѣмъ, не знаю“.

Такъ что, какъ я ни верти тѣми умозрительными отвѣтами философіи,—я никакъ не получу ничего похожаго на отвѣтъ, и не потому, что, какъ въ области ясной, опытной, отвѣтъ относится не до моего вопроса, а потому, что тутъ, хотя вся работа умственная направлена именно на мой вопросъ, отвѣта нѣтъ, а вмѣсто отвѣта получается тотъ же вопросъ, только въ усложненной формѣ.

***

Въ поискахъ за отвѣтами на вопросы жизни, я испытывалъ совершенно то же чувство, которое испытываетъ заблудившійся въ лѣсу человѣкъ.

Вышелъ на поляну, взлѣзъ на дерево и увидалъ ясно безпредѣльныя пространства,

но увидалъ, что дома нѣтъ и не можетъ быть. Пошелъ въ чащу, во мракъ,—и увидалъ мракъ, и тоже — нѣтъ и нѣтъ дома.

Такъ я блуждалъ въ этомъ лѣсу знаній человѣческихъ, между просвѣтами знаній математическихъ и опытныхъ, открывавшихъ мнѣ ясные горизонты, но такіе, по направленію которыхъ не могло быть дома, и между мракомъ умозрительныхъ знаній, въ которыхъ я погружался тѣмъ въ большій мракъ, чѣмъ дальше я подвигался,—и убѣдился, наконецъ, въ томъ, что выхода нѣтъ и не можетъ быть.

Отдаваясь свѣтлой сторонѣ знаній, я понималъ, что я только отвожу себѣ глаза отъ вопроса. Какъ ни заманчивы, ясны были горизонты, открывавшіеся мнѣ, какъ ни заманчиво было погружаться въ безконечность этихъ знаній, я понималъ уже, что онѣ, эти знанія, тѣмъ болѣе ясны, чѣмъ менѣе онѣ мнѣ нужны, чѣмъ менѣе отвѣчаютъ на вопросъ. Ну, я знаю, говорилъ я себѣ, все то, что такъ упорно желаетъ знать наука,—а отвѣта на вопросъ о смыслѣ моей жизни на этомъ пути нѣтъ. Въ умозрительной же области я понималъ, что, несмотря на то, или именно потому, что цѣль жизни была прямо направлена на отвѣтъ моему вопросу, отвѣта нѣтъ иного, какъ тотъ, который я самъ далъ себѣ. „Какой смыслъ моей жизни?“—„Никакого“. Или: „что выйдетъ изъ моей жизни?“.—„Ничего“.—Или: „зачѣмъ су-

ществуетъ все то, что существуетъ, и зачѣмъ я существую?“—„Затѣмъ, что существуетъ“.

Спрашивая у одной стороны знаній, я получалъ безчисленное количество точныхъ отвѣтовъ о томъ, о чемъ я не спрашивалъ: о химическомъ составѣ звѣздъ, о движеніи солнца къ созвѣздію Геркулеса, о происхожденіи видовъ и человѣка, о формѣ безконечномалыхъ невѣсомыхъ частицъ эѳира; но отвѣтъ въ этой области знаній на мой вопросъ: „въ чемъ смыслъ моей жизни?“—былъ одинъ и тотъ же: „ты то, что ты называешь твоею жизнью; ты—временное, случайное сцѣпленіе частицъ. Взаимное воздѣйствіе, измѣненіе этихъ частицъ производитъ въ тебѣ то, что ты называешь твоею жизнью. Сцѣпленіе это продержится нѣкоторое время, потомъ взаимодѣйствіе этихъ частицъ прекратится, — и прекратится то, что ты называешь жизнью, прекратятся и всѣ твои вопросы. Ты — случайно сплотившійся комочекъ чего-то. Комочекъ прѣетъ. Прѣніе это называетъ комочекъ своею жизнью. Комочекъ распадется, и кончатся прѣніе и всѣ вопросы.

Такъ отвѣчаетъ ясная сторона знаній, и ничего другого не можетъ сказать, если только она строго слѣдуетъ своимъ основамъ. При такомъ отвѣтѣ оказывается, что отвѣтъ отвѣчаетъ не на вопросъ. Мнѣ нужно знать смыслъ моей жизни, а то, что она есть частица безконечнаго, не только не придаетъ

ей смысла, но уничтожаетъ всякій возможный смыслъ. Тѣ же неясныя сдѣлки, которыя дѣлаетъ эта сторона опытнаго, точнаго знанія съ умозрѣніемъ, при которыхъ говорится, что смыслъ жизни состоитъ въ развитіи и содѣйствіи этому развитію, по неточности и неясности своей, не могутъ считаться отвѣтами.

Другая сторона знаній, умозрительная, когда она строго держится своихъ основъ, прямо отвѣчая на вопросъ, вездѣ и во всѣ вѣка отвѣчаетъ и отвѣчала одно и то же: —„міръ есть что-то безконечное и непонятное; жизнь человѣчества есть непостижимая часть этого непостижимаго Всего“. Опять я исключаю всѣ тѣ сдѣлки между умозрительными и опытными знаніями, которыя составляютъ весь балластъ полунаукъ, такъ называемыхъ юридическихъ, политическихъ, историческихъ. Въ эти науки опять такъ же неправильно вводятся понятія развитія, совершенствованія, съ тою только разницею, что тамъ развитіе всего, а здѣсь жизни людей. Неправильность одна и та же: развитіе, совершенствованіе въ безконечномъ не можетъ имѣть ни цѣли, ни направленія и, по отношенію къ моему вопросу, ничего не отвѣчаетъ.

Тамъ же, гдѣ умозрительное знаніе точно, именно, въ истинной философіи,—не въ той, которую Шопенгауэръ называетъ „профессорской философіей“, служащей только

къ тому, чтобы распредѣлить всѣ существующія явленія по новымъ философскимъ графамъ и назвать ихъ новыми именами,—тамъ, гдѣ философъ не упускалъ изъ вида существенный вопросъ,—отвѣтъ всегда одинъ и тотъ же,—отвѣтъ, данный Сократомъ, Шопенгауэромъ, Соломономъ, Буддою.

„Мы приблизимся къ истинѣ только на столько, на сколько мы удалимся отъ жизни“—говоритъ Сократъ, готовясь къ смерти: „къ чему мы, любящіе истину, стремимся въ жизни? Къ тому, чтобы освободиться отъ тѣла и отъ всего зла, вытекающаго изъ жизни тѣла. Если такъ, то какъ же намъ не радоваться, когда смерть приходитъ къ намъ? Мудрецъ всю жизнь ищетъ смерти, и потому—смерть не страшна ему.“

А вотъ что говоритъ Шопенгауэръ:

„Познавши внутреннюю сущность міра, какъ волю, признавъ предметность этой воли во всѣхъ явленіяхъ, отъ безсознательнаго стремленія темныхъ силъ природы до полной сознаніемъ дѣятельности человѣка, мы никакъ не избѣжимъ того слѣдствія, что, вмѣстѣ съ свободнымъ отрицаніемъ, самоуничтоженіемъ воли, исчезнутъ и всѣ тѣ явленія, то постоянное стремленіе и влеченіе безъ цѣли и отдыха, на всѣхъ ступеняхъ предметности, въ которомъ и чрезъ которое состоитъ міръ; исчезнетъ разнообразіе послѣдовательныхъ формъ, исчезнутъ вмѣстѣ съ формой всѣ ея явленія съ своими общими формами, пространствомъ и временемъ, а, наконецъ, и послѣдняя, основная его форма,—субъектъ и объектъ. Нѣтъ воли, нѣтъ представленія, нѣтъ міра. Предъ нами, конечно, остается только ничто. Но то, что противится этому переходу въ ничтожество, наша природа, есть, вѣдь, только эта самая „воля къ существованію“ (Wille zum Leben), составляющая насъ самихъ и нашъ міръ. Что мы такъ страшимся ничтожества, или, что то же, такъ хотимъ жить, означаетъ только, что мы сами,—не что иное, какъ это хотѣніе жизни, и ничего не знаемъ, кромѣ него. Поэтому, то, что останется по совершенномъ уничтоженіи воли для насъ, которые еще полны волей, есть, конечно, ничто. Но и наоборотъ, для тѣхъ, въ которыхъ воля обратилась и отреклась отъ себя, для нихъ этотъ нашъ столь реальный міръ со всѣми его солнцами и млечными путями есть—ничто...“

. . . . . .

„Суета суетъ“—говоритъ Соломонъ: „что пользы человѣку отъ всѣхъ трудовъ его, которыми трудится онъ подъ солнцемъ? Родъ приходитъ, родъ проходитъ, а земля пребываетъ во вѣки.

Что было, то и будетъ, и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться; и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ. Бываетъ нѣчто о чемъ говорятъ: „смотри, вотъ это новое“, но и это было уже въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ.

Нѣтъ памяти о прежнемъ, да и о томъ, что будетъ, не останется памяти у тѣхъ, которые будутъ послѣ. Я, Екклезіастъ, былъ царемъ надъ Израилемъ въ Іерусалимѣ. И предалъ я сердце мое тому, чтобы испытать мудростью все, что дѣлается подъ небомъ: это тяжелое занятіе далъ Богъ сынамъ человѣческимъ, чтобы они упражнялись въ немъ. Видѣлъ я всѣ дѣла (которыя дѣлаются подъ солнцемъ); и вотъ, все суета и томленіе духа.... Говорилъ я въ сердцѣ моемъ такъ: вотъ, я возвеличился, пріобрѣлъ мудрости больше всѣхъ, которые были прежде меня надъ Іерусалимомъ, и сердце мое видѣло много мудрости и знанія. И предалъ я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать глупость и безуміе; узналъ, что и это—томленіе духа; потому что во многой мудрости много печали, и кто умножаетъ познанія, умножаетъ скорбь.

Сказалъ я въ сердцѣ своемъ: дай испытаю тебя весельемъ, и насладись добромъ. Но и это суета. И о смѣхѣ сказалъ я: глупость, а о весельѣ: что оно дѣлаетъ? Вздумалъ я въ сердцѣ своемъ усладить виномъ тѣло мое и между тѣмъ, какъ сердце мое руководится мудростью, придержаться и глупости, доколѣ не увижу, что лучше для сыновъ человѣческихъ, что должны были бы они дѣлать подъ небомъ въ немногіе дни своей жизни. Я предпринялъ большія дѣла, построилъ домы, посадилъ себѣ виноградники, сдѣлалъ себѣ водоемы для орошенія рощъ, произращающихъ деревья, пріобрѣлъ себѣ слугъ и служанокъ, и домочадцы были у меня; также крупнаго и мелкаго скота было у меня больше всѣхъ, бывшихъ прежде меня въ Іерусалимѣ; собралъ себѣ серебра и золота и драгоцѣнностей отъ царей и областей, завелъ у себя пѣвцовъ и пѣвицъ и, для услажденія сыновъ человѣческихъ, разныя музыкальныя орудія; и сдѣлался я богатымъ и славнымъ больше всѣхъ, бывшихъ прежде меня въ Іерусалимѣ, и мудрость моя пребывала со мною. Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывалъ имъ, не возбранялъ сердцу моему никакого веселія. И оглянулся я на всѣ дѣла, которыя сдѣлали руки мои, и на трудъ, которымъ трудился я, дѣлая ихъ, и вотъ, все—суета и томленіе духа; и нѣтъ отъ нихъ пользы подъ солнцемъ. И оглянулся я, чтобъ взглянуть на мудрость, и безуміе, и глупость; и узналъ я, что одна участь постигаетъ ихъ всѣхъ. И сказалъ я въ сердцѣ своемъ: и меня постигнетъ та же участь, какъ и глупаго, къ чему же я сдѣлался очень мудрымъ? И сказалъ я въ сердцѣ своемъ, что и это—суета, потому что мудраго не будутъ помнить вѣчно, и, увы, мудрый умираетъ наравнѣ съ глупымъ! И возненавидѣлъ я жизнь, ибо все—суета и томленіе духа. И возненавидѣлъ я весь трудъ мой, которымъ трудился я подъ солнцемъ, потому что я долженъ

оставить его человѣку, который будетъ послѣ меня. Ибо что будетъ имѣть человѣкъ отъ всего труда своего, которымъ онъ трудился подъ солнцемъ? Потому что всѣ дни его — скорби, и его труды - безпокойство; даже и ночью сердце его не знаетъ покоя. И это—суета“.

Такъ говоритъ Соломонъ, или тотъ, кто писалъ эти слова. А вотъ что говоритъ индійская мудрость:

„Сакія-Муни, молодой счастливый царевичъ, отъ котораго скрыты были болѣзни, старость и смерть, ѣдетъ на гулянье, и видитъ страшнаго старика, беззубаго и слюняваго. Царевичъ—отъ котораго до тѣхъ поръ скрыта была старость—удивляется и спрашиваетъ возницу, что это такое и отчего человѣкъ этотъ пришелъ въ такое жалкое и безобразное состояніе? И когда онъ узнаетъ, что это — общая участь, и что ему, молодому царевичу, неизбѣжно предстоитъ то же самое—онъ не можетъ уже ѣхать гулять и приказываетъ вернуться, чтобы обдумать это. И онъ запирается одинъ и обдумываетъ.И, вѣроятно, придумываетъ себѣ какое нибудь утѣшеніе, потому что опять, веселый и счастливый, выѣзжаетъ на гулянье. Но на этотъ разъ ему встрѣчается больной. Онъ видитъ изможденнаго, посинѣвшаго, трясущагося человѣка, съ помутившимися глазами. Царевичъ—отъ котораго скрыты были болѣзни — останавливается и спрашиваетъ:

„что это такое?“—и тогда онъ узнаетъ, что это—болѣзнь, которой подвержены всѣ люди, и что онъ самъ, здоровый и счастливый царевичъ, завтра можетъ заболѣть такъ же. Онъ опять не имѣетъ духа веселиться, приказываетъ вернуться, опять ищетъ успокоенія. И, вѣроятно, находитъ, потому что въ третій разъ ѣдетъ гулять. Но въ третій разъ онъ видитъ еще новое зрѣлище: онъ видитъ, что несутъ что-то. „Что это?“— Мертвый человѣкъ.—„Что значитъ — мертвый?“—Ему говорятъ, что сдѣлаться мертвымъ—значитъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ сдѣлался этотъ человѣкъ.—„Что же съ нимъ будетъ дальше?“—Ему говорятъ, что его закопаютъ въ землю. — „Зачѣмъ?“ — Затѣмъ, что онъ уже навѣрное не будетъ больше никогда живымъ, а только будутъ отъ него смрадъ и черви. — „И это — удѣлъ всѣхъ людей! И со мною будетъ тоже? Меня закопаютъ, и отъ меня будетъ смрадъ, и меня съѣдятъ черви?“ — Да. — „Назадъ! Я не ѣду гулять, и никогда не поѣду больше!!!“

И Сакія-Муни не могъ найти утѣшенія въ жизни, и онъ рѣшилъ, что жизнь— величайшее зло, и всѣ силы души употребилъ на то, чтобы освободиться отъ нея и освободить другихъ. И освободить такъ, чтобы и послѣ смерти жизнь не возобновлялась какъ нибудь, чтобы уничтожить жизнь совсѣмъ въ корнѣ“.

***

„Не найдя разъясненія въ знаніи, я сталъ искать этого разъясненія въ жизни, надѣясь въ людяхъ, окружающихъ меня, найти его. И я сталъ наблюдать людей, — такихъ же, какъ и я, какъ они живутъ вокругъ меня и какъ они относятся къ этому вопросу, приведшему меня къ отчаянію.

И вотъ что я нашелъ у людей, находящихся въ одномъ со мною положеніи по образованію и образу жизни.

Я нашелъ, что для людей моего круга есть четыре выхода изъ того ужаснаго положенія, въ которомъ мы всѣ находимся.

Первый выходъ есть выходъ невѣдѣнія. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы не знать, не понимать того, что жизнь есть зло и безсмыслица. Люди этого разряда—большею частью, женщины или очень молодые или очень тупые люди—еще не поняли того вопроса жизни, который представлялся Шопенгауэру, Соломону и Буддѣ. Они не видятъ ни дракона, ожидающаго ихъ, ни мышей, подтачивающихъ кусты, за которые они держатся,— и лижутъ капли меда. Но они лижутъ эти капли меда только до времени: кто нибудь обратитъ ихъ вниманіе на дракона и мышей, и — конецъ ихъ лизанію. Отъ этихъ людей мнѣ нечему научиться: нельзя перестать знать то, что знаешь.

Второй выходъ, — это выходъ эпикурейства. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы, зная безнадежность жизни, пользоваться покамѣстъ тѣми благами, какія есть, не смотрѣть ни на дракона, ни на мышей, а лизать медъ самымъ лучшимъ образомъ, особенно, если его накопилось много. Соломонъ выражаетъ этотъ выходъ такъ:

— „И похвалилъ я веселье, потому что нѣтъ лучшаго для человѣка подъ солнцемъ, какъ ѣсть, пить и веселиться: это сопровождаетъ его въ трудахъ во всѣ дни жизни его, которую далъ ему Богъ подъ солнцемъ. И такъ, иди, ѣшь съ весельемъ хлѣбъ твой, и пей въ радости сердца вино твое.... Наслаждайся жизнью съ женщиной, которую любишь, во всѣ дни суетной жизни твоей, во всѣ суетные дни твои, потому что это доля твоя въ жизни и трудахъ твоихъ, какими ты трудишься подъ солнцемъ... Все, что можетъ рука твоя по силамъ дѣлать,—дѣлай, потому что въ могилѣ, куда ты пойдешь, нѣтъ ни работы, ни размышленія, ни знанія, ни мудрости“.—

Такъ думаетъ и чувствуетъ большинство людей нашего времени и нашего образа жизни. То, что нѣкоторые изъ этихъ людей утверждаютъ, что тупость ихъ мысли и воображенія есть философія, которую они называютъ позитивной, не выдѣляетъ, на мой взглядъ, этихъ людей изъ разряда тѣхъ, которые, чтобы не видать вопроса, лижутъ медъ. И этимъ людямъ я не могъ подра-

жать; не имѣя ихъ тупости воображенія, я не могъ искусственно произвести ее въ себѣ. Я не могъ, какъ не можетъ всякій живой человѣкъ, оторвать глазъ отъ дракона и мышей, когда разъ увидалъ ихъ.

Третій выходъ есть выходъ силы и энергіи. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы, понявъ, что жизнь есть зло и безсмыслица, уничтожить ее. Такъ поступаютъ рѣдкіе, сильные и послѣдовательные люди. Понявъ всю глупость шутки, какая надъ ними сыграна, и понявъ, что блага умершихъ паче благъ живыхъ, и что лучше не быть, такъ и поступаютъ и кончаютъ сразу эту глупую шутку, благо есть средства: петля на шею, вода, ножъ, чтобы имъ проткнуть сердце, поѣзда на желѣзныхъ дорогахъ. И людей изъ нашего круга, поступающихъ такъ, становится все больше и больше. И поступаютъ люди такъ, большею частью, въ лучшій періодъ жизни, когда силы души находятся въ самомъ расцвѣтѣ, а уничтожающихъ человѣческій разумъ привычекъ еще усвоено мало. Я видѣлъ, что это самый достойный выходъ и хотѣлъ поступить такъ.

Четвертый выходъ есть выходъ слабости. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы, понимая зло и безсмысленность жизни, продолжать тянуть ее, зная впередъ, что ничего изъ нея выйти не можетъ. Люди этого разбора знаютъ, что смерть лучше жизни, но, не имѣя силъ поступить разумно, —поскорѣе кончить обманъ и убить себя—чего-то, какъ будто,

ждутъ. Это есть выходъ слабости, ибо, если я знаю лучшее, и оно въ моей власти, почему не отдаться лучшему? Я находился въ этомъ разрядѣ.

Такъ люди моего разбора четырьмя путями спасаются отъ ужаснаго противорѣчія. Сколько я ни напрягалъ свое вниманіе,—кромѣ этихъ выходовъ я не видалъ иныхъ. Одинъ выходъ—не понимать того, что жизнь есть безсмыслица, суета и зло, и что лучше не жить. Я не могъ не знать этого и, когда разъ узналъ, не могъ закрыть на это глаза. Другой выходъ — пользоваться жизнью такою, какая она есть, не думая о будущемъ. И этого не могъ я сдѣлать. Я, какъ Сакіа-Муни, не могъ ѣхать на охоту, когда зналъ, что есть старость, страданія и смерть. Воображеніе у меня было слишкомъ живо. Кромѣ того, я не могъ радоваться минутной случайности, кинувшей на мгновеніе наслажденіе на мою долю. Третій выходъ,—понявъ, что жизнь есть зло и глупость, прекратить ее, убить себя. Я понялъ это, но почему-то все еще не убивалъ себя. Четвертый выходъ — жить въ положеніи Соломона, Шопенгауэра,—знать, что жизнь глупая сыгранная надо мною шутка, и все таки жить,—умываться, одѣваться, обѣдать, говорить и даже книжки писать. Это было для меня отвратительно, мучительно, но я все таки оставался въ этомъ положеніи“.

— И, за все это время—Толстой искренно по-

лагалъ, въ такихъ соображеніяхъ, что онъ дѣйствительно изучаетъ человѣчество. Ему казалось, что немногочисленный кругъ ученыхъ, богатыхъ, досужихъ людей, къ которому онъ самъ принадлежалъ—что это-то и есть человѣчество, а что милліоны жившихъ и живущихъ внѣ этого круга существъ суть какъ бы животныя, а не люди. Толстому казалось, что реальны и достойны вниманія только жизнь Соломона или Шопенгауэра,—или его самого, Толстого,— а] жизнь, проводимая милліонами простыхъ и неученыхъ, и небогатыхъ людей не заслуживаетъ никакого изученія, не стоитъ того, чтобъ и принимать ее въ соображеніе.

***

Къ счастію для Толстого, его выручила инстинктивная, врожденная у него, любовь къ рабочему люду и склонность къ деревенской жизни. Этимъ путемъ пришелъ онъ къ догадкѣ, что онъ самъ и нѣсколько тысячъ людей его класса еще далеко не составляютъ человѣчества, и что не здѣсь найдетъ онъ разгадку жизни. Онъ понялъ, что милліоны безъизвѣстныхъ, темныхъ существъ, составляющихъ весь огромный міръ человѣчества, имѣютъ уже свое собственное рѣшеніе задачи. Для нихъ смыслъ, разгадка жизни была—ВѢРА. Толстой былъ вынужденъ признать, что за предѣлами раціональнаго знанія, казавшагося ему дотолѣ единственнымъ истиннымъ,— существуетъ еще въ каждомъ живомъ человѣкѣ другое ирраціональное знаніе—*вѣра*, и что она-то и открываетъ возможность жить.

Разумъ могъ не признавать этого знанія, но былъ поставленъ въ необходимость обратиться къ вѣрѣ, чтобы получить отвѣтъ на вопросъ о смыслѣ и значеніи жизни. Однако, разбирая тѣхъ людей изъ своего класса, которые были вѣрующими, Толстой убѣдился, что самый ихъ образъ жизни стоялъ въ прямомъ противорѣчіи съ ихъ вѣрованіями. Они жили совершенно такъ же, какъ и онъ самъ. Столько же ужасались и бѣдности, и болѣзней, и смерти, какъ и онъ самъ—тогда какъ, еслибъ въ нихъ жила дѣятельная вѣра, то она поборола бы этотъ страхъ. Тогда онъ обратился къ наблюденію того, какъ живетъ простой народъ.—Онъ сталъ искать сѣмена вѣры между бѣдными, простыми, ничтожными, неучеными людьми, въ средѣ странниковъ, монаховъ, раскольниковъ, мужиковъ. И у нихъ онъ нашелъ то, что вѣра ихъ была согласна съ дѣлами.

„Всѣ эти сомнѣнія, которыя теперь я въ состояніи высказать болѣе или менѣе связно, тогда я не могъ бы высказать. Тогда я только чувствовалъ, что какъ ни логически неизбѣжны были мои, подтверждаемые величайшими мыслителями, выводы о тщетѣ жизни, въ нихъ было что-то неладно. Въ самомъ ли разсужденіи, въ постановкѣ ли вопроса—я не зналъ;—я чувствовалъ только, что убѣдительность разумная была совершенная, но что ея было мало... Всѣ эти доводы не могли убѣдить меня такъ, чтобы я сдѣлалъ то, что вытекало изъ моихъ разсужденій, т. е. чтобы я убилъ себя. И я

бы сказалъ неправду, еслибъ сказалъ, что я разумомъ пришелъ къ тому, къ чему пришелъ, и не убилъ себя. Разумъ работалъ, но работало еще что-то другое, что я не могу назвать иначе, какъ сознаніемъ жизни. Работала еще та сила, которая заставляла меня обращать вниманіе на то, а не на это; и эта-то сила вывела меня изъ моего отчаяннаго положенія и совершенно иначе направила мой разумъ. Эта сила заставила меня обратить вниманіе на то, что я съ сотнями подобныхъ мнѣ людей не есть все человѣчество, что жизни человѣчества я еще не знаю.

Оглядывая тѣсный кружокъ сверстныхъ мнѣ людей, я видѣлъ только людей, не понимавшихъ вопроса, понимавшихъ и заглушавшихъ вопросъ пьянствомъ жизни, понявшихъ и прекращавшихъ жизнь, и понявшихъ, но по слабости доживавшихъ отчаянную жизнь. И я не видалъ иныхъ. Мнѣ казалось, что тотъ тѣсный кружокъ ученыхъ, богатыхъ и досужихъ людей, къ которому я принадлежалъ, составляетъ все человѣчество, а что тѣ милліарды жившихъ и живыхъ людей—это—„такъ“, какіе-то скоты, а не люди.

Какъ ни странно, ни неимовѣрно непонятно кажется мнѣ теперь то, какъ могъ я, разсуждая про жизнь, просмотрѣть окружавшихъ меня со всѣхъ сторонъ, какъ я могъ до такой степени смѣшно заблуждаться, чтобы думать, что жизнь моя, Соломоновъ и Шопенгауэровъ есть настоя-

щая нормальная жизнь, а жизнь милліардовъ есть нестоющее вниманія обстоятельство,—какъ ни странно это мнѣ теперь,—я вижу, что это такъ было. Въ заблужденіи гордости ума мнѣ такъ казалось несомнѣннымъ, что мы съ Шопенгауэромъ и Соломономъ поставили вопросъ такъ вѣрно и истинно, что другого ничего быть не можетъ,—такъ несомнѣнно казалось, что всѣ эти милліарды принадлежатъ къ тѣмъ, которые еще не дошли до постиженія всей глубины вопроса, что я искалъ смысла своей жизни и ни разу не подумалъ:—„да какой же смыслъ придаютъ и придавали своей жизни всѣ милліарды, жившіе и живущіе на свѣтѣ?“—

Я долго жилъ въ этомъ сумасшествіи, особенно свойственномъ не на словахъ, но на дѣлѣ, намъ, самымъ либеральнымъ и ученымъ людямъ. Но, благодаря ли моей какой-то странной физической любви къ настоящему рабочему народу, заставившей меня понять его и увидать, что онъ не такъ глупъ, какъ мы думаемъ, или, благодаря искренности моего убѣжденія въ томъ, что я ничего не могу знать, какъ то, что самое лучшее, что я могу сдѣлать—это повѣситься,—я чуялъ, что, если я хочу жить и понимать смыслъ жизни, то искать этого смысла жизни мнѣ надо не у тѣхъ, которые потеряли смыслъ жизни и хотятъ убить себя, а у тѣхъ милліардовъ отжившихъ и живыхъ людей, которые дѣлаютъ и на себѣ

несутъ свою и нашу жизнь. И я оглянулся на огромныя массы отжившихъ и живущихъ простыхъ и неученыхъ, и небогатыхъ людей и увидалъ совершенно другое. Я увидалъ, что всѣ эти милліарды жившихъ и живущихъ людей, всѣ, за рѣдкими исключеніями, не подходятъ къ моему дѣленію, что признать ихъ непонимающими вопроса я не могу, потому что они сами ставятъ его и съ необыкновенной ясностью отвѣчаютъ на него. Признать ихъ эпикурейцами также не могу, потому что жизнь ихъ слагается больше изъ лишеній и страданій, чѣмъ наслажденій; признать ихъ неразумно доживающими безсмысленную жизнь могу еще меньше, потому что всякій актъ ихъ жизни, и самая смерть, объясняется ими; убивать же себя они считаютъ величайшимъ зломъ. Оказывалось, что у всего человѣчества есть какое-то, непризнаваемое и презираемое мною, знаніе смысла жизни. Выходило, что знаніе разумное не даетъ смысла жизни; смыслъ же, придаваемый жизни милліардами людей, всѣмъ человѣчествомъ, зиждется на какомъ-то презрѣнномъ ложномъ знаніи.

Разумное знаніе, въ лицѣ ученыхъ и мудрыхъ, отрицаетъ смыслъ жизни, а огромныя массы людей, все человѣчество, признаютъ этотъ смыслъ въ неразумномъ знаніи. И это неразумное знаніе есть вѣра, та самая, которую я не могъ не отринуть. Положеніе мое было ужасно. Я зналъ, что я ни-

чего не найду на пути разумнаго знанія, кромѣ отрицанія жизни; а тамъ, въ вѣрѣ,— ничего, кромѣ отрицанія разума, которое еще невозможнѣе, чѣмъ отрицаніе жизни. По разумному знанію выходило такъ, что жизнь есть зло, и люди знаютъ это, отъ людей зависитъ не жить, а они жили и живутъ, и я самъ жилъ, хотя я зналъ уже давно, что жизнь безсмысленна и есть зло. По вѣрѣ выходило, что для того, чтобы понять смыслъ жизни, я долженъ отречься отъ разума, того самаго, для котораго только и нуженъ смыслъ жизни.

. . . . . .

Никакія разсужденія не могли убѣдить меня въ истинности ихъ *) вѣры. Только такія дѣйствія, которыя показывали бы, что у нихъ есть смыслъ жизни,—такой, при которомъ страшныя мнѣ нищета, болѣзни и смерть не страшны имъ, могли бы убѣдить меня. А такихъ дѣйствій я не видалъ между этими разнообразными вѣрующими нашего круга. Я видѣлъ такія дѣйствія, напротивъ, между людьми нашего круга самыми невѣрующими, но никогда между такъ называемыми вѣрующими изъ нашего круга.

И я понялъ, что вѣра этихъ людей не та, которую я искалъ, что ихъ вѣра не есть вѣра, а только одно изъ эпикурейскихъ утѣшеній въ жизни. Я понялъ, что эта вѣра

*) Т. е. ученыхъ и мудрыхъ людей.

годится, можетъ быть, хоть не для утѣшенія, а для нѣкотораго разсѣянія раскаявшемуся Соломону на смертномъ одрѣ, но она не можетъ годиться для огромнаго большинства человѣчества, которое призвано не потѣшаться, пользуясь трудами другихъ, а творить жизнь. Для того, чтобы все человѣчество могло жить, для того, чтобы оно продолжало жизнь, придавая ей смыслъ,—у нихъ, у этихъ милліардовъ, должно быть другое, настоящее знаніе вѣры. Вѣдь не то, что мы съ Соломономъ и Шопенгауэромъ не убили себя, не это убѣдило меня въ существованіи вѣры, а то, что жили эти милліарды и живутъ, и меня съ Соломономъ вынесли на своихъ волнахъ жизни.

И я сталъ сближаться съ вѣрующими изъ бѣдныхъ, простыхъ, неученыхъ людей. Вѣроученіе этихъ людей изъ народа было тоже христіанское, какъ и мнимо-вѣрующихъ изъ нашего круга. Къ истинамъ христіанскимъ примѣшано было тоже много суевѣрій, но разница была въ томъ, что суевѣрія вѣрующихъ нашего круга были совсѣмъ не нужны имъ, не вязались съ ихъ жизнью, были только своего рода эпикурейскою потѣхой; суевѣрія же вѣрующихъ изъ трудового народа были до такой степени связаны съ ихъ жизнью, что нельзя было представить ихъ жизнь безъ этихъ суевѣрій—они были необходимымъ условіемъ этой жизни. Вся жизнь вѣрующихъ нашего

круга была противорѣчіемъ ихъ вѣрѣ, а вся жизнь людей вѣрующихъ и трудящихся была подтвержденіемъ того смысла жизни, который давало знаніе вѣры. И я сталъ вглядываться въ жизнь и вѣрованія этихъ людей, и чѣмъ больше я вглядывался, тѣмъ больше убѣждался,—что у нихъ есть настоящая вѣра, что вѣра ихъ необходима для нихъ и она одна даетъ имъ смыслъ и возможность жизни.

Въ противоположность тому, что я видѣлъ въ нашемъ кругу, гдѣ возможна жизнь безъ вѣры и гдѣ изъ тысячи едва-ли одинъ признаетъ себя вѣрующимъ, въ ихъ средѣ едва-ли одинъ невѣрующій на тысячу. Въ противоположность тому, что я видѣлъ въ нашемъ кругу, гдѣ вся жизнь проходитъ въ праздности, потѣхахъ и недовольствѣ жизнью,—я видѣлъ, что вся жизнь этихъ людей проходитъ въ тяжеломъ трудѣ, и они были довольны жизнью. Въ противоположность тому, что люди нашего круга противились и негодовали на судьбу за лишенія и страданія,—эти люди принимали болѣзни и горести безъ всякаго недоразумѣнія и противленія, а со спокойной и твердой увѣренностью, что все это добро. Въ противоположность тому, что, чѣмъ мы умнѣе, тѣмъ менѣе понимаемъ смыслъ жизни,—и видимъ какую-то злую насмѣшку въ томъ, что мы страдаемъ и умираемъ,—эти люди живутъ, страдаютъ и приближаются къ смерти со спокойствіемъ, чаще же всего съ ра-

достью. Въ противоположность тому, что спокойная смерть, смерть безъ ужаса и отчаянія есть самое рѣдкое исключеніе въ нашемъ кругу,— смерть неспокойная, непокорная и не радостная есть рѣдкое исключеніе среди народа. И такихъ людей, лишенныхъ всего того, что для насъ съ Соломономъ есть единственное благо жизни, и испытывающихъ при этомъ величайшее счастье—множество.

Я оглянулся шире вокругъ себя. Я вглядѣлся въ жизнь прошедшихъ и современныхъ огромныхъ массъ людей. И я видѣлъ такихъ понявшихъ смыслъ жизни, умѣющихъ жить и умирать, не двухъ, трехъ, десять, а сотни, тысячи, милліоны... И вотъ они, безконечно различные по своему нраву, уму, образованію, положенію,—всѣ одинаково и совершенно противоположно моему невѣдѣнію знали смыслъ жизни и смерти, спокойно трудились, переносили лишенія и страданія, жили и умирали, видя въ этомъ не суету, а добро.

И я полюбилъ этихъ людей. Чѣмъ больше я вникалъ въ ихъ жизнь—живыхъ людей и жизнь умершихъ людей, про которыхъ я читалъ и слышалъ, тѣмъ больше я любилъ ихъ и тѣмъ легче мнѣ самому становилось жить. Я жилъ такъ года два, и со мной случился переворотъ, который давно готовился во мнѣ и задатки котораго всегда были во мнѣ. Со мною случилось то, что жизнь нашего круга,—богатыхъ, ученыхъ,—не только опротивѣла мнѣ, но потеряла всякій смыслъ.

Всѣ наши дѣйствія, разсужденія, науки, искусства,—все это предстало мнѣ въ новомъ значеніи: я понялъ, что все это—одно баловство, что искать смысла въ этомъ нельзя. Жизнь же всего трудящагося народа, всего человѣчества, творящаго жизнь, представилась мнѣ въ ея настоящемъ значеніи. Я понялъ, что это—сама жизнь, и что смыслъ, придаваемый этой жизни, есть истина. И я принялъ его.“

Лишенные всего того, что для премудраго Соломона и для людей изъ круга Толстого единственно представляется жизненными благами,—люди эти однако счастливы. Не одинъ и не двое изъ нихъ, не десятокъ и не сотня, а цѣлыя тысячи, милліоны такъ относятся къ жизни, что они въ силахъ одинаково и жить и умереть. И Толстому образъ жизни людей его круга—богатыхъ и ученыхъ—не только сталъ противенъ, но просто утратилъ всякое для него значеніе. Дѣла ихъ и мысли, познанія и художества,—все это стало ему представляться не болѣе, какъ дѣтскими играми. У крестьянъ и у рабочихъ нашелъ онъ истинное пониманіе жизни—и принялъ его.

Послѣ десяти лѣтъ борьбы и исканій, Толстой нашелъ, наконецъ, ту истину, которую свойственно открывать только пророкамъ,—истину вложенную великимъ Гёте въ своего „Фауста“ — что смыслъ жизни есть отреченіе отъ самого себя; что единственное положеніе, въ которомъ мы можемъ найти примиреніе съ жизнью, это—жить не для себя, а ради своихъ ближнихъ.

Мы можемъ такимъ образомъ прослѣдить тотъ процессъ, которымъ пришелъ Толстой къ его теперешнимъ воззрѣніямъ,—къ познанію истины. Онъ отправился отъ принципа исключительнаго развитія своего „Я“, своей индивидуальности. На практикѣ этотъ принципъ привелъ его къ борьбѣ, ненависти и насилію. Онъ окончилъ—принципомъ абсолютнаго пожертвованія своимъ „Я“—и, практически, этотъ принципъ привелъ его къ жизни самоотверженной, полной любви и мира. И такъ, говоритъ Толстой—„сила жизни возобновилась во мнѣ и я опять началъ жить“.....

***

По сочиненіямъ Толстого, мы можемъ весьма ясно прослѣдить всѣ тѣ ступени духовнаго развитія, по которымъ онъ переходилъ отъ одной крайности въ другую. Той ошибкой, вслѣдствіе которой онъ такъ долго не могъ достигнуть истиннаго пониманія жизни,—было то, что типомъ нормальной жизни онъ принялъ сначала свою собственную жизнь.

„Я понялъ, что истину закрывало отъ меня не столько заблужденіе моей мысли, сколько самая жизнь моя, въ тѣхъ исключительныхъ условіяхъ эпикурейства, въ которыхъ я провелъ ее. Я понялъ, что на мой вопросъ о томъ, „что есть жизнь моя?“ отвѣтъ—„зло“—былъ совершенно правиленъ. Неправильно было только то, что отвѣтъ, относящійся только ко мнѣ, я отнесъ къ жизни вообще: я спросилъ себя: „что такое моя

жизнь?“ и получилъ отвѣтъ—зло и безсмыслица. И точно, моя жизнь—жизнь потворства и похоти—была безсмысленна и зла, и потому отвѣтъ: „жизнь—зло и безсмыслица“ относился только къ моей жизни, а не къ жизни людской вообще. Я понялъ ту истину—впослѣдствіи найденную мною въ Евангеліи,—что „люди болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ, потому что дѣла ихъ были злы; ибо всякій, дѣлающій худыя дѣла, ненавидитъ свѣтъ и нейдетъ къ свѣту, чтобъ не обличились дѣла его“. Я понялъ, что для того, чтобы понять смыслъ жизни, надо, прежде всего, чтобы жизнь была не безсмысленна и зла,—а потомъ уже разумъ, чтобы понять ее. Я понялъ, почему я такъ долго ходилъ около такой очевидной истины, и что, если говорить и думать о жизни человѣчества, то надо думать и говорить о жизни человѣчества, а не о жизни нѣсколькихъ паразитовъ человѣчества. Истина эта всегда была истиной, какъ $2 \times 2 = 4$; но я не признавалъ ея, потому что, признавъ ее, я долженъ былъ признать то, что я нехорошъ. А чувствовать себя хорошимъ было для меня важнѣе и обязательнѣе, чѣмъ $2 \times 2 = 4$. Я полюбилъ хорошихъ людей, возненавидѣлъ себя,—и я призналъ истину. Теперь мнѣ все ясно стало.

Что, еслибы палачъ, проводящій жизнь въ пыткахъ и отсѣченіи головъ, или мертвый пьяница, или сумасшедшій, засѣвшій на всю жизнь въ темную комнату, огадившій эту свою

комнату и воображающій, что онъ погибнетъ, если выйдетъ изъ нея,—что, еслибы онъ спросилъ себя: „что такое жизнь?“ Очевидно, онъ не могъ бы получить на свой вопросъ другого отвѣта, какъ тотъ, что жизнь есть величайшее зло. И отвѣтъ сумасшедшаго былъ бы совершенно правиленъ, но для него только. Что какъ я—такой же съумасшедшій?

Признавъ своимъ кормчимъ *Вѣру*, Толстому оставалось выработать примѣненіе своихъ принциповъ къ практической жизни. Тотъ способъ, по которому онъ это сдѣлалъ, поразилъ и потрясъ весь цивилизованный міръ. Толстой не допускаетъ какого либо измѣненія ученія Христа ради того, чтобы приспособиться къ ходу и къ отношеніямъ нынѣшней цивилизаціи,—но требуетъ *буквальнаго* принятія преподанныхъ Христомъ правилъ. „Если врагъ твой ударитъ тебя по ланитѣ, подставь ему другую“. — „Не противься злу“. — „Продай свое имущество и раздай его бѣднымъ“ и т. д.

* *
*

Въ послѣдніе годы Толстой отказался отъ чисто литературнаго творчества—писанія повѣстей и романовъ,—за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ въ нихъ влагаетъ ту или другую доктрину; такова, напримѣръ, „Смерть Ивана Ильича“, или „Хозяинъ и Работникъ“. Послѣднее произведеніе выражаетъ собою ту истину, которая стала жизненной задачею Толстого,—т. е.

что счастье обрѣтается лишь тѣмъ, чтобы жить не для себя, а для другихъ...

Въ своемъ послѣднемъ произведеніи онъ еще разъ, въ формѣ вымысла, воплотилъ свои ученія. „Воскресенье“—есть исторія возрожденія двухъ уснувшихъ, умершихъ душъ. Основная мысль романа та, что человѣкъ несетъ нравственную отвѣтственность за душу тѣхъ, кого онъ повергнулъ въ бездну грѣха.

Герой романа Нехлюдовъ,—поставленъ *внезапно* лицомъ къ лицу съ женщиной, которую онъ соблазнилъ и бросилъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Со ступени на ступень, спускаясь все ниже, она дошла въ эти годы до края безстыдной жизни и паденія,—и всякое женское чувство погасло въ ней. И вотъ въ Нехлюдовѣ просыпается сознаніе его *собственной отвѣтственности* за ея паденіе, и онъ рѣшается сдѣлать задачею своей жизни искупленіе этой души. По мѣрѣ того, какъ онъ эту рѣшимость приводитъ въ исполненіе,—пробуждается и растетъ его собственная душа. Вся книга, вмѣстѣ съ тѣмъ,—суровая критика современнаго положенія Россіи—ея судебныхъ порядковъ, политической испорченности, недостатковъ церковнаго устройства, ненормальныхъ общественныхъ отношеній.

Очень многія изъ послѣднихъ сочиненій Толстого представляютъ собою отдѣльные отрывки, написанные на извѣстную, заранѣе предвзятую тему, которую авторъ въ особенности желаетъ внушить простолюдинамъ: таковъ, напримѣръ, небольшой разсказъ: „Много ли нужно человѣку

земли?“ Выводится человѣкъ,—Пахомъ,—которому разрѣшено завладѣть такимъ количествомъ земли, сколько онъ можетъ обойти кругомъ отъ восхода солнца до его заката. Отправляясь въ путь, человѣкъ разсчиталъ приблизительно, какую окружность въ силахъ онъ сдѣлать въ назначенное ему время. Но вскорѣ его начинаетъ преслѣдовать мысль, что, прибавивъ шагу, онъ обойдетъ бо́льшее пространство. Не можетъ ли онъ забрать въ отведенную ему окружность и вотъ эту добрую полоску земли, и вотъ этотъ лакомый кусочекъ!.. Желанія его растутъ по мѣрѣ того, какъ онъ подвигается,—и вотъ, рукою великаго художника, проводятся передъ нами и ростъ этихъ желаній алчнаго путника, и его усилія прибавить ходу, и лихорадочное напряженіе, чтобы поспѣть обратно къ указанному мѣсту въ назначенное время. Наконецъ—солнце садится,—предѣлъ достигнутъ,—и человѣкъ падаетъ мертвый у цѣли.....

„Подбѣжалъ работникъ Пахомовъ, хотѣлъ поднять его, а у него изо рта кровь течетъ и онъ мертвый лежитъ.

Поднялъ работникъ скребку, выкопалъ Пахому могилу, ровно—насколько онъ отъ ногъ до головы захватилъ—три аршина, и закопалъ его“...

...Весь внутренній трагизмъ нашего девятнадцатаго столѣтія, въ его непрестанной алчности захватить „больше“, бьется и дышетъ въ этомъ разсказѣ подъ перомъ Толстого...